

СВЕНІЯ ХАЛЬ
СІЛЬЯ ХАЛЬ

АЛІСА

В ЗАМУЖИКАЛЬЕ

Annotation

Мужика нужно брать, когда он жирует на расслабоне по столичным клубам. Особенно, если этот мужик-олигарх. Для того я и приехала в Москву. Чтобы подцепить на крючок золотого рыбка из списка "Форбс". Но вместо этого попала в магическую академию самой Судьбы, на факультет ЗаМУЖИКаля. Прямо в лапы грозного властного ректора-дракона, который меня возненавидел с первой же минуты. И теперь вместо того, чтобы планировать шикарную свадьбу в Куршевеле, я должна просто выжить и распутать тугой клубок чужих интриг.

- [Евгения Халь](#)
 - [1 Глава. Правила охоты на мужика](#)
 - [2 Глава. Билетик в "Форбс" – страну чудес](#)
 - [3 Глава. Влажнопутные войска](#)
 - [4 Глава. Стань в очередь, моя огнеплойная конфетка!](#)
 - [5 глава. Не могу я жить с ботаном](#)
 - [6 Глава. Драконова добыча](#)
 - [7 Глава. Постель - не повод для знакомства](#)
 - [8 Глава. Леда Марлезонского балета](#)
 - [9 Глава. Хочу быть принцессой!](#)
 - [10 Глава. Кажется, я влюбилась](#)
 - [11 Глава. Когда я вырасту и стану великаном...](#)
 - [12 Глава. Танцы для дракона](#)
 - [13 Глава. Почему мне никогда не попадаютсь нормальные мужики?](#)
 - [14 Глава. Наедине с драконом](#)
 - [15 Глава. Наказание строптивой](#)
 - [16 Глава. Я не отдам тебя Ангелу Смерти!](#)
 - [17 Глава. Свидание с драконом](#)
 - [18 Глава. Прынец в зачуханной короне](#)
 - [19 Глава. Эпилог, ушатай меня, Китай!](#)
-

Евгения Халь

ЗаМУЖИКа́лье. 1. Алиса в

Замужика́лье

1 Глава. Правила охоты на мужика

Евгения Халь

Илья Халь

Мужика нужно брать, когда он жирует! Это знают все девушки, которые на них, мужиков, когда-либо охотились. Ножкой сейчас взмах повыше – рраз! Бедро занесла – куда оно опустится это уже не важно. Тут, главное, замах. А к замаху мужские глаза намертво приклеиваются. Смотри сюда, мой денежный мешочек! Сейчас эти бедра прорубят нехилую такую дыру в твоём "Форбсе".

Все эти интернет-курсы по пикапу пусть катятся к черту или в Таиланд! Ушатай их, Китай! У меня свои методы. Мужик – он как бизон. Пока бежит к цели – голова вниз, копытом землю роет. Ему все равно, что по сторонам происходит. Попробуйте бизона остановить! Зашибет и не заметит! А вот когда он добежал, расслабился, травушку пощипал и успокоился, тут-то мы его и – ам!

Особенно важно помнить правила охоты, если мужик – олигарх. У них работа нервная, жизнь запылённая. То заработай деньги, то пересчитай. То следи, чтобы не украли. Он за день на пять миллионов купит, на десять продаст. Вечером в клуб зайдёт, глаза у него уже на лбу, а в них, как на электронном табло сплошные циферки мечутся: цены на товар и курсы валют на международных биржах. И вот тут-то и появляюсь я – фея расслабона! Сейчас как нафеячу мужское счастье!

Я изящно развернулась, дугой выгнулась назад, позволив волосам густым золотистым водопадом заструиться почти до пола. А потом резко выпрямилась, наклонилась, перекинула волосы вперёд и помотала головой из стороны в сторону. Моя длинная блондинистая грива чиркнула по полу. Вот же ушатай меня, Китай! Только сегодня помыла голову! Но зато движение какое эффектное! Бейонсе бы застрелилась от зависти! Так, хорошо! Теперь резко выпрямиться, тряхнуть гривой, губы призывно так приоткрыть, словно без мужика сейчас помру! И томным взглядом из-под тщательно накрашенных ресниц оглядеть олигарха.

Ах ты ж моя рыбка золотая с двадцатого места списка "Форбс"! Александр Демидов, алюминий, цветные металлы, недвижимость.

Может, кто и поморщился бы брезгливо. Двадцатое – оно же не первое! А мне, Алисе из Волчедуйска и двадцаточка в качестве разбега подойдёт. Я не гордая!

Зря что ли на Москву деньги с четырнадцати лет копила? Начнем с него, с Демидова. В ЗАГС затащим, длинными ножками обнимая. Как ножницы: назад нельзя, только вперёд. Один раз в таких ножничках оказался, потом как в кино: упал на девушку Алису, потерял сознание, очнулся... нет, не в гипсе. На собственной свадьбе в Куршевеле. Пару годиков мы с ним поживем. Я связями нужными обзаведусь. А потом можно и в первой десятке "Форбс" новым мужиком разжиться.

Туда, главное, попасть! А я попаду! Мать-природа на мне не сэкономила. Да и я подсуетилась в свое время. Нам воспитатели в детдоме все твердили, что нужно книжки читать да уроки зубрить – тогда мы, сиротки, в люди выйдем. Только видела я как выглядят эти умные зубрилки: все очкарички, полненькие, рыхлые, гладенькие.

Нет! Мне такое и даром не нужно! Пошла я в десять лет на балльные танцы и танец живота. Самба-румба-ча-ча-ча! Шаг верблюда и удары бедром. Ноги у меня точеные от этих танцев стали. Изгиб бедра аэродинамичный, как крыло самолёта. Походка летящая. По улице иду в обтягивающем платье – мужики головы сворачивают. Кавказцы вообще дышать перестают. Только сипят:

– Вааах!

А я каблучками: цок-цок-цок! Голову повыше, спинку ровно держу. Царевшна! Сама собой люблюсь! Такие ноги, как у меня, должны носить "лабутены" и "Джимми Чу", а не китайскую ерунду от Сунь Чен Выня. Вот на свадьбу с олигархом себе такие босоножки куплю: все из блестящих ремешочков. На высоченной "шпильке". И платье свадебное, расшитое жемчугом! А может, живыми цветами? Это нужно будет обдумать! А на свадьбе будет петь...

Стоп, Алиса! Не расслабляться! Не отвлекаться на мечты! Все потом. Платье выбрать успеем. Сейчас олигарха нужно брать, пока он головой качает и улыбается, глядя на твои выкрутасы в клетке для танцовщиц гоу-гоу, подвешенной в нескольких метрах от пола.

Легче, Алиса, легче. Вот так. Ножку подними изящно. Медленно в воздухе пронеси, чтобы он ее хорошо рассмотрел. Потому что смотреть есть на что. На мои ноги все девчонки всегда завидовали.

Теперь закинь ножку за голову, а потом опусти и изящно так каблучком зацепись за прутья клетки. Да легче! Не грузи мужика гравитацией!

Изображаем фею. Или эльфийскую принцессу. Короче, что-то лёгкое и сказочное, как будто в нас не сидят сейчас два чебурека по цене одного от Вазгена. Потому что феи чебуреки по акции не едят! А "понаехало" вроде меня очень даже трескают этот дешёвый и вкусный продукт.

Я улыбнулась, бросив томный взгляд на олигарха. Демидов улыбнулся мне в ответ. Он слегка покраснел, нервно дёрнул узел на дорогом шелковистой галстук и заерзал на стуле. Ключнул! Да! Кто молодец? Я – молодец! Я мысленно завопила от радости, но вида не подавала. Только сложила губы уточкой, как для селфи.

Ты бы знал, рыбец мой золотой, с плавничками бриллиантовыми, чего мне стоило сюда попасть! В этот супер-пупер элитный закрытый клуб! Пришлось столько прикармливать охранника этого самого олигарха, что сама чуть зубы на полку не положила.

Мало того, что наглый верзила деньги толстыми пачками брал за информацию, где и когда олигарх бывает, в каком ресторане обедает, а в каком клубе по ночам оттягивается, так ещё и лапы свои загребушие на мою грудь пытался положить.

Алё, гараж! Сейчас! Только шнурки поглажу! Это все богатство для списка "Форбс", а не для "полканов". Руки я ему быстро отбила. Он, конечно, квадратную морду скривил. Но быстро распрямил обратно, когда зелёные американские купюры увидел.

Информацию мордovorот поставлял исправно. Олигарх по причине сильной занятости по новым местам не шастал. Утром французский ресторан, днём итальянский, вечером элитный ночной клуб. Остальное уже было делом техники. Задружилась я с танцовщицами местными. Полянку скромную накрыла. На тяжёлую жизнь провинциалки в Москве пожаловалась.

А девчонки из клуба и сами не местные. Все из "понаехало". Сами себе в столице дорожку прогрызали в столичном асфальте, провинциальными слезами щедро политом. Они-то и замолвили словечко за меня перед хозяином клуба.

Тот меня взял танцовщицей на испытательный срок. У него желающих – хоть ложкой черпай! Все хотят сладкой жизни с чаевыми

больше зарплаты. А мне много и не нужно. Вон мешочек денежный уже и слюнки пустил на Алисины прелести. Так, теперь закрепим эффект. Последний штрих, как говорится. Ап! Поворачиваемся, попой из стороны в сторону трясем. Кардашьян у меня и без того крепкая, как орех, ещё и утягивающими колготками укреплена. Это никогда не помешает. Попа у женщины – она вообще, как окоп на фронте. Все время укреплять нужно. Иначе посыпется и враг в него с лёгкостью проползет. В окоп, в смысле.

Влево, вправо и смертельный номер: повернуться спиной к залу, резко развести ноги на ширину плеч, наклониться, свесить голову вниз и посмотреть на будущего мужа снизу, из положения заглавной буквы "А", прямо из-под кардашьяна.

Прием испытанный. Мужики от него балдеют. Вот только... это что за поворот? Я чуть не завалилась вперёд от возмущения!

Рядом с моим прикормленным и почти пойманным золотым рыбцом возникла какая-то блондинистая тетка. Да ещё и вся в бриллиантах и гламурном прикиде. Она мне, конечно, не конкурент. Ей уже тридцатник точно корячится. Против моих двадцати лет ей не выстоять. Но слишком уж как-то по-хозяйски она рядом с ним расположилась. Вплотную прилипла.

А олигарх ее как увидел, так весь и расплылся в улыбке. Как будто ему сейчас сообщили, что весь алюминий в мире закончился и остался только у него. Ножками он так засучил, ручки к блондинке потянул. За талию приобнял. А потом ладони его как-то сами на попу блондинки соскользнули. А там такой кардашьян! На нем всю карту мира расположить можно. И еще на ближний космос останется. Он что полных любит? Вот это засада!

Я быстрым взглядом оценила масштаб природного катаклизма. Если сравнивать с землетрясением, то где-то баллов пять по шкале Рихтера. То есть крыши на гаражах уже трясутся, но ещё держатся. Крыша олигарха пока тоже держалась. Но я же его сама и раззадорила! Подготовила, так сказать. Подогрела и на тарелочке этой стерве преподнесла. А та сейчас будет сливки снимать. Как пенку в виде сердечка с капучино. Такие сливочные пенки бармены в приличных заведениях старательно вырисовывают на кофе.

У меня аж в зобу дыханье сперло. Нет, не отдам! Мой олигарх! Я тебе сейчас, кошёлка апгрейднутая, покажу, как таскать мои плюшки!

Вдох- выдох! Дыхание, главное, задержать. И медленно досчитать до десяти, чтобы успокоиться.

Я вылезла из клетки. Ловко вильнула между двумя разгорячёнными мужиками, которые попытались ко мне прилипнуть, и двинула к Демидову. Живот втянула, чтобы совсем в ребра залип, спину распрямила, подбородок вверх. И от бедра модельной походкой почесала к счастливой жизни!

И вдруг перед глазами мелькнули золотые ниточки. Тоненькие такие, как паутинка. И прямо мне в накрашенные глаза, а у меня же там пять слоев туши для ресниц! Я сбилась с подиумного шага, остановилась, заморгала. Только не слезы! Не хватало мне еще нестись в гримерку, на ходу вытирая черные потеки туши на щеках!

Я зажмурила глаза и через пару минут осторожно приоткрыла. Фух! Ничего вроде не потекло. И тут я увидела, что во время моего конфуза теток за столом олигарха прибавилось. Еще одна подкатила. Страшная такая! Как смертный грех! Худющая жердь с конским лицом. И глаза такие, как у старухи Шапокляк: злющие, маленькие. И она этими глазками полненькую так и сверлит. И орет на нее. А та не уступает. Круглыми ручками размахивает. И всё своей сопернице в нос тычет браслетом. А браслет богатый такой. Огромный, весь брелочками усыпан, и в него зеркало впаяно.

Но самое главное, что рыбка моя золотая, "Форбс" мой ходячий, сидит себе, как ни в чем не бывало.словно он вообще не при делах и тетнины разборки ему до лампочки! Привычный он, что ли, что бабы на голове у него орут?

Тут он на меня посмотрел и пальчиком к себе поманил, знаками приглашая за столик. А потом кивнул своему мордовороту и что-то сказал. Полкан его, тот самый телохранитель, что мне информацию сливал, где олигарх жирует, вперед вышел. Физиономию свою размером с собачью будку в улыбке растянул и тихо сказал мне на ушко:

— Ну, добилась ты своего, малышка! Хозяин велел тебя за столик пригласить. Но сначала обыскать нужно. А вдруг у тебя оружие в лифоне запрятано? — и лапы свои ко мне протянул.

Всю меня так огладил сверху вниз. На корточки присел, голову задрал и снизу на меня с ухмылочкой гаденькой посмотрел. А у самого аж слюна потекла. Меня чуть не стошнило.

– Держи свое туловище к себе поближе, – прошипела я. – Уже все проверил. Хватит! А то у меня нервы не железные. Я и треснуть могу. Ногой в лоб. Ага!

– Вот горячая малышка! – заржал он. – Остынь! Ничего личного! Я так всех чужих проверяю. Работа у меня такая.

– Что-то я не видела, чтобы ты этих старых кошелок лапал, – огрызнулась я, кивая на столик моего золотого рыбца.

– Каких кошелок? Ты о чем?

– За дуру меня не держи! – вспыхнула я. – Вон тех, что к Демидову за столик подсели: круглую и жердеобразную.

– Ээээ.... девочка, ты под чем? Скушала чего? Поделись! Я тоже такое хочу!

Ненавижу, когда меня за дуру принимают! А этот меня еще и за наркоманку выдать пытается. Хам! Но переспорить такое животное невозможно – по опыту знаю. Поэтому я резко сменила тактику, капризно оттопырила губу и протянула:

– Слушай, ну будь ты человеком! Скажи, кто это. Мне для дела нужно! Я же тебе платила столько, сколько скажешь. А ты надо мной сейчас смеешься! Вон наркоманкой выставил! Меня! Да я за всю жизнь даже близко к этой отраве не подходила! Просто ответь на вопрос: что это за две тетki, что сидят за столиком рядом с Демидовым?

Он нервно оглянулся. Так озадаченно на меня посмотрел, как будто я из дурдома сбежала и говорит:

– А вот сейчас без приколов. Ты давно ела? Да подожди ты! Не кипешуй! Я серьезно! Без балды! Знаю, что вы все, анорексички, на диетах сидите и у вас с голодухи глюки бывают. Сам видел, и не по разу. Так вот если хочешь, я тебя угощу ужином. Может, ты тогда увидишь, что за столиком у моего босса никого нет, кроме него?

И глазами такими честными на меня посмотрел! А я стою, глазами хлопаю: на столик, на мордovorота. Опять на столик, и опять на мордovorота. А тетki всё собачатся между собой. И я их ясно вижу. А кроме меня, кажется, больше никто. Потому что и олигарх свой коктейль потягивает, как ни в чем не бывало. А эти две кошелки руками прямо перед его носом машут. А ему хоть бы хны!

Ушатай меня, Китай! Может, мне Вазген в чебуреки что-то сыпанул? Или на машинном масле их пожарил и теперь у меня глюки?

А олигарх на меня уже посмотрел с лёгким недоумением. Мол, чего это я застыла, когда мне такое счастье привалило? Ты прав, моя бриллиантовая двадцаточка! Тетки-не тетки, да хоть атомная война! Я к тебе и тогда поползу, носом пол вспахивая. Я подошла к столику. Рыбец мой золотой вскочил, стульчик отодвинул, усадил меня. Ручку даже облобызал. Теперь две недели мыть ее не буду! И, улыбнувшись, тысяч так на пятьсот евро, спросил:

– Что леди будет пить?

А леди – раскиндык мою распродажу! – явно чувствуя, как ветер свистит над ухом от теткиных махов ручонками, повернула стульчик к ним, теткам, спиной, и, улыбнувшись, пролепетала. Именно так! Пролепетала, потому что мужики от женского лепета балдеют, особенно, если лепечет блондинка:

– Что-нибудь безалкогольное, плиз!

А что? Пусть видит, что я английский знаю и меня на светские рауты не стыдно пригласить. Олигарх кивнул охраннику и тот пошел, рассекая толпу, как ледокол, к барной стойке за коктейлями. Я ножку на ножку изящно закинула, приготовилась к светской беседе. И вдруг у меня в глазах опять потемнело. Потому что из кармана олигарха вылез маленький, размером с обыкновенную мышь, джинн. Самый настоящий! Такой, как в сказках! Типичный трах-тибидох или ахалай-махалай! В шелковых шароварах и с голым торсом.

Джинн плотоядно ухмыльнулся. Между губ мелькнул раздвоенный на кончике язык. Как у змеи! Он потряс бедрами и ухватил себя за гульфик шаровар. И снова потряс бедрами. Характерный жест! Такой ни с чем не перепутать! Ясно, чего эта скотина хочет. А джинн, словно издеваясь, повел бедрами из стороны в сторону.

Дзынь-дзынь! Это что за звук? Неужели то, что я думаю? Это как вообще? Да нет. Быть не может! Кошмар! Мало того, что у меня глюки, так ещё и такие извращённые. Я, конечно, слышала, что у девственниц бывают сложносочиненные фантазии из-за хронического воздержания, но не до такой же степени!

Нет, конечно, природа-мать регулярно намекала, что пора бы мне уже. Но я ее, природу то есть, держала в ежовых рукавицах. Олигарха нужно ловить на девственность. Остальное он уже видел. С его деньгами он себе каждый день может заказывать новую куклу, которая

ему будет на яхте в шпагат растягиваться вроде Проволочковой. Или ногами обнимет сразу и его, олигарха, и все его ценные бумаги на бирже. В такой шпагат, как у этой гламурной балерины, можно половину Монако вложить, и еще место останется. А я в этом плане ничего не умею. Поэтому нужно бить на мою непорочность

В наше время девственность тоже товар. Причем скоропортящийся и дорогой, потому что одноразовый. Девчонки попроще его через инет продают. Но я же не дура, чтобы так продешевить! Свою девственность я вложу прямо в "Форбс". Как природные богатства, которыми так щедра земля русская.

Дзынь-дзынь! Да что ж такое-то? Диджей врубил рейв. Полыхнули яркими вспышками синие лазерные лучи. И я рассмотрела пояс на шароварах джинна, усыпанный крупными золотыми монетами. Слава богу! Это они, монетки, там звенят!!! А не то, что я подумала.

И что это такое вообще? Прикольная игрушка? Миниробот хитровыдуманный? Если сейчас даже кукол и роботов для секса делают, то почему не смастерить игрушку-крохотушку в виде озабоченного джинна? Олигархи – они же люди с фантазией. Деньги им девать некуда, вот и изощряются. И за такого мне ещё замуж идти! Ну ничего. Перевоспитаем! Научим деньги с умом тратить на бриллианты жены.

2 Глава. Билетик в "Форбс" – страну чудес

– Какая у вас игрушечка симпатичная! – мило улыбнулась я, откидывая волосы назад так, чтобы они эффектно рассыпались по плечам.

– Ты какую игрушечку имеешь ввиду? – прошептал Демидов, подмигивая. – Неужели уже все у меня рассмотрела? – он хохотнул.

Неприятно у него это получилось. Корона прынца, которую я ему мысленно пририсовала, так же мысленно с его башки съехала. Еще и с противным таким свистом: фьииниить! Ладно, замнем для ясности этот скользкий момент.

– Ну как же! Я про эту игрушку. Про джинна, – я ткнула пальцем в джинна, и тот, злобно прищурившись, хлопнул меня по пальцу.

Причем чувствительно хлопнул! Хоть и маленький, а силушка богатырская. Явно робот!

– Уууу... девочка, – рассмеялся Демидов. – Не слабо тебя накрыло. Чем закинулась? Признавайся!

Еще не хватало, чтобы он меня за наркоманку принял! Вот змеи наши девчонки! Сыпанули мне что-то в чай в раздевалке! Это они. Точно! Больше некому. Боятся меня, сучки! Я конкурентка сильная. Вот и пытаются убрать. Это как у моделек, когда они друг дружке толченное стекло в туфли насыпают. И при этом в лицо улыбаются.

Правильно боитесь, каблук вам в говэрло! Меня не так-то легко с дороги столкнуть. А вот ситуацию с олигархом нужно срочно исправлять. Лучше казаться полной дурой, чем обдолбанной. Тем более, что богатые мужики дурочек любят.

– Да ничем! – улыбнулась я и захлопала ресницами, как кукла. – Это я пошутила.

И тут худющая тетка вдруг направила на Демидова руку. Чуть ли не под нос ему сунула. И из браслета, вернее, из зеркала на браслете вдруг выпрыгнули на стол лев и змей с человеческими ручками и ножками.

Лев пасть раззявил и зарычал. А змей крепко зажал в крошечных ладошках огромное яблоко. Где-то я такую змеюку видела. Вспомнила!

Ну, конечно! На картинках у своей школьной учительницы по литературе. Хорошая она была тетка. Всё нас, детдомовских, жалела. Бывало, к себе пригласит на чай, и там давай нас выкармливать. Пирожки домашние, плюшечки, печеньки, борщи наваристые. Не то, что наша интернатовская бурда! Ну и пока на стол накрывала, давала нам книжки с картинками посмотреть. А у нее этих книжек – две стены в крошечной конуре. И альбомы художественные дорогущие! Я тогда эти альбомы листала и все думала: лучше бы она себе на эти деньги сапоги нормальные купила. А то молодая была женщина, а ходила чуть ли не чунях.

Так вот в альбоме этом был такой змей нарисован с яблоком в ручках. В раю под деревом сидел. Вместе с Евой и Адамом. И училка нам объясняла, что, мол, так художники секс раньше изображали. Типа змея-искусителя, что Еве яблочко сует и все приговаривает:

– Съешь, девочка, яблочко!

Ну, от халявы кто откажется? Ева и схрумкала дармовой фрукт.

Во меня накрыло-то, а? Это что ж они мне такое подсыпали? Так, Алиса, возьми себя в руки! Не пессимизди! Иначе твой золотой рыбец уплывет! Вдох-выдох! На стол не смотреть! Только на олигарха! Пусть хоть торнадо прилетит – тебе все равно. Видишь цель – атакуй! Остальное по боку. Война – фигня, главное: маневры.

Я так крепко зажмурилась, что когда открыла глаза, то в них появились слезы. Куклы на столе никуда не исчезли. Но мне стало легче. А и черт с ними!

– Плачущая малышка – это так сексуально! – Демидов погладил меня по ноге и придвинул на стуле вплотную к себе.

А компашка на столике в этот момент как оживилась! Полезли они все к олигарху, друг дружку отталкивая. Джинн чуть из шаровар не выпрыгнул.

– Если ты такая чувствительная, то, может, и в постели плачешь, а? – олигарх покраснел, как помидор, и глазенки у него так и заблестели. – Любишь, когда мужчина делает тебе больно? – прошептал он мне в самое ухо.

– Не знаю! – прошептала я в ответ. – Я – девственница!

– Эээ... как это девственница? – у Демидова от изумления аж лицо вытянулось, как дуля.

– Да вот так! – я старательно изобразила смущение, опустив глаза.
– Двадцать лет берегу себя для того самого, единственного!

– Ты – моя прелесть! – прошептал он. – Таких чистых и скромных малышей у меня еще никогда не было!

Бинго! Карась проглотил наживку. Теперь подсекаем. Медленно, осторожно, ловко. И тут змей на столе посмотрел прямо мне в глаза и покрутил пальцем у виска. Вот зараза! Пшел вон! Ты – глюк! Тебя не существует! Змей бросил на меня презрительный взгляд, надкусил яблоко, скривился, как от лимона, выплюнул кусок на стол и протянул яблоко джинну. Тот отрицательно помотал головой. А лев зевнул и свернулся калачиком на столе, как кошка.

– Хочешь посмотреть мой дом на Рублевке? – мой ходячий "Форбс" погладил меня между ног, но очень бережно и осторожно.

К шортикам не подбирался. Просто внутреннюю сторону бедра слегка пощупал. Оно и понятно! Я же дева непорочная. Хрустальная вся. Со мной иначе никак! Хочу ли я? Да! Должна же я оценить свое будущее жилье, которое золотой рыбец для меня строил! Привыкнуть быть маленькой хозяйкой большого дома. Сейчас, главное, зубами жадно и по-волчьи не клацнуть от счастья. Клацать будем потом, выдирая куски недвижимости из тушки муженька. Трех адвокатов найму: Либермана, Пинчермана и Добермана. Пусть они его на филе разделают!

Еще раз вдох-выдох и лепечем:

– Да, очень, – я смущенно повозила пальчиком по столу, чтобы он оценил мой элитный, но скромный французский маникюр. – Только сначала переоденусь!

– А мне и так нравится, – он оглядел мои шелковые золотые шортики и такой же топ, усыпанный стразами.

Обожаю золото! И в одежде и в бижутерии. И пусть пока оно фальшивое, но потом-то будет настоящее!

– Я так не могу, – пролепетала я. – Мне неудобно. И к тому же моя сумочка там, в раздевалке.

– Ну иди, куколка. Только недолго, ладно? А то времени у нас немного. Мне утром во Францию лететь, на переговоры.

Да ты не беспокойся, милый! Утром мы туда вместе полетим. Теперь тебе без меня никуда!

– Я быстро! Две минуты! – я вскочила и побежала в раздевалку.

Быстро отперла шкафчик, достала вещи и внимательно оглядела и белье, и платье, и туфли. Нет ли там какого порошка, что такие глюки вызывает? Я как-то в шпионском фильме видела, как одной девчонке в карман платья сыпанули порошка странного. И она вдруг начала глюки ловить. Прямо как я сейчас! А черт их знает, этих змеюк-танцовщиц! Может, они мне в туфельки еще и стекло натолкали! Убедившись, что все в порядке, я присела к туалетному столику, чтобы быстро освежить макияж.

Фух! Слава матери-вселенной, меня вроде начало отпускать! Ни джиннов, ни змеев с ножками, ни теток. Видимо отравы, что мне подсыпали, действует недолго. Тут девчонки-танцовщицы зашли в раздевалку на перекур и отдых. Нам раз в час небольшой перерыв полагается. Хозяин клуба строго следит, чтобы мы все разом не рванули отдыхать, и танцпол не опустел. Они меня окружили и давай поздравлять.

— Ай, Алиска, молодец!

— Достала билетик в "Форбс" — страну чудес!

— Смотри: не лажанись. Мы за тебя пальчики скрещенные держим!

Ага! А между пальчиками лезвия запряты. Ненавижу таких, которые в лицо улыбаются, а за спиной гадости делают. Еще в детдоме таких лупила. Улыбчивых тихонь и якобы добрых подружек. А здесь нельзя. Приходится по их правилам играть. В конце-концов, они мне помогли сюда устроиться. И без них я олигарха и не выцепила бы. Ладно! Я сегодня добрая. Кому должна — я всех прощаю!

Я надела свое кружевное двухцветное платьице. Лиф из белого кружева, юбка "солнце-клёш" из розового. В нем я выгляжу, как зефиринка. Или как карамелька. Так между зубками олигарха встряну, что не выплюнет. Ни один элитный стоматолог не поможет! Обломаю и зубки его миллиардные и банковские счета!

Я выпорхнула из клуба, дробно стуча каблучками. Демидов меня ждал возле белого "Майбаха". Сам ждал! Полканам меня не доверил! Это хороший знак. Рыбец мой золотой сделал несколько шагов мне навстречу, галантно поддержал, пока я залазила в машину, и сел рядом. Я откинулась на спинку сиденья. Удобно-то как! Читала в разных гламурных журналах, что в таких машинах сиденья откинута ровно на сорок три с половиной градуса. Мол, для олигарховых спинок это

самое оно. Салон весь из белой кожи сделан и с шоколадными подушками. И панели деревянные шоколадные. Логично! У людей, что эти машины покупают, все в жизни шоколадно! И пахнет здесь особенно: роскошью. Кто сказал, что деньги не пахнут? Еще как пахнут! Просто аромат такой тонкий, что не каждому дано его уловить. Особенно тем, у кого ноздри к кислым щам привыкшие.

Миллион евро за машину! За такие деньги можно купить весь наш Волчедуйск. И еще на окрестные поля останется.

А я в этой тачке так себя чувствовала, словно домой вернулась через много лет. Роскошь меня не просто притягивает. Мне всегда кажется, что она создана специально для меня. Как будто я все двадцать лет жила не своей жизнью, а какой-то чужой. Как будто родилась в королевской семье, и в интернат меня подкинули. Наверное, по той причине, что когда мои родители погибли, отец как раз богатеть начал. И явно в олигархи метил. Вот его конкуренты и убили. Вместе с мамой. Что-то в машине подкрутили и мои родители разбились. Мне тогда всего пять лет было. Я ничего запомнить не могла. Но, видимо, в глубине черепушки отложилось: если бы не смерть родителей, то папа, может, и до олигарха бы дотянул.

Демидов сел напротив меня. Я закинула ножку на ножку. Он с удовольствием оглядел меня и открыл мини бар.

– Леди желает выпить? – он учтиво склонил голову и комично заломил бровь.

Я расхохоталась.

– Леди желает сока. Потому что она не пьет.

– Совсэм? – в притворном ужасе спросил Демидов с кавказским акцентом.

– Почти! – улыбнулась я.

На самом деле, махнуть рюмаху после долгого дня я могу. Но не сейчас. Мне нужна светлая трезвая голова. Тем более, что я не знаю: а вдруг эта гадость, что мне подсыпали, еще из организма не выветрилась и меня после глотка поведет? Опять джинны и тетки мерещится будут! Нет уж, спасибо!

Мило болтая, мы рассекали по ночной Москве. Впереди мчались две машины с мигалками. Сзади еще одна с "полканами". Эх, видели бы меня сейчас девчонки из детдома! Я им всегда говорила, что подцеплю принца. А они ржали, накрывшись жесткими

интернатовскими одеяльцами. Не верили мне. Не знали, какая я упертая.

Демидов, надо отдать ему должное, вел себя, как настоящий мужик. Я-то думала, что он под юбку мне полезет, как только мы в машине вдвоем останемся. Тем более, что в его "Майбахе" есть перегородка, которая отделяет пассажиров от водителя. А он даже не попытался. Глазами меня так и пожирал, это да. Но руки держал к своему туловищу поближе. Ко мне не тянул. И на том спасибо!

Значит, любит все делать неспешно. Это хорошо. Такого заарканить легче. Есть время и место для маневра. Есть куда развернуть ракеты кружевной модели "пуш-ап" класса "постель-ЗАГС ", и как следует, не торопясь, нацелить на противника. Размер ракет в лифчике, правда, не очень грозный. Всего второй. Но это ничего. Чем меньше ракета, тем сложнее ее сбить.

И вот тут-то я и прокололась, Машу вать! Потому что расслабилась. А этого допускать нельзя. Доктор Чуйка прописал не расслабляться и не успокаиваться. Вообще никогда. Потому что у меня всю жизнь так: как немного успокоюсь и расслаблюсь, то рrrрраз! И по башке кувалдой!

"Майбах" летел по Рублевскому шоссе. Мой золотой рыбец сидел спиной к трассе. Против движения машины то есть, поэтому не видел того, что видели я и водитель.

А посреди трассы, словно из воздуха, вдруг появилась та самая худющая тетка из клуба. Просто как из-под земли выросла – поганка бледная! Причем две машины, что ехали перед нами с мигалками, уже проскочили, и тетка нарисовалась именно перед нашей с рыбцом машиной. Она мерзко так оскалилась. На голове у нее тощий хвостик из трех волосин, собранный на убогую резиночку, как подпрыгнул!

Ручонку свою костлявую она вперед выбросила, и из мощного браслета на ее запястье вырвались черно-золотые нити. Они в мгновение ока залепили все лобовое стекло и потащили машину на обочину.

Наш водитель сигналил, пытается вырулить – да куда там! Нити так машину тянут, словно это железные канаты. Как такое, расквдрат их гипотенузу, вообще может быть? Нити эти не толще самых обычных с небольшой катушки.

А я на это все смотрю, как в замедленной съемке. Словно в кино, когда они эффектные кадры нарочито медленно прокручивают! И вижу, как возле худющей этой стервы вдруг опять-таки из воздуха появляется та толстушка из клуба. Она эту Шапокляк отталкивает, руку вскидывает, и из браслета на запястье тоже нити вылетают. Золотые, но яркие. Без черного отлива, как у жердеобразной тетки.

Прямо ко мне тянутся по воздуху эти нити. Подхватывают меня. А машина уже переворачивается. Я еще вижу глаза Демидова, который пытается за что-то ухватиться. Я еще успеваю подумать, что хорошо, что ничего не ела, а то меня от этих кувырков сейчас бы вытошнило прямо на его кожаный белый салон. И тут передо мной появляется в воздухе огромное зеркало. С меня ростом. Как оно может здесь поместиться? В салоне машины? А на зеркале сидит прозрачный стеклянный паучок с золотыми лапками. И эти нити упаковывают меня, как муху в паутину, и втаскивают в это зеркало, и вместе с зеркалом прямо в паучка. А там.... там ничего. Там какой-то ковер из миллиардов звезд. И пустота....

Первым вернулся слух. Я услышала несколько голосов сразу. Они спорили, перебивая друг друга. Потом ожили попа со спиной. И бодро доложили, что им мягко. Что они лежат на чем-то удобном. Вроде даже как на диване. Не верю! Это гроб. Там обивка внутри мягкая. А голоса – это, наверное, черти в аду. Потому что в рай меня точно не возьмут. Поведением не вышла.

Вообще со смертью мне как-то не повезло. Умные люди говорят, что в последний миг вся жизнь перед глазами проносится. Лучшие минутки и даже часы! Как в прикольном таком видеосе. А у меня тетки и стеклянные пауки. Никакой тебе торжественности момента! Вон как киношники снимают всегда такие сцены: бежит девочка в легком платьице по залитому солнцем полю. Руки раскидывает, оборачивается, и волосы у нее, как сверкающий нимб над головой. Я всегда рыдать начинаю, трубно сморкаясь в кошкин хвост, если дома смотрю. А в кинотеатре в заранее припасенную пачку бумажных платков. Сколько раз бывало, что нервные граждане в кинозале оборачивались и гневно мне так шипели:

– Девушка! Не мешайте!

– Я дико извиняюсь за оркестр! – гундосила я, шумно всхлипывая.

А у меня что? Перекинулась на спине в машине. Своими же ногами накрылась и физиономией в паука ткнулась. Эх! Не жила красиво, и помереть шикарно тоже не смогла!

Была-не была! Не лежать же мне так вечно! Я осторожно приоткрыла глаза и быстро осмотрелась. Кардашьян со спиной не соврала: я, действительно, лежала на мягком и большом диване. Причем таком роскошном, что глаза мои тут же широко раскрылись и даже успели мельком оглядеть всю комнату.

Это был кабинет. Шикарный! Все по высшему классу, как люблю. Мебель изящная, но очень мощная. Стены обиты панелями из такого интересного дерева, что я такого и не видела никогда. Коньячного, с пурпурным отливом. Возле стен книжные стеллажи в форме языков пламени из ярко-оранжевого янтаря с медовым орнаментом завитушками. Книжки все старинные. И свитки с полок свешиваются с печатями. А на печатях драгоценные камни. Посреди кабинета тяжелый стол. За ним – мужчина. Высокий брюнет с узким лицом и густыми широкими бровями. А из-под них цепко ощупывают меня глаза. Внимательные и какие-то огненные. Прожигают насквозь. И цвет странный. Ярко-голубой, но не в бирюзу отливом, а в лед. Такие пронзительные льдинки.

Ему-то я что сделала, что он так набычился? Или это сам хозяин ада? Тогда он тем более должен быть рад, что такую душу к себе заполучил. А он отчего-то злится. Вон губы в нитку сложились.

– С возвращением! – пропела толстушка из клуба и улыбнулась.

Я села на диване и вежливо ответила ей:

– Спасибо! С собственной смертью меня еще никогда не поздравляли!

– С чем? – она залилась звонким смехом и глаза спрятались в складках пухлых щечек.

Она откинулась на спинку широкого кресла и хлопнула себя ладонями по коленкам.

Мужчина нервно посмотрел на толстушку и забарабанил пальцами по столу.

– Ты решила, что в этом году мы набираем идиоток, да? – проронил он сквозь зубы, с яростью глядя на толстушку. – Мало мне своих тупиц? Это какая-то ошибка! Она нам не подходит. Возвращай ее обратно, Доля. Немедленно!

Доля – вот значит как ее зовут. Смешное имя.

А та, как ни в чем ни бывало, продолжала хохотать.

– Она что думает, что умерла? – донесся из угла кабинета скрипучий голос и я увидела ту самую худющую и вредоносную Шапокляк.

– А что ей еще думать после того, что с ней, сердечной, приключилось? – сквозь смех простонала толстушка.

– Это вы! – я вскочила на ноги и заорала на жердь. – Вы меня убили и еще издеваетесь? Думали: я не видела ваши эти нитки из зеркала, которые всю машину опутали? Что я вам сделала? Чего вы ко мне пристали?

– Вот! – торжествующе завопила толстушка, с такой легкостью вскочив с кресла, словно весила, как перышко, а не как небольшой, но симпатичный бегемотик. – Девушка истину молвит! Видите доказательства? Покажите мне одного смертного, который способен увидеть нити и зеркала! Я уже не говорю про то, что эти самые зеркала ее признали!

– Зеркала иногда ошибаются! – проскрипела тощая.

– Окстись, злыдня окаянная! Это святотатство! – толстушка вмиг стала серьезной и возмущенно обратилась к мужчине: – Господин ректор! Отец родной! Заступник наш! Как вы допускаете сомнения в выборе божественного Фатумора и его зеркал?

– Ты... гхм... – мужчина ткнул пальцем в сторону тощей, но тут у него явно пересохло в горле. – Ты, Недоля, следи за своими речами. И мыслями тоже. Доля права. Это святотатство. Все сходится. И даже если мы не согласны, то нужно принимать то, на что указывают нити судьбы и ее зеркала. Ибо Божество наше всесильно. Хотя иногда оно посылает нам... посылает нам... – он вдруг покраснел, как рак и замолчал.

Словно пытался с чем-то справиться. То ли с болью, то ли с кашлем. Ровно через минуту я поняла с чем. А тетки, видимо, наученные горьким опытом, быстренько так рванули в угол кабинета и там реально прикинулись ветошью. То есть буквально вжались в стены и накрылись непонятно откуда взявшимся одеялом. При этом они явно забыли, что еще минуту назад собачились, как заклятые подруги.

– Оно посылает нам испытания, – из горла мужчины вырвался громовой рык.

За ним густой столб жидкого огня. Его пальцы вытянулись, из кончиков выдвинулись черные длинные ногти. Блестящая чешуя вмиг покрыла все тело. И он вдруг превратился в огромного дракона, который головой уперся в потолок. Дракон развернулся ко мне и изрыгнул пламя.

Я упала на ковер, закрыв голову руками. И в этот момент поняла все. Я в коме. В реанимации. Мне это все кажется. Глюки у меня. Сны страшные. А Доля и Недоля – это Пруха и Непруха, что всю жизнь возле меня сладкой парочкой ходят. Гроханный батончик "Твикс" – расдидай твою Ибицу!

Надо срочно потерять сознание во сне. А потом проснуться от комы в больнице. В тихой палате, где мерно попискивают приборы. И медсестрички с легким шепотком-матерком их проверяют. И чтобы доктор с добрыми глазами взял меня за руку. А можно даже и с недобрыми. Просто доктор. Человек. Не дракон. Мама! Нет, не мама! Господи! Услышь мя! Я полностью изменю свою жизнь. Я буду жить скромно и тихо. Носить обувь с рынка. И джинсы самые дешевые. И никогда, слышишь, Господи? Никогда не стану в очередь за новой моделью айфона! Я его вообще выброшу. И куплю самый дешевый китайский телефон. Клянусь Тебе! Только помоги!

Над головой полыхнуло пламя, опалив пальцы, закрывающие голову. Помогииии.... Свет снова померк в глазах, и я была этому несказанно рада.

На этот раз сознание вернулось сразу. Окончательно и бесповоротно. И абсолютно безнадежно. Потому что я была в том же кабинете. И оно, сознание, то есть, отчаянно пыталось справиться с тем, что в меня только что плюнул огнем дракон. Большой, с лапами и хвостом. Совершенно настоящий, а не плод любви фотошопа и компьютерной графики. Звероящер проклятый! Эволюцию Дарвина ему в грызло! Если я когда-нибудь вернусь домой, то первым делом ворвусь в центральную библиотеку Москвы и сожгу все книжки по биологии. А потом найду важного и снобоватого профессора биологии, а лучше даже академика. Главное, чтобы он обязательно был член- корреспондентом Академии Наук, и... сделаю из него просто корреспондента. Первую часть звания он, считай, потерял во всех смыслах. Потому что правда заключается в том, что драконы существуют. И один из них только что от души харкнул в меня огнем.

Моя голова лежала на коленях у толстушки Доли, которая сидела на ковре и причитала скороговоркой:

– Вы бы как-то осторожнее, кормилец наш! Не то, чтобы я вас критиковала – не дай судьба! Но нужно же разумение иметь, что в ее мире драконов не осталось. Совсем. Ни одного. Поэтому у нее чуть сердце не остановилось! Вы могли ее убить своим истинным обликом!

– Ах, я еще и виноват, что она мало того, что тупица, так еще и припадочная? – возмутился мужчина.

– Вот именно! – горячо поддержала его худышка Недоля. – Предлагаю считать выбор Судьбы ошибкой и вернуть ее в родную помойку, из которой она выползла. В нашей академии таким не место. Это просто позор!

– Ты бы накинула платок на скрипучий роток, – скривилась Доля. – Я еще проверю, чего ты возле нее крутилась все время.

– Я просчитывала вероятности! – жердь Недоля так пронзительно завопила, что у меня заложило уши. – Она у меня во всех судьбоносных плетениях под ногами мешалась!

– А не потому ли мешалась, что так задумано величайшим Божеством Фатумором? – в свою очередь возвысила голос толстушка. – А твоего разрешения не спросили, квашня ты бестолковая?

И от ее голоса хрустальный бокал на столе пошел трещинами и разлетелся на осколки.

– Хватит! – заорал ректор. – Вот вам мое решение: дворняжку к занятиям допустить. Замыслы Верховного Божества больше не обсуждать! – он подлетел к столу, сбросил осколки стакана и схватил тяжелое зеркало в форме дракона, свернувшегося кольцом.

– Камцáн! – выкрикнул он прямо в зеркало.

И тут из зеркала выпрыгнул самый настоящий лепрекон. Такой, как сказках. В зеленом камзоле, шляпе-цилиндре и башмаках с золотыми пряжками.

– Всегда к вашим услугам, господин ректор! – он шаркнул ножкой и склонился в учтивом поклоне.

– Камцáн, это наша новая студентка.

– А разве прием студентов еще не окончен? – ехидно осведомился лепрекон.

– Закрыт. Но для этой мы сделали исключение. Дай ей комнату, одежду и все, что нужно. Ну, ты сам знаешь. И подготовь немного к

сегодняшней церемонии выбора фамильяров. – Эээ... как тебя там? – ректор щелкнул пальцами у меня перед носом.

– Алиса, – ответила за меня Доля, продолжая держать мою голову у себя на коленях.

– Алиса, я тебя поздравляю! Ты принята в Академию Судьбы!

– Куда? – я приподнялась и села на ковре.

Ректор снова налился алой краской и тяжело задышал.

– Потом, девица! Все вопросы потом, красавица! – Доля рывком подняла меня на ноги и потащила к двери. – Не будем злить господина ректора! Он сегодня нервный. Первый учебный день, сама понимаешь. Наш завхоз Камцан тебе все расскажет по дороге, – она открыла дверь и выбросила меня в коридор.

За мной выскочил лепрекон. Оглядев меня злобными и хитрыми маленьким глазками, он сдвинул шляпу-цилиндр на затылок и хихикнул:

– Ну ты талантливая! Так разозлить дракона – это надо уметь! Вот дурында! Пойдем-ка, я тебе комнату дам и все быстренько расскажу да покажу. И шевели своими длинными ножками. До отбора фамильяров времени почти не осталось. А тебя еще нужно одеть и разместить.

Он резво бежал по коридору. Я едва за ним поспевала.

– Это учебная часть. Здесь классы, – тараторил Камцан на бегу.

В этот момент двери одновременно раскрылись и коридор быстро заполнился студентками. Почему-то здесь были одни девочки. Я замерла, не решаясь двинуться дальше. Увиденное больше напоминало страшный сон. Лишь малая часть студенток была похожа на обычных людей. Остальных словно понадергали из голливудских фантастических фильмов. Возле меня болтали, оживленно жестикулируя, три существа, которые сверху и до пояса выглядели, как обычные люди, но вместо человеческих ног у них были паучьи лапки. По шесть у каждой. И эти лапки были обуты в изящные сапожки-чулки со шнуровкой и на каблучках.

Чуть дальше, у стены, шептались ящерицы ростом с человека. У них были человеческие лица, гибкие тела, которые постоянно двигались при разговоре, человеческие ноги и совершенно роскошные золотистые волосы, волной струящиеся до самой попы. Одна из них повернулась ко мне. На светло-зеленом атласном лице сверкнули желто-янтарные раскосые глаза, уходящие к вискам. Такие глаза

рисовали на древнеегипетских вазах. Я пару таких ваз разбила, когда только приехала в Москву и устроилась мыть посуду в крутом ресторане. Вазы там, конечно, были подделками, но влетело мне, как за настоящие!

Ящерица бросила гневный взгляд на меня, застывшую столбом. Глаза вспыхнули красными искорками. Ее длинный гибкий хвост угрожающе приподнял сзади юбку, не достигающую до колен. Я быстро дала задний ход. На пару метров. Оно так безопаснее. А вдруг укусит? Или плюнет каким-то ядом? Нет, ее тоже можно понять, конечно. Стоит какая-то дурочка и пялится. Сама бы разозлилась. Но ящерица в платье! Ушатай меня, Китай!

– Осторожнее! – пискнули сзади.

Я резко повернулась и никого не увидела.

– И нечего изображать, что ты меня не видишь, дылда-зазнайка! – раздалось снизу. – Гляди, что наделала! Всё рассыпала! Слонопотам неуклюжий!

Я опустила глаза и увидела крошечную фею.

3 Глава. Влажнопутные войска

Я опустила глаза и увидела крошечную фею. Самую настоящую фею. Как в сказках! В таком розовом легком платьице с юбкой-колокольчиком и с маленькой раскрытой сумочкой в форме цветка в руках. Весь пол был усеян высыпавшейся из сумочки косметикой. Тени, пудры, помады – весь этот привычный, хорошо знакомый женский арсенал, вернул меня в реальность.

– Простите! – присев на корточки, я начала собирать косметику.

– Простите! – передразнила она меня. – Для вас же стараемся. Кто из вас, уродин, перед отбором у ректора-дракона красавиц будет создавать?

– Перед каким отбором? – не поняла я.

– А ты ничего не знаешь? Мать-природа! Откуда вас таких выкапывают? С каждым годом новички все тупее и тупее. Отбор у ректора-дракона! Там нужны ум, смекалка, знания и, конечно, красота. Хотя... – она осмотрела меня с головы до ног. – Тебе позволительно не знать про отбор, потому что у тебя ничего этого нет. Ты – ужасное, неуклюжее, долговязое создание без капли вкуса!

А вот это уже обидно! Посмотрела бы я на нее, если бы она оказалась в такой ситуации. Попала вообще непонятно куда. Сейчас как наберу воздуха в легкие. Да как пошлю ее к... цветочкам, с которых она слезла! Рассушить ее гербарий! Но слова застряли в горле. Потому что вдруг повеяло холодом. И все, кто стоял в коридоре, включая злобную ящерку, быстро прижались к стенам и дружно принялись рассматривать пол.

А по коридору медленно плыл, не касаясь ногами пола, высокий мужчина, одетый в черный, наглухо застегнутый плащ. Его узкое лицо с высокими, резко обозначенными скулами, застыло в презрительной гримасе. Черные, без зрачка и райка глаза смотрели поверх голов куда-то вдаль. По спине струились серебристо-седые волосы, спадающие ниже колен. Мужчина поравнялся со мной и я застыла в ужасе. Из-под его волос тянулись ко мне в безмолвной мольбе о помощи скрюченные судорогой руки. Раззевали рот в немом крике бледные, как у мертвецов, лица.

Я икнула от страха и взвизгнула, когда одна из дрожащих рук почти коснулась моего лица. И сразу почувствовала, что у меня в трусиках все сухопутные войска сейчас станут влажнопутными.

– Опустим глаза, дурында! – подоспевший на помощь лепреккон хлопнул меня по попе.

Я поспешно опустила глаза. Оно так спокойнее. Лучше не видеть и не знать. Ничего. Совсем. Никогда. Мама дорогая!

– Эй, очнись, дубина! – лепрекон снова шлепнул меня. – Он уже прошел. Никогда не смотри ему в глаза! Ты там часом репутацию не подмочила? – он искоса глянул на юбку моего несчастного платица, которое превратилось чуть ли не в лохмотья после аварии и огнеплюющего ректора.

– Поччччти! А это кккккто? – заикаясь от ужаса, пролепетала я.

– Это мытарь. Сборщик страха. Мытари во всех мирах взимают со смертных всех рас налог на страх и передают его Ангелу Смерти, который питается страхом. Иногда они дают человеку страх, чтобы он сделал то, что нужно Судьбе и когда нужно. Иногда забирают, тоже когда нужно. Тогда появляются герои, которые совершают подвиги.

Мытари распределяют страх между людьми, а излишки отдают Ангелу Смерти. Без страха Смерть не может существовать. Она просто умрет с голоду. Этот мытарь, кстати, один из твоих преподавателей. Его зовут Халом-Балагот. Так что привыкай.

– А можно мне обратно домой? – взмолилась я. – Честное слово, я никому ничего не расскажу!

– Можно, – кивнул лепреккон. – Как помрешь – так и вернешься домой.

И захохотал, глядя на мое испуганное лицо.

– Очень смешно! – разозлилась я.

– Ага, – согласился он. – Правда, со мной весело? А теперь бегом за мной, если не хочешь на церемонии выбора фамильяров выглядеть лахудрой. На тебя и так уже вся академия пялится, – он схватил меня за руку и потащил за собой.

Студентки хихикали, глядя, как я сгибаясь из-за нашей с ним разницы в росте, резво мельтешила ногами, пытаюсь успеть за низеньким лепреконом, который громко стуча башмаками, летел по коридору, таща меня за собой.

Мы скатились по широкой лестнице, покрытой светло-золотистым ковром. Ковер закрывал большую часть лестницы, но по краям были видны стеклянные прозрачные ступени, а из-под них пробивался зеленоватый свет и явно что-то двигалось. Я резко выдернула свою руку из его цепкой горячей ладони и остановилась. Лепрекон замешкался, едва не упал, попытался снова схватить меня за руку. Но я быстро наклонилась и приподняла ковер рядом с перилами. Должна же я знать, что у меня под ногами происходит! А если там какое-нибудь чудовище, что любит на лестницах девственниц жрать?

Подо мной разверзлась водная пропасть. Огромные темные тени неспешно двигались в воде под ногами. Среди них мелькнул светло-голубой силуэт и к стеклу снизу прижалось человеческое лицо. Несколько мгновений большие изумрудные глаза внимательно меня рассматривали, потом существо кувыркнулось в воде и я увидела обнаженное женское тело и рыбий хвост. Сомнений быть не могло: подо мной плавала русалка.

– Это что? – дрожащим голосом спросила я. – Там голая тетка с вооот таким гляделками, ушатай меня, Китай! – я развела руки шире плеч.

– Это русалки. Академия сейчас гостит в водном мире. В лестнице всегда виден тот мир, в котором мы находимся в данный момент. Потому что она, лестница то есть, находится в прозрачном брюшке паучка. Пойдём уже! – он грубо дернул меня за платье.

– Какого паучка?

Он что пьяный, что ли? Как в пауке может быть лестница?

– Оооо! – лепрекон страдальчески закатил глаза. – Здание академии выстроено в форме паучка, понимаешь? Лестница находится у него в брюшке. И если Академия сейчас плывет по водному миру, то в брюшке, на лестнице ты этот мир и видишь, дурында твердолобая!

– Ничего себе паучок! – выдохнула я. – Это уже целое паучище!

– Да нет. Маленький он. Маленький! В твоей ладони поместится. Это просто магия сворачивания пространства. И вообще мне за экскурсии для тупиц не доплачивают! Все скоро узнаешь сама. Пойдем уже!

Нет, он не пьяный. Он обкуренный! Здание академии в форме паучка, который помещается в моей ладони. Во плющит мужика! И русалки в брюшке. Ага!

– Да, но вообще-то русалок не существует! – прошептала я.

– Что ты сказала? – взвился лепреккон, возмущенно подпрыгнув.

Его бархатный ярко-зеленый цилиндр так и остался висеть в воздухе.

– Ненавижу человеческую расу! – прошипел лепреккон, снова подпрыгнул и нахлобучил цилиндр на голову. – Вы все задаваки и тупицы! Считаете, что вы единственные – настоящие. А мы все: лепреконы, драконы, русалки и прочие – всего лишь персонажи ваших волшебных сказок. Тьфу на вас! Забодай вас единорог! Мы существовали в те времена, когда вы еще по лесам бегали голышом. И когда нас по делам бизнеса заносило в ваш мир, вы слагали о нас сказки. А потом дошли до такой наглости, что объявили нас выдумкой. Это вы ненастоящие, понятно? – он погрозил мне кулаком. – Еще раз остановишься, я тебе вместо платья выдам мешок и нахлобучу на твою деревянную башку. И будешь ходить уродиной! Это понятно?

Я поспешно кивнула и закусил губу. Очень хотелось сказать ему пару ласковых, но придется пока играть по его правилам. Мы снова побежали по очередному длинному коридору.

– Это жилая часть, – тараторил лепреккон на бегу. – А это твоя комната, – он остановился возле двери, украшенной вычурной, с завитушками, цифрой "13".

Кажется, они нарочно надо мной издеваются! Мало мне бед, так еще и комната номер тринадцать. Я осторожно переступила порог и огляделась. Вроде обычная обстановка: кровать, шкаф, изящный письменный столик в форме раскрытой книги, туалетный столик, уставленный цветными флаконами, возле него – приоткрытая дверь в ванную комнату.

Лепреккон распахнул дверцы шкафа. Сиротливо звякнули пустые вешалки.

– Так! Начнем тебя одевать, – он заглянул в пустой шкаф.

– В невидимые платья? – ехидно осведомилась я. – Как голого короля?

– Невидимые твои мозги, – огрызнулся он, достал из кармана зеркало и что-то зашептал, прижавшись к нему губами.

– А не жирно будет? – раздался из зеркала скрипучий голос.

Я подпрыгнула от неожиданности и попятилась назад. Ну так, на всякий случай.

– И не говори! – тяжело вздохнул лепреконт. – Самому жалко на такую дурунду материал расходовать. Одежда – она денег стоит! – он назидательно поднял вверх указательный палец и помахал им перед своим носом.

– Эй, алё, сорян, что влезаю в вашу беседу, но я вообще-то здесь! – я щелкнула пальцами перед его носом.

– Вот в этом и кроется корень проблемы, – прогнусавил чей-то голос из зеркала.

Вслед за голосом показалась рожица еще одного лепреконта, такого же огненно-рыжего, как Камцан, но в фиолетовом цилиндре, криво нахлобученном на патлатую башку.

Потом из зеркала показалась нога в ярко-алом башмаке, а за ней, кряхтя, вылез сам лепреконт. Через его шею был перекинут портновский метр. А все пальцы украшали золотые наперстки. Он гневно ощупал меня наглыми глазенками. Бесцеремонно схватил за руку и резко развернул. Я чуть не упала.

– Осторожнее! Не с дровами дело имеешь! – зашипела я.

– До дров ты еще не доросла, так... полешка необтёсанная, – он по-хозяйски снова крутанул меня и принялся обмерять с такой скоростью, что я в ужасе закрыла глаза, потому что голова немедленно закружилась.

– Ноги какие длинные! Это ж сколько материала на длинные платья да юбки пойдет! – проворчал портняжка, ползая у меня под коленками.

– Может, ее подпилить снизу? – предложил Камцан. – До колен хотя бы. В целях экономии бюджета академии.

Это прозвучало так убедительно, что я испуганно метнулась в сторону ванной.

– Нельзя, – вздохнул лепреконт-портной. – Противоречит уставу академии, пункт пятнадцать, параграф три: злостная порча имущества. Нас потом ректор испепелит, – он настиг меня возле двери ванной и снова принялся крутить, обмеряя.

Еще несколько минут карусельной пытки, и он, наконец, снова нырнул в зеркало. А я упала на кровать, борясь со спазмами тошноты. А также с непрекращающимся после знакомства с мытарем желанием превратить сухопутные войска в трусиках во влажнопутные.

– Принимай обновления! – прогнусавил портной из зеркала.

Оттуда в комнату полетели платья, юбки, жакеты, ботинки.

Что интересно: вещи не падали на пол, устланный мягким ковром, а так и оставались висеть в воздухе в форме колеса. Камцан ловко подхватывал их, нанизывал на вешалки и убирал в шкаф.

— На каждый день новая форма: юбочка, платьице, жакет, блузка, ботинки. По дням недели. Там все написано на ярлычках. Ох, балует вас господин ректор! Я бы вам по одной паре выдал и все. Это, — он потряс пенным кружевным платьем, — для главного отбора. Даже не думай натягивать до того.

— Для какого отбора?

— Для отбора в пару господину дракону-ректору.

Это еще не хватало! Что за отбор?

— А отбор — это мероприятие обязательное для всех? — я подхватила висящий прямо перед носом ярко-зеленый бархатный жакет.

— Отбор — для самых лучших! — Камцан выдернул жакет из моих рук. — А те, кто не пройдут, отправятся в дальние необитаемые миры. Хочешь жить среди разумных камней в пекле, где никогда не бывает дождя?

— Нет! — испугалась я.

— Вот! И я так думаю. Поэтому придется постараться, чтобы после академии, попасть в нормальный мир по распределению. Такой, как твой родной, например.

— А что мне там делать после распределения?

Лепрекон замер и вытаращил глаза. Несколько минут он просто пялился на меня, а я уже начала закипать. Что они из меня все дуру делают?

— Ты, действительно, не знаешь, куда попала? — он всплеснул руками.

— Нет. Понятия не имею.

— Чтоб мне век золота не видать! — он театрально закатил глаза. — Не понимаю, каким образом тебя признало зеркало судьбы! Ну не может же такого быть, чтобы ты была связана с ним, с зеркалом, золотыми нитями, и ничего об этом не знала!

— Может! — я почувствовала, что сейчас расплачусь от злости, вон и комната уже поплыла перед глазами.

Нормальные девушки, нежные цветки и чистые родники, плачут от обиды. Я плачу от злости. И вся эта ситуация меня уже начала сильно затр... авливать.

Лепрекон посмотрел на меня, вздохнул и нарочито терпеливо сказал:

– Ты в Академии Судьбы! Ты сама будешь работать судьбой после окончания учебы!

У меня подкосились ноги и я плюхнулась на кровать.

– Чьей судьбой? – губы внезапно так пересохли от волнения, что с трудом шевелились.

– А вот это уже зависит от тебя. Если хорошо закончишь, то попадешь в богатые обитаемые миры. А если нет – в опасные или пустынные и заброшенные, где судьба быстро умирает. То хищник сожрет, то еще что. А если будешь особенно стараться и пройдешь отбор у господина дракона-ректора, то станешь богиней судьбы – Макóшей. Потому что Судьба, Фатумóр – это не одно божество, а два. Женщина и мужчина. Мужская часть, бог Фатум – это всегда дракон.

– Почему? – осмелилась перебить его я.

– Потому что сама судьба жадная, как дракон. И всегда возвращается в ту же точку, с которой все началось. Словно дракон, что кусает свой хвост. А женская часть Фатумора, богиня Макоша – это всегда лучшая студентка академии. Отбор у дракона все решает. Хотя у тебя шансов почти нет. Все знают, – тут он понизил голос до шепота, – что он постарается выбрать себе в напарницу летайю, девушку-ящерицу. Ты ее видела в коридоре. Летайи ближе всех к драконам. Фактически, родня. Так что, сама понимаешь, – он захлопнул шкаф.

Я молча сидела на кровати, пытаюсь переварить информацию. Еще несколько часов назад я просто хотела заполучить олигарха. А теперь я в каком-то страшном сне. И все началось с этих теток в клубе. Тетки, конечно! Как можно было о них забыть?

– А эти тет... то есть женщины в кабинете у ректора: толстушка и худышка, они кто?

– Это Доля и Недоля. Твои преподавательницы, а заодно и главные помощницы Фатумора, Божества Судьбы. Так что советую с ними дружить. Так, я закончил. Вот платье на сегодняшний выбор фамильяров, – он бросил на кровать нежно-кремовое шелковое

платье, расшитое алыми цветами, с пышной кружевной нижней юбкой. Корсет платья был сделан в виде красной жилетки с золотыми пуговками. Посадишь пятно – заставлю языком его слизывать, – он погрозил мне пальцем и выбежал из комнаты.

Я подошла к большому зеркалу возле туалетного столика. Ну и вид на Мадрид! Волосы немытые и покрыты гарью. То ли от аварии, то ли от огненного дыхания дракона-ректора. Лицо бледное. Глаза навывкате, как у лягушки от всего что они сегодня видели. Так, чувствую, что пришло время беседы с умным человеком – с собой.

А ну, Алиса, приди в себя! Это реальность. Не сон, не кома, не смерть. Значит, ты в магической академии, и одновременно в ж... гхм... в анусе мира. А собственно, что такого? Комнату дали бесплатно. Может, даже покормят. Было бы неплохо, кстати. С прошлой жизни не жрамши. Шмотки вон тоже бесплатно выдали. Денег пока никто не просил. Получше, чем в Москве, когда ты только туда приехала на голое место и неделю в туалетах мылась. А спала на вокзале, прижимая к себе дорожную сумку. Тебе бы тогда такую комнатку!

А то, что разные странные существа здесь табунами бегают, так это не страшно! Ты ещё и не таких видела в своей короткой, но насыщенной жизни. После всех этих московских и волчедуйских гопников по имени "эй, ты, сюда ходи, девачка!" лепреконы и люди-щерицы – это еще не самый худший вариант.

Так, руки в ноги, сопли подотри. Приведи себя в порядок и покажи им всем, что ты не хуже, а лучше. Этот ректор-звероящер ещё пожалеет, что обозвал тебя дворняжкой! Как-то же и для чего-то тебя сюда занесло? Они и сами не понимают. А ты и подавно! Вот это и нужно выяснить.

После разговора с собой мне сразу стало легче. Я пошла в ванную комнату. Посредине стояла ванна в виде хрустальной лилии. Ее края были щедро уставлены разноцветными флаконами причудливых форм. Не успела я раздеться и бросить грязную, опаленную огнем дракона одежду на пол, как ее тут же с чавканьем втянуло под мозаичную плитку ванной. Интересно: а мою одежду мне отдадут или нет?

Я приняла ванну, вымыла голову. Мыло и шампунь состояли из крошечных цветов. Попадая на кожу и смешиваясь с водой, они взрывались ароматной разноцветной пеной. Непередаваемое

наслаждение! В шкафчике над рукомойником даже нашлось что-то похожее на фен. Правда, не ясно было, где он включается. Я почти отчаялась, и, покрутив его в руках положила было на место. И тут в корпусе появилась щекастая физиономия. Надув щеки, она дунула горячим воздухом мне в лицо. Я поспешила направить фен на волосы. Три минуты – и моя белая грива завилась крупными локонами.

– Кудряшки, – разочарованно протянула я.

Не люблю локоны и завивку.

– Предупреждать надо было, что хочешь распрямлять, а не завивать! – бок фена снова вспучился щекастой физиономией.

Она обиженно надулась.

– Очень красиво! Спасибо! – поспешно заверила я фею укладок или как там это называется?

Еще разозлится и волосы сожжет. В шкафчике нашелся также большой набор косметики с обычной прозрачной крышкой. Открывать нужно осторожно! А вдруг там тоже фея? Чуть-чуть приподнимем крышку, и... слава богу! Обычная, нормальная, а главное, абсолютно молчаливая, косметика. В прошлой жизни я даже не знала, что это счастье. Немного пудры, капелька румян, чуть-чуть блестящих серебристо-бежевых теней – глаза оттенить. Мазок туши, чтобы не слипалась. У меня и так глаза большие. Еще и намазать их – точно буду корова на лугу. Нежно-розовая помада завершает образ девы юной и непорочной. А что? Я девственница и есть. Естественность – наше все!

Как мало девочкам нужно для счастья! В порядок себя привела – и сразу повеселела. Прорвемся! Я подмигнула себе в зеркале. Теперь платье. Вот тут настроение как-то малость подугасло. Ненавижу фасон "Красная Шапочка"! Приталенный верх на шнуровке, сверху этот дурацкий корсет, широкая юбка топорщится от многослойного, вшитого под подол кружева. И еще цвет нежно-кремовый в огромных красных ромашках. Где корзинка с пирожками? Раскудрить их чашу!

Да ладно! Я не просила делать из меня фею. Только жену миллиардера. Как там мой золотой рыбец из "Форбса"? Выжил ли в аварии? Эх, какой вариант сорвался! Еще несколько часов назад я заносила крутое бедро на танцполе и слыхом не слыхивала про лепреконов, драконов и академии. И еще и магические! Бред какой-то!

Но как же меня сюда занесло-то? И зачем? И почему этот дракон-ректор меня так возненавидел с первого взгляда? Вообще-то я к такой реакции мужиков не привыкла. Обычно у них при виде меня слюнки текут и в глазах маслице-фуяслице. А этот сразу огнем плеваться начал. Или драконы не совсем мужики?

Я взяла в руки платье. Из-под него выскользнуло что-то легкое и кружевное. Бабочкой порхая в воздухе, оно опустилось на ковер, и я с ужасом поняла, что это трусы. Да они издеваются! Такие трусы фасона "отвори потихоньку кххх.. алитку" носили еще до революции!

Я в кино такие видела. Кружевные панталончики, короткие, как шорты, но с резинками внизу. И с широкими лентами. У них тут что ретро-бордель?

Где мои кружевные стринги с бусинками и крошечными бантиками? Я натянула этот старинный ужас и застыла перед зеркалом. Даже моя мелкая от природы и упругая от постоянных усилий подкачки кардашьян выглядела на два размера больше. Лучше я глаза закрою. Не могу на это смотреть! Сволочи магические, отдайте мне мои трусы! При первой же возможности найду этого завхоза-лепрекона и потребую вернуть мое нижнее белье!

Придя в себя от шока, я вышла в коридор. Нужно направление подсказали мне группки студенток в таких же, как у меня платицах, которые живыми ручейками стекались к лестнице. Я поспешила за ними. Рядом со мной торопливо шагала девушка. Без паучьих ног и вроде не ящерица. Вполне нормальная на вид, если не считать слишком рыжих, просто огненных волос, по которым пробегали искорки. Но, возможно, это у них так модно?

– Это мы на все отбор фамильяров бежим? – обратилась я к ней.

Она обернулась, и я увидела, что сильно поспешила с выводами насчет ее нормальности. На меня уставились, не мигая, ярко-желтые глаза под огненными в буквальном смысле ресницами. То есть, вместо ресниц у нее были тоненькие язычки пламени. А кисти рук были кошачьими, рыжими, и на аккуратненьких округлых пальчиках блестели острые коготки.

– Да. На выбор фамильяров. А ты та новенькая, что чуть ли не с неба свалилась? – доброжелательно улыбнулась она.

– Быстро у вас тут новости распространяются! Папа Гугл бы обзавидовался.

– Папа кто? – она удивленно моргнула несколько раз.

– Забудь!

– Ладно! Но сплетни тут и правда быстро облетают все уши. Что неудивительно: хозяйством академии заправляют лепреконы. А они больше всего на свете любят золото и поболтать. Если хочешь быстро донести до всех сплетню, расскажи ее лепрекону. Моргнуть не успеешь как тебе уже ее перескажут во всех подробностях, попутно перевирая.

Мы обе рассмеялись.

– Ну хоть какое-то сходство с моим родным миром. У нас так же. Правда, лепреконы не водятся. Зато их заменяют подружки и соседки. И интернет.

– Сюда! Здесь зал торжеств, – огненная полукошка подтолкнула меня к огромной белоснежной двери, украшенной рубиновыми завитушками. – Реверанс делать умеешь? Будешь проходить мимо ректора, присядь в реверансе.

– Тогда ты первая, – я пропустила ее вперед. – Никогда в жизни не делала реверансов.

Огненная девушка зашла в зал. Торопливо, но легко добежала до середины, повернулась направо, взялась за юбку двумя руками и присела в глубоком реверансе.

Ты гляди, как у них здесь все манерно. Зал торжеств был больше похож на стадион. Размерами так точно. И еще сиденьями. Они располагались на трибунах, уходящих бесконечными рядами вверх, к белоснежному потолку, украшенному огромным рубиновым драконом, свернувшимся в кольцо. Стены и пол были белыми, как снег. А сиденья из красного бархата и с драконьими лапами вместо ножек.

Я посмотрела направо. В ту сторону, куда повернулась девушка-кошка. Перед трибунами возвышался помост, сложенный из слитков золота. На нем стояло огромное кресло, фактически, трон, сделанный из каких-то странных черных стеклянных игл. Этот трон был единственным темным пятном во всем зале. На троне важно восседал ректор. Справа от него сидела та толстушка из клуба, Доля. По левую руку от ректора скрючилась в кресле худышка Недоля. Позади ректора группой расположились какие-то люди. Среди них я заметила мытаря, споткнулась от неожиданности и едва не упала.

– Она ни что не способна! – проскрипела Недоля, буравя меня злобными глазками. – Я же говорила, что она – ошибка судьбы!

– Не напирай, злыдня! Охолони чутка! – поспешно перебила ее Доля. – Девочка еще не освоилась, – она хлопнула в ладоши и проговорила вполголоса:

– Алиса, милая, покажи, Как ты уважаешь господина ректора и преподавателей.

Это она про реверанс! Я сейчас. Вот только ноги не сгибаются. Совсем. Ректор смотрит на меня тяжелым взглядом из-под густых прямых бровей. Как змеюка! Вообще мужик из себя не поганый. Видный такой. Высокий, худощавый, но плечи широкие. Талия узкая. Может, у них здесь тоже есть спортзалы? Волос черный, лицо узкое с высокими скулами, подбородок волевой. Глаза красивые, очень, но злющие! Аж мороз по коже.

Ну что ж ты вылупился, дядя? Неземной красоты никогда не видел? Я, конечно, понимаю, что на фоне многоножек-паучих и ящериц с зелеными физиономиями, я вообще царевна-лебедь. Но зачем так-то? И теперь ясно, почему здесь такие бабушкины трикошки выдают вместо трусов. Нормальные трусы от взгляда их ректора сами упадут. Особенно мои любимые стринги. Надо хоть как-то реверанс сделать. Ну, Алиса, ножкой ему шаркни и улыбнись. Пусть подавится твоей вежливостью и добротой.

Я. Ненавижу. Сюрпризы. Даже хорошие. А эту девчонку приятным сюрпризом не назовешь. Она раздражает меня какой-то холодной дерзостью, застывшей в глазах. Она дразнит меня, дракона, ректора Академии Судьбы! Без пяти минут Главное Божество Судьбы. Причем дразнит явно неосознанно. Сама этого не понимая. У нее независимость дворняги, что привыкла выживать на улице. Такие быстро учатся, все хватают на лету. Лишь бы им вовремя бросали кость сильные мира сего. Такие, как я.

Она все еще надеется стать одной из нас. Это ее вера. Ее цель. Ее натура. Жадность. Ах, как хорошо мне знакомо это чувство!

4 Глава. Стань в очередь, моя огнеплюйная конфетка!

Жадность – главное качество драконов. Не только к золоту. Ко всему, что имеет силу и власть. Это мой любимый недостаток у людей и не только. Судьба обожает играть с жадными. Их так легко соблазнить славой и деньгами! А главное: властью и опьянением ее силой.

Эта девчонка связана с золотыми нитями судьбы. Ее признало судьбоносное зеркало. Она увидела мир Замужикалья. Похоть, страсть, желание обладать женщиной. По словам Доли и Недоли она видела это в клубе так же ясно, как видят те, кто управляет человеческими эмоциями и пороками. То есть, мы.

Как такое могло случиться? В нашей игре ее просто не может быть. Но она есть. И вариант здесь только один: девчонку подослали мои враги. Те, кто всеми силами пытается мне помешать стать Главным Божеством Судьбы. Карта Алисы пока не разыграна. Но я-то знаю, что у Судьбы не бывает случайностей!

Вот Алиса берется тонкими пальчиками за край платья. Приподнимает его слегка, старательно копируя движения тех студенток, что заходили сюда до нее. Заводит одну стройную ногу за другую и приседает в глубоком реверансе.

Но при этом она неотрывно смотрит на меня. Лукавый блеск сквозит в ее глазах. Полные капризные губы изогнуты в улыбке, которая больше похожа на презрительную гримасу. Такое впечатление, что за двадцатилетней девчонкой там, внутри, прячется опытная зрелая женщина. Потому что такие, как она, быстро взрослеют. Они почти никогда не бывают детьми.

Она играет со мной. Может быть, даже не осознавая этого. А может быть, наоборот, прекрасно понимая, что тех, у кого все есть, можно соблазнить только игрой. Даже напуганная моим гипнотическим взглядом, она красуется. В том, как она встряхивает волосами, как двигается, как смотрит на меня якобы невинными глазами, есть что-то ослепительно дерзкое и страстное.

Она повернулась, и, словно не нарочно, якобы от резкого движения взлетела широкая юбка платья, показывая мне точеную ножку. Она поспешно подхватила юбку, опуская вниз. И при этом натянула ее слишком сильно. Юбка прилегла плотно к телу и я увидел его очертания и великолепную форму бедер. Но при этом она внимательно проследила за моим взглядом. Расчетливо, спокойно, словно проверяя: попался ли мужик на ее прелести. Какая утонченная техника невиданной наглости!

Я задержал дыхание, чтобы пламя не вырвалось из моего рта. Я не зол. Нет. Я в бешенстве! Ей удалось то, что не удавалось почти никому: вывести меня из себя. Ненавижу эту холодную, тщательно отрежессированную страсть! Потому что она сродни моей наигранной бесстрастности.

А такое позволено только одному существу: мне. Эта девочка слишком похожа на меня. Человеческий облик и драконья натура. Какое редкое сочетание! Она словно говорила мне:

— Я хочу твою силу и власть!

— А я хочу тебя, красивое животное! — мысленно отвечал ей я. — Я хочу с тобой играть.

И мы поиграем, малышка. Обязательно поиграем! Но недолго. Ты уж прости. Если ты пешка в чужой игре, а это так и есть — клянусь драконьим пламенем, я это чувствую нутром, — то не допущу, чтобы мои враги разыграли тебя, как козырную карту, спутав мне весь расклад. Хотя... почему, собственно, я считаю ее пешкой? А если она не так наивна, как кажется? Если это все наиграно? И она прекрасно знает, куда попала, а главное: зачем?

В любом случае ее нужно убить. И чем скорее, тем лучше. Пока не отыскался тот, кто всеми силами пытается помешать мне занять место Главного Божества. Тот предатель и отступник, который спит и видит, как бы занять мой трон. Но сначала нужно тебя раздавить, Алиса. Увидеть страх и покорность в твоих дерзких глазах. Шансов выиграть у тебя нет, потому что я никогда не проигрываю.

Она повернулась и пошла к трибунам, гордо подняв голову. Я не удержался. Видит Судьба — я никогда себе такого не позволял, а тут не выдержал, и незаметно прикоснулся к зеркалу на браслете, что плотно охватил мое запястье. Из зеркала вылетел крошечный нитяной узелок, скользнул вниз с помоста и покатился под ноги этой дерзкой девчонки.

Она как раз собиралась сесть в пустующее кресло первого ряда. Никто не хочет сидеть там, чтобы не попадаться мне на глаза. Кроме тех, кто ищет моего внимания.

И в тот момент, когда она повернулась лицом ко мне, узелок скользнул ей под ноги, крепко опутал лодыжки и она упала. На трибунах послышался громкий смех. Студентки хохотали. А она быстро встала и села в кресло. Но я своего добился: в ее глазах на миг погасла дерзость. Ее сменили стыд и растерянность. А я наслаждался ее унижением. Маленькая победа. Пусть и ценой жульничества. Но пора тебе, малышка, привыкать. Я научу тебя тому, что ты не умела с рождения. Покорность и подчинение моей воле – вот что тебя ждет!

Срамota какая! Навернулась на глазах у всех. Мало того, что ногу ушибла, так еще и краска стыда щеки заливает. Вся аудитория ржет. Очень смешно, когда человеку больно. Шли бы вы все сра... достью через Житомир в Пензу назло врагам, на радость маме! И еще ректор буравит взглядом, как будто нефть внутри меня ищет. Растоптать его огнедышло!

Пряча глаза, я устроилась в кресле. Рядом со мной сидела та девочка с огненными глазами, у которой я подсмотрела, как делать реверанс.

– Не расстраивайся, Алиса! – шепнула она.

Она уже и имя мое знает. Я, оказывается, местная знаменитость.

– Угу, – буркнула я. – А тебя как зовут? И что такое фамилльяр? А то я тут попала на раздачу то ли слонов, то ли подарочных купонов, а как они выглядят не знаю.

Она удивленно посмотрела на меня и шепнула:

– Меня зовут Дейна.

– Очень приятно!

– И мне тоже очень приятно, – улыбнулась Дейна. – А фамилльяр – это магический помощник. Усиливает магию и помогает плести заклинания. Фактически, это ожившая душа мага. Фамилльяры богинь судьбы ими не управляют. Но можно повлиять на богиню, воздействуя на фамилльяр. У студенток фамилльяры – это также личные наставники, и они все время привязаны к нам. Они не только дружат с девушками, но иногда ябедничают на них преподам. Это зависит от натуры фамилльяра. Он ведь отражение своего хозяина. Если девушка или

парень ябеды по натуре, то и фамильяр будет наушничать. А фамильяры преподавателей могут сами гулять, где захотят. Некоторые своих фамильяров прячут. Чтобы нельзя было понять их сущность. Вот и ректор своего никому не показывает. Ходят слухи один другого страшнее, что это вообще какая-то зверюга из Первичного Хаоса, который всем владел, пока богини судьбы не начали плести ковер миров.

Значит, мне сейчас выдадут что-то вроде Сири в айфоне. Лучше бы сразу айфон. Без магических штучек. Я бы загуглила: как выбраться из задницы мира, когда везет, как утопленнику? С моим счастьем хорошо с крыши прыгать: ни за что не разобьешься. Вот тут бы папа Гугл – расчекрыжь его серверы – и завис бы навсегда!

От печальных мыслей меня отвлек ректор. Он встал с трона, спустился с помоста и вышел на середину зала.

– Дорогие студентки! – начал он. – Сегодня вы сделаете самый важный шаг в магической карьере: получите фамильяра, без которого маг не может считаться таковым. Но сначала отдадим дань великой истории нашей академии.

И вдруг зал исчез. Ряды кресел повисли в пустоте звездного неба. Я судорожно вцепилась в подлокотники кресла. Панически боюсь высоты! Всю жизнь, с детства. Таких, как я, все равно не возьмут в космонавты. Поэтому верните меня на землю!

А посреди неба появился огромный разноцветный ковер.

– Наша академия – это уникальное здание, – тут на его вытянутой вперед ладони появился стеклянный паук с золотыми лапками размером с яблоко. – Построенное так, что оно может быть бесконечно большим, чтобы вместить нас всех. И бесконечно малым, чтобы уместиться в кармане Главного Божества Судьбы Фатумора.

Он подбросил паучка и тот, крепко вцепившись в лапами в ковер, бодренько пополз по нему вверх.

– Как вы знаете, вся Вселенная – это огромный и яркий ковер миров, по которому без остановки перемещается наша академия, – продолжил ректор.

Тут мне стало совсем плохо. Ковер миров? Этот ковер, что висит посреди звёздного неба – это миры? И мы сейчас, сидя в креслах, по нему перемещаемся? Остановите Вселенную – я сойду!

– Каждая из вас станет богиней судьбы фатальей, которая вплетет свою нить в этот яркий ковер, когда придет время. Наша академия состоит из двух факультетов: Замужикалье и Зафеминье.

– Забабье, – тихо фыркнула Дейна. – Так называют факультет Зафеминье парни, которые там учатся.

Тут ректор бросил на нас с Дейной такой взгляд, что мы вжались в кресла и замолчали.

– На факультете Замужикалья учатся только девушки, будущие богини судьбы фатальи, которые плетут судьбу мужчин. На факультете Зафеминья только мужчины, которые станут богами судьбы фатумами и будут определять судьбу женщин. Но вместе вы создаете участи всех миров, что вплетены в ковер. Ловко управляя пороками, желаниями, мечтами и эмоциями, вы научитесь подталкивать людей и нелюдей к нужной вам цели. Потому что все миры, невзирая на их различия, держатся на одном: на конфликте между желаниями мужчин и женщин. На той искре, которую высекает этот конфликт. Поэтому даже Главное Божество Судьбы Фатумор – это мужчина Фатум и женщина Макоша, которые сливаются вместе в одно существо, творя судьбу миров. Вся история разных миров показывает, что иногда побеждают мужчины, а иногда женщины. Поэтому наша главная цель: равновесие. Хотя иногда достичь его очень сложно. В некоторых мирах, – тут он посмотрел на меня, – даже случаются трагедии. Например, инквизиция в Европе в Средние века – наглядный пример того, как мужчины уничтожали женщин по предлогу охоты на ведьм. Это наша вина. Мы тогда не смогли удержать равновесие. Поэтому не повторяйте наших ошибок.

Почему же не повторять? Я аж заерзала в кресле. Я бы сейчас повторила с удовольствием – ушатай меня, Китай! Соорудить бы сейчас такой маленький скромный костерок для тебя, мой горячий звероящер, и дровишек туда побольше. Гори, гори ясно, лишь бы не погасло! А вместе с тобой в костерок засунуть бы еще пару десятков козлов, что мне в жизни встретились!

– Мы научим вас разным наукам. Плетению удач и невезения, гриму судьбы, управлению страхами. Но главное: мы научим вас судьбоносным торгам. Когда вы станете фатумами и фатальями, вы будете торговаться друг с другом за судьбы ваших подопечных. Как вы знаете, ковром миров управляет Верховное Божество Фатумор.

Тут в звездном небе появились огненные сполохи. Как кометы, они расчертили черноту космоса. Их вспышки были такими яркими, что я закрыла глаза. А Дейна, наоборот, даже привстала с кресла. Ну ей-то легче! У нее самой глаза огненные.

Голос ректора загремел над чернотой неба, отдаваясь эхом среди звезд:

– Вам выпало стать богами судьбы в непростое время. Главное Божество Фатумор недавно было убито подлым предателем и интриганом Азаром, который пытался незаконно, путем переворота, стать Главным Фатумом. Но я и мои преданные друзья сумели остановить мерзавца, который скрылся. И теперь разыскивается во всех мирах. Я, ректор Академии Судьбы Горал был выбран Божеством на место Главного Фатума.

– Как же! – тихо фыркнула Дейна. – Выбрали его!

– Во как! Интриги, скандалы, расследования? Это я люблю! А что он нас разводит, как кроликов?

– Не знаю, как выглядят кролики, – выдохнула Дейна мне в ухо, – но выбрали не его, а Азара. С самого начала. Пока Горал не устроил бунт. В моем мире многие пострадали тогда. В том числе и моя семья.

– И я займу это место по праву! – голос Горала громыхал среди звезд так, что аж уши закладывало. – А та из вас, что будет лучшей в науках, и выиграет мой личный отбор, станет...

По рядам студенток прошла волна горячего шёпота и дрожи. У меня даже попа затрепетала, потому что кресло подо мной физически задрожало. Вот это девки возбуждали! Аж пол затрясся!

– А та из вас, что будет лучшей в науках, и выиграет мой личный отбор, станет Богиней Судьбы Макошей, – продолжил ректор. – Поэтому именно ваш выпуск так важен не только для Академии, но и для всего ковра миров.

– Это что, любая может стать богиней? – прошептала я на ухо Дейне.

– Теоретически да. Но практически Горал будет выбирать из своих, из летайек-ящериц. Они его любимицы, потому что, как никто другой, близки к драконам. Или, в крайнем случае, из арахн. Видела девушек-пауков? Они, говорят, свой род ведут от самых первых богинь судьбы.

Забытые воспоминания замельтешили в моей голове. Какие-то старые, еще советские мультики, которые я смотрела в детстве. Приметы, паучки, которых нельзя убивать, потому что они... ну да, конечно. Потому что они связаны с богинями судьбы. А я-то всегда думала, что это просто сказки и мифологическая чушь. А при чем тут драконы? Ах, да! Лепреккон говорил, что судьба – это дракон, кусающий свой хвост, потому что все всегда в жизни возвращается и идет по кругу.

У меня закружилась голова. По кругу? Значит, я сама должна вернуться в нищету моего детдомовского детства? Значит, все мои неудачи – это какой-то неумелый или злобный фатум, который не смог выторговывать для меня нормальную жизнь? Сволочь! Ушатай его, Китай! Каблук от лабутенов ему в говэрло! Посмотреть бы в его глаза! Да черта с два! Я аж подскочила в кресле.

Не уступлю! Я теперь сама все буду решать. Обратно в задницу вы меня не задвинете! Зубки свои об мой характер обломаете. Мне плевать: драконы или фатумы. Да хоть черт лысый! Все равно пробьюсь. Вы еще пожалеете, что забрали меня сюда и не дали окончательно подцепить на свадебный крючок моего золотого рыбца из "Форбса".

Эх, не знала я своего счастья! Жила себе спокойненько. Шмотки по распродажам покупала. Дисконтные карты копила. По Москве гуляла. Планы строила. И не знала, куда попаду. Ну давай, вывози меня кривая да нелегкая! Иначе я тебя сама к черту в пекло завезу. Мы теперь с тобой равны. Слышишь, Судьба?

Значит так, девки: чики козлоногие, крокодилицы зеленые, паучишки ножкосучащие и прочие красотки, больше похожие на мои неприятности. Зубками не клацаем, крылышками не бьяк-бьяк-бьяк. Ректора руками не мацаем. Он мой! Я олигарха брала. Тепленького и живого. Я была без пяти минут замужем за всем алюминием матушки России и четвертью ее недвижимости – расквadrat мою гипотенузу! А вы мне такой облом. Теперь задерите повыше ногу – я покажу вам всем дорогу! Ректор. Будет. Мой. И Судьба будет моя. Я на этот отбор проползу в Роттердам через Попенгаген! И я его выиграю.

А звездное небо, тем временем, исчезло. Вернулись белоснежные стены. Дверь распахнулась и пятерка лепреконов под предводительством Камцана, который ворчал и покрикивал на

помощников, вкатила в зал тележку, на которой стояло большое, в рост человека, зеркало и еще какая-то странная штука. Где-то я такие видела, а где не помню. Зеркало было оправлено в золотую раму и держалось на больших драконьих лапах.

– А что это рядом с зеркалом? – шепотом спросила я Дейну.

– Прялка, – так же тихо ответила она.

Точно! Я такие в сказках видела. Там еще веретено должно быть, о которое спящая красавица укололась. Они тут что прясть собираются? Нет, я им в швей не нанималась. Или как это там называется? Ткачиха? Прядильщица? Да один черт!

Лепреконы сняли зеркало и прялку с тележки, аккуратно прислонили ее к зеркалу. Вытащили из веретена золотую нить и накинули на зеркало. И вдруг прялка ожила, веретено закрутилось, а нить исчезла в зеркале. И зеркало ожило. На его поверхности появилось женское лицо с красивыми миндалевидными глазами.

Дракон щелкнул пальцами и в его руках появился длинный, густо исписанный свиток.

– Итак, – начал Горал, – первая студентка, которая удостоивается чести получить фамильяра... – тут он сделал эффектную паузу, прямо как на Оскаре во время вручения призов. – Шамтара!

Все головы повернулись вправо, и моя вслед за всеми. По рядам быстро и ловко пробиралась та самая девушка-ящерица, которая в коридоре намертво прилипла ко мне глазами. Она подбежала к ректору, высоко задрав длинный хвост, и присела в реверансе. При этом Горал так тепло на нее смотрел, и так откровенно ею любовался, что я сразу поняла: здесь зарождается светлое магическое чувство.

А ведь лепреконе Камцан был прав: они, кажется, уже давно всё поделили и распилили. Асисяй-любофф-кино, шалаяй-валяй свадьба. И отбор у дракона – это театрализованное представление для такой магической рванины, как я.

А эта рептилия недовинченная с зеленой рожей уже себя мнит богиней. Ушатай ее, Китай! А мне и остальным, как обычно, перепадут крохи от распила. Ну нетушки! Я на это не согласна! Надо было вам, ребята, не отрывать меня с кровью, мясом и икрой от моего золотого рыбца. А если оторвали, то я вам тут пару заклинаний попутая. Мы еще посмотрим, кто лучше нафеячит и на трон сядет. Или где там у них Макоша сидит?

Ректор взял Шамтару за руку и приложил к зеркалу. А летая вдруг из светло-зеленой стала вообще изумрудной. Причем вся. От крокодилей мордахи до хвоста. Наверное, это люди-ящерицы так краснеют. Ах ты ж моя кокэточка хвостатая! Ну точно, как наша королева красоты Волчедуйск-2015, когда ей мэр города на башку корону нахлобучил.

Я тоже в этом конкурсе участвовала. Даже до финала дошла. Мы с другими девчонками-претендентками, как дуры, задания выполняли. На конкурсе купальников кардашьянами крутили. А победила кривая и косая любовница мэра, которую он до этого отквадратил во все гипотенузы. И Шамтара мне эту любовницу очень напомнила. Крокодилица страшная, ночью приснится – не отмахнешься, а сомнение как у звязды-загадки!

Тем временем, зеркало громко чмокнуло, словно пробуя руку ящерицы на вкус, малость подумало и выплюнуло тяжелый браслет, обвитый какой-то здоровенной изумрудной мухой. Как там Дейна сказала? Фамильяр – это душа мага? А вот подходит ей такая душа: навозная муха. Непонятно только, чего эта крокодилица так обрадовалась. Может, в ее мире такие насекомые – это знак особого почета?

Церемония оказалась очень долгой. Каждая студентка долго охала, смущалась, ножкой шаркала и благодарила ректора за свою счастливую жизнь. Неохваченных фамильярами становилось все меньше. А меня еще не вызывали. Наконец, предпоследняя девушка получила своего магического помощника, и очередь дошла до меня.

И тут лицо ректора резко изменилось. До этого он всем улыбался. Кому-то больше, кому-то меньше. А как мое имя назвал, так у него губы в нитку поджались. И не назвал даже, а процедил сквозь зубы:

– Алиса!

Я подошла к нему, при этом внимательно глядя под ноги. Сделала реверанс и протянула руку. Потому что видела, что так все делают. Только ректор мою руку не взял. Он вдруг положил растопыренную пятерню на женское лицо зеркала и что-то прошептал. Зеркало хмыкнуло и выплюнуло серый комок размером с куриное яйцо. Комок чихнул, потемнел, налился рыжим цветом и превратился в здоровенную блоху.

Зал грохнул смехом. А губы дракона изогнулись в презрительной усмешке. У меня в мозгу полыхнуло. А горло сдавило судорогой. Считай до десяти, Алиса! До десяти, не меньше! Вдох-выдох! Десять, девять, восемь... не отпустило, нет, но малость поутихло. Я осторожно, чтобы не взорваться, спросила:

– Это что?

– Не что, а кто, невежа! – злорадно произнес ректор. – Фамильяр – это отражение мага. Какая душа, такой и фамильяр!

Я молча смотрела на него, раздумывая: его сейчас послать или по факсу? А он смотрел на меня. Прямо в глаза. А я свои не опустила, нет. У нас в детдоме я в "гляделки" всегда выигрывала. Хотя там было легче. Этот звероящер не просто смотрел. Он раздевал меня взглядом янтарных глаз, в глубине которых вспыхивали золотистые искорки. Раздевал не для того, чтобы облапить. К этому я привыкла. На меня мужики часто заглядываются. И реагируют в меру воспитания и интеллекта, от плоских подкатов типа: "Ваш папа случайно не садовник? Иначе как ему удалось вырастить такую розу?" до грубого "Эй, сюда хады, красавица!" Дракон раздевал меня взглядом, чтобы унижить.

Стань в очередь, моя огнеплюющая конфетка! Я как та игрушка Ванька-встанька: чем больше бьют, тем быстрее поднимаюсь на ноги. Он зло улыбнулся. Я в ответ старательно растянула по лицу резиновую улыбку, больше похожую на гримасу злых клоунов из ужастиков. Снимаюсь в фильмах ужасов без грима. Дорого! Режиссеров романтических комедий просьба: не беспокоить.

Она вернула мне улыбку. Сторицей! В этой улыбке было столько бешенства, что я даже растерялся. Она не смутилась от моего откровенного взгляда. Весь зал замер. Студентки перестали дышать. Преподаватели застыли на месте, глядя на этот немой поединок.

– Опустит глаза и подчинится! – мысленно приказал я.

Она не могла не услышать. Драконий зов сильнее вампирского. А мой гипнотический взгляд не оставляет никакой надежды на свободу. Но с ней все не так. Она сильно рискует. И понимает это. Ее тело сжато в струну. Длинные крепкие ноги вибрируют от напряжения. Мне захотелось раздвинуть их, глядя ей в глаза. И медленно провести ладонью вверх. Как раз до того места, где у женщин ее мира, судя по слухам, располагается душа.

А она пусть смотрит мне в глаза так, как сейчас. Пусть ощущает мои руки и собственную беспомощность. А потом я позволю ей испугаться. Потому что не может иномирянка не испугаться моего драконьего естества. Особенно, если она девственница, которая никогда не видела того, чем мужчины умирят женщин.

И тогда увижу как ярость в ее зеленых глазах сменяется испугом. Сладкий миг! Желанный миг! А после абсолютная покорность игрушки в драконьих лапах. И мое наслаждение. Глубочайшее наслаждение от тихих просьб пощадить ту, которая еще миг назад чувствовала себя равной мне, великому дракону!

Ты сама начала эту игру, девочка, когда с первой минуты осмелилась посмотреть мне в глаза. Когда в яростной дерзости своей осмелилась предположить хотя бы на миг, что мы с тобой можем быть равны. Ты прибыла из такого мира, в котором все, что происходит между мужчиной и женщиной – это игра. Ставки разные. Меняются игроки. Но суть остается одинаковой: кто-то один должен подчиниться. Равенства нет. Один всегда наверху, другой всегда внизу. Они просто меняются местами. Кто-то ежечасно, кто-то лишь изредка. Но игра продолжается всегда.

Ладно, на первый раз довольно унижений. Мы будем играть медленно, Алиса. Я отбросил блоху в сторону, взял Алису за руку. Ее ладонь слегка дернулась. словно ей захотелось вырвать руку. Не возбуждай меня, девочка! Я люблю сопротивление! Хотя здесь, в академии, я почти забыл это чувство и сладкое щемящее ощущение власти над пойманной с великим трудом жертвой. Потому что здесь каждая готова подчиниться по первому моему требованию. Я так привык к покорности, что иногда меня даже тошнит от нее! Но это не значит, что я позволю кому-то дерзость! Потому что дерзость позволена только Судьбе, которой я вскоре стану, когда займу место мужской половины Фатумора.

Я слегка сжал руку Алисы. Какая приятная теплая шелковистая кожа! Интересно: там, под одеждой, она такая вся? Я приложил ее руку к зеркалу. В его глубине вспыхнули золотистые искорки, и на поверхности появился браслет. Вокруг него обвился...

Дракон! Мой фамильяр – это дракон! Ну что ты сейчас скажешь, малоуважаемый господин ректор? Ангидрит твою перекинь! Я улыбнулась Горалу. Причем улыбнулась искренне. А он не понял моей

радости. И в его янтарных глазах мелькнуло удивление. Ты ж моя огнеплойная конфеточка! Ничего-то ты не понял! Чтобы сражаться с драконом, нужно самой стать драконом. Мы теперь с тобой, если не равны, то малость сбросили разницу в весовых категориях. Жизнь потихоньку налаживается. И пусть фамильяр – всего лишь красивая игрушка на браслете с зеркалом. Но то, что в моей душе тихонечко живет дракончик, уже радует и успокаивает. Потому что я боялась, что оттуда вылезет калькулятор. А что делать бедной девушке, привыкшей полагаться только на себя? Естественно, считать. Тщательно и постоянно. Не мы такие, жизнь такая.

– Выбор фамильяров окончен! – громко возвестил ректор. – Расходитесь по комнатам. Ужин вам подадут туда. И туда же доставят учебные материалы. Завтра с утра начинается учебный семестр. Он будет насыщенным и напряженным. Поэтому сегодня даю вам задание выспаться и хорошо отдохнуть. Сонные мухи мне на занятиях не нужны!

Вот в этом я с ним полностью была согласна! Устала адски. Сутки на ногах. Начались они в моем родном мире, который я всегда ругала за то, что он часто не давал того, что мне причитается. А закончились эти сутки в магической академии. Если бы был конкурс по попаданию в ж... кардашьян, то я была бы главой жюри.

Я с удовольствием вернулась в комнату. Сняла платье, обувь, отстегнула браслет и бросила его на кровать. И из-за этой, пусть красивой, но игрушки, такой весь сыр-бор с церемонией? Я медленно побрела в ванную комнату и вдруг сзади раздался голос:

– Вас не затруднило бы обращаться со мной немного учтивее и не бросать с таким презрением? Это, в конце-концов, оскорбительно, знаете ли!

Подскочив от неожиданности, я резко повернулась и отшатнулась назад, больно ударившись головой о косяк двери в ванную. На кровати сидел дракон. Вернее, дракончик. Размером с кошку. Алого цвета с ярко-голубыми глазами. На лапках сверкали длинные золотые когти. А за спиной развернулись золотые крылья.

Я взглянула на браслет: зеркало осталось, а дракон, обвивающий зеркало, исчез. Я нервно сглотнула и спросила:

– А ты... то есть вы... с браслета слезли?

– Слезят с дерева, милая барышня, – дракон гордо поднял голову, – а я материализовался и теперь пытаюсь поддерживать учтивую беседу!

– Ага! – протянула я. – Ну мне теперь все стало понятно. Это ж по-магически. Это легко! У меня всю жизнь цацки ожив... ой, простите, материализовываются. Вот, помню, как куплю на базаре бусики, так они прям в тот же вечер со мной разговаривать начинают.

– Я не бусики, – важно произнес дракон. – Я – ваш фамильяр. Меня зовут Нистар. Я – живой пример известной философской концепции о живом, неживом и тонкой грани между ними в восприятии некоторых... – окончания этой фразы я не услышала.

Мой мозг просто отключился и на рефлексивных привел меня в ванную. Там, под теплой водой, намыливаясь крошечными цветочками мыла, я окончательно поняла, что теперь жизнь, – колотить мой фамильяр! – никогда не будет прежней.

Распаренная от душистого мыла. Завернутая в мягкий халат из странного материала, словно сотканного из шелковистых травинок, я рухнула в постель. Фамильяр продолжал что-то бубнить насчет философских концепций. Не знаю, из какой конкретно части моей души он вылез, но меня просто затр... авила его манера витиевато выражаться. Как на уроках литературы в школе, когда нам читали Чехова и прочих классиков. Я ровно половину не понимала. Тут же без поллитры не вкуришь! Я свернулась в теплой постели и поплыла куда-то, поплыла...

Меня разбудил щебет птиц. Уже просыпаться? Я же только глаза прикрыла!

– Просыпайся, девица, просыпайся, красавица! – зажурчал над ухом ласковый, как ручеек, голос. – Разговор у меня к тебе важный. От лихой беды убережь тебя надобно!

Я проснулась посреди залитой солнечным светом поляны. И первое, что я увидела – был цветок. Обыкновенная ромашка с виду. Но очень крупная. Цветок ткнулся мне в нос. Я отмахнулась. А в тычинке появилась недовольная щекастая физиономия.

– Да проснись ты уже, засоня! – сказала ромашка, сложила листики в кулак и ткнула мне в нос.

Из листика выскользнула золотая нить, обвилась вокруг меня одним концом, второй скрылся в траве.

– Какого... эээ.. гербария? – заорала я, вскакивая на ноги.

Передо мной стояла Доля, уперев руки в пышные бока. Высокая, дородная, вся сдобная и розово-зефирная, словно купчиха со старинных картин. Лицо круглое, румяное, толстая золотистая коса вокруг головы обернута. Пышный сарафан колышется, густые брови обеспокоенно нахмурены.

– Наконец-то! – прожурчала она.

Да что же такое-то! То в другой мир перенесли, то во сне в лес.

– Где я? – озираясь, спросила я.

– Это сон наяву. Единственная возможность нам с тобой покалякать с глазу на глаз. В академии всюду шпионы ректора. Никому не доверяй, кроме фамильяра. Накинь на роток платок, голубица моя белокрылая!

– Лучше сразу намордник! – мрачно заявила я, плюхнувшись на траву.

Нить немедленно затянулась вокруг моей лодыжки. Я попыталась ее отодрать. Ощущение было не из приятных.

– Не замай! – Доля легонько хлопнула меня по руке. – Эти нити нас сюда через зеркало привели, они же отсюда и выведут. Порвешь – обратно не воротимся. Это заброшенный мир. Сюда ворон костей на занашивает, и даже Судьба не добирается пока. Потому как не для кого усердствовать и опекать тоже некого. Кроме цветочков и леса и нет ничего. Зато и лишних ушей тоже нет.

Я испуганно выронила нить.

5 глава. Не могу я жить с ботаном

– Ты слушай меня внимательно, девица, да запоминай! Головушку свою русую напряги. Пусть хоть раз в жизни волос у тебя будет короткий, да ум долог. Потому что до этого было наоборот. Тебя в академию не просто так забросило. Нити Судьбы тебя признали. Почему – не спрашивай. Тайна это пока что. Мы и сами не скумекали еще до конца, что к чему. Одно знаем точно: ты как-то связана с Главным Божеством Фатумором.

– Мы – это кто? – знаю, что перебивать некрасиво, но пусть хоть здесь толком объяснит, что происходит.

Достало меня это бесконечное "Что? Где? Когда?"

– Мы – это я и мои друзья, кто против дракона и его прихлебателей тайно воюет. Чтобы он Судьбой не стал. Не положено ему. Нечего совать свое суконное рыло в калашный ряд. Главное Божество Фатумор другому свой трон завещал – Азару. Не стерпел Горал такого унижения, потому что сам давно Судьбой стать хочет. Выше всех себя мнит. И задумал известить Азара и его пособников. Да только не вышло у него. Сбежал Азар. И схоронился там, куда Гораловы псы добраться не могут.

– Подождите! Про этого Азара нам сам ректор говорил на выборе фамильяров? А где он буйну головушку схоронил?

Тьфу ты! Понесло тётю в былины и меня вместе с ней! Чур меня, чур так разговаривать! Эта веселушка-хохотушка сказочная кого угодно доведет!

– А у Горала, ректора нашего, воинство большое, – Доля закатила глаза и взмахнула руками, очерчивая круг. – Недоля – главная моя соперница, заклятая подруга, тоже на его стороне. А ты, почитай, гостинец наш от самой Судьбы-матушки да заступницы. Даже ректор-дракон понять не может, кто ты. Но он твой враг. А я твоя подруженька сердечная. На твоей стороне стою и защищать буду.

– Почему?

– Пока тебе знать не надобно! Все со временем придет, вот увидишь, красавица. Главное вот что: выжить тебе надобно. Понимаешь? В оба глаза смотреть, слушать внимательно да под ноги

глядеть. Известить тебя попытаются! Лихие люди и нелюди. И главный отбор у дракона пройти с честью да лучше всех, и влюбить в себя дракона, иначе смерть тебе, милая.

– Почему? Что я ему сделала?

– Так заведено, красавица моя! В открытую всем говорят, что те неудачницы, что отбор не пройдут и самый низкий балл наберут, отправятся работать судьбой в заброшенные миры. Вот такие, как этот. Но ты же сама видишь, что здесь нет никого. Поэтому враки это. Убивают их втихую. А многих сам дракон сжирает.

Ушатай меня, Китай! Сжирает? Вот прямо в буквальном смысле? Я открыла рот, чтобы задать этот вопрос, но горло сжал спазм. Видимо, на моем лице и так все было ясно написано, потому что Доля кивнула, тяжело вздохнула и сказала:

– Он не просто дракон. Он дракон Судьбы. А Судьба без жалости и слез съедает тех, кто не проходит отбор. Разозлила ты его! Шибко разозлила! В гневе он страшно.

– Да чем? Я его в глаза никогда раньше не видела!

– Мешаешь ты ему, милая. А мешаешь, потому что...

И тут в воздухе появилась прореха и из нее выглянула мордочка моего фамильяра Нистара.

– Я прошу прощения, что прерываю вашу беседу, но по вашим следам пущены ищейки. Стража драконова почуяла, что нити использованы для перехода в заброшенный мир, куда нога Судьбы много веков не ступала. Они задействовали заклинания поиска и подслушивания.

– Ох, горе горькое! Торопись, милая! – Доля взяла в руки второй конец нити, привязанной к моей лодыжке.

– Подождите! – я схватила Долю за пухлую руку. – У меня еще два вопроса есть. Как мне дракона в себя влюбить? Он же меня ненавидит! Вы же сами сказали.

– Думай, девица, думай, красавица! Ты, главное, не горюй, мы поможем. Будем все вместе крепко думать. А как надумаем, весточку пришлем. Да ты и сама не оплошай,

– А те куклы в клубе? Джинн, лев, змей с яблоком? Кто они? Может, это подсказка?

– Куклы? – она недоуменно заломила бровь.

– Это она так воспринимает наши судьбоносные игры, – хихикнул Нистар. – Как игрушки. Тут, знаете ли, целый комплекс: трудное детство, инфантильная мечтательная натура. Вот ее на игрушки и тянет.

Тоже мне, психолог доморощенный, заанализь его Фрейд! Сейчас еще спросит таким мягким и участливым голосом:

– Хотите поговорить об этом?

Да, хочу! Достали меня их загадки! Обращаются со мной, как с куклой. Пугают все время. Куда-то тащат, как марионетку на веревочках. В буквальном смысле с этими их золотыми нитками, катушку им в ноздри! И веретено в... гхм. А теперь еще я должна влюбить в себя дракона, у которого при виде меня огненный токсикоз начинается – пожарный шланг ему в грызло!

– Ой, дитя она малое да неразумное! – всплеснув руками, захихикала Доля. – Куклы! Ой, уморила! – она вся затряслась от смеха, пухлый животик смешно подпрыгнул под широким, как старинный сарафан, платьем. – Не куклы, это, дитятко мое, а...

И вдруг трава на опушке леса вспучилась, и из-под нее вырвался столб огня.

– Драконова стража! – испуганно вскрикнула Доля, дернула за нить и я взлетела с травы вверх и кувыркнулась в воздухе так, что акробаты цирка Дюссалей от зависти разорвали бы на себе шитые блёстками трико.

И полетела в пустоту. Снова! Ушатай их всех, Китай!

Я открыла глаза и вскочила с постели. Зацепила ногой одеяло, споткнулась об него и рухнула на ковер. Нистар, пристроившийся на прикроватной тумбочке, хихикнул и сказал:

– Доброе утро!

– Не спеши с выводами! – мрачно буркнула я, выпутываясь из одеяла. – Мне тут сон интересный приснился. Хотела спросить...

Дракончик испуганно вытаращил глаза и приложил к губам лапку с золотыми коготками. Золотые крылышки нервно затрепетали. Он громко прокашлялся и важно сказал:

– Толкование сновидений – это отдельный предмет, который вы вскоре начнете изучать. Сией сложной науке, требующей особых знаний и навыков, я пока не обучен.

Все! Достал! Не могу я с таким ботаном жить! Фамильяр-швамильяр, а нервы-то у меня не железные! Я уперла руки в бока и грозно гаркнула:

– Значит так! Или ты начнешь со мной нормальной разговаривать, и на "ты", кстати, или я тебя верну в ту ж... зеркальную поверхность, из которой тебя выцарапали! Сейчас пойду к ректору и скажу, что это ошибка. Нету у меня такой части души. И быть не может! Хэмингуэя читал?

– Простите, кого?

– Не понял, да? Вот и я ни хэмингуя не понимаю, когда ты разговариваешь!

Дракончик нервно икнул и затараторил:

– Познание собственной души есть процесс эмпирический, сопряженный с некоторыми...

Я схватила одеяло, набросила на него и заорала:

– Попался! Все, ориведерчи! Досвидос!

– Я больше не буду! – просипел полузадушенный фамильяр. – Пощадите! То есть, пощади, Алиса! Не нужно меня выгонять! Клянусь честью стать ближе к народу. То бишь, к тебе!

– А ты не свистишь? – подозрительно спросила я. – Нет? Пойми простую, как мужские трусы, вещь: я от твоих премудростей сразу начинаю пессимиздить. Мне и так тоскливо! Бездёга у меня. Попала черт знает куда, я – не я, и даже душа, ты то есть, не моя! А ты все время умничаешь и подчеркиваешь специально, какая дура, а ты весь из себя продвинутый дракон.

Но во время пламенной своей речи одеяло я все же малость приспустила, чтобы он там не задохнулся.

Нистар осторожно выглянул из-под одеяла и примирительно сказал:

– Осознал. Каюсь. Прошу прощения!

– Ладно, живи! – я выпустила его на свободу.

Лети, голубь мира! И тут в животе у меня громко заурчало. Кстати, ректор вчера обещал ужин в комнату? И где? С прошлой жизни не жрамши!

– Завхоз Камцан вчера приносил тебе ужин, но ты уже спала, – сказал фамильяр, косясь на мой живот. – Одевайся и иди завтракать в столовую. Не опоздай! Здесь с этим строго.

Я малость повеселела. У меня уже от голода руки дрожат. В таком состоянии я даже дракона убить могу, если он перекроет дверь в столовую. И тут я увидела на письменном столе крупное зеленое яблоко. Вчера его здесь точно не было. Я бы запомнила. Ну хоть что-то для заправки!

Я подошла к столу, взяла яблоко в руки и широко открыла рот, собираясь смачно куснуть. И в этот момент из яблока послышался гнусавый голос. Такой, словно кому-то нос прищепкой зажали. Точь-в-точь как у пиратских переводчиков американских фильмов. Только вместо: "Коламбия...эээ пикчерс... представляет...эээ", он завопил:

– Что за хамская манера сразу жрать всё, что видишь? Что ты все время жрешь вообще?

Я уронила яблоко, испуганно попятилась и автоматически, не думая, огрызнулась:

– Где там все время, когда с такими перерывами!

И вдруг яблоко подскочило и завертелось волчком, как ужаленное. Из него потянулась длинная цепочка соединенных вместе крошечных, размером с фасолину, книг. Слово какой-то чокнутый дизайнер решил сделать из них бусы.

Книжные бусы свернулись кольцом, потом распрямились, вытянувшись в струну, раскрылись, взмахнув страницами, и из них вылез бумажный червяк. Все его тело состояло из свернутых в трубочку книжных страниц. Трубочки соединялись между собой совершенно непонятным образом и поминутно шелестели, словно кто-то листал книгу. Бумажное тело венчала картонная голова. Из хорошего такого картона. Как дорогих книг. У нас в детдоме советская энциклопедия была с такой обложкой. Лицо у червя было человеческое, круглое и плоское, как блин. Противное очень и к тому же сморщенное в презрении. Как будто я ему в суп плюнула. И глазки-буравчики. Он меня ими ощупал, лапку вытянул и подпернул сползшие на переносицу очки в огромной оправе, которая раза в два была больше, чем его противная мордаха.

– Я – главный библиотекарь академии Многотомиус Затрёпанный, получите книги для учебного процесса, – он взмахнул лапкой и крошечные книги на столе подпрыгнули и выросли на глазах, распухнув в толстые большие тома. – Настоятельно прошу впредь не жрать мое транспортное средство и портал для доставки книг!

– Так я же не знала! – попыталась оправдаться я. – Думала, что это просто яблочко. Аппетитное такое!

– А вы умерьте аппетиты, – еще больше сморщив противную рожу, прогнусавил червяк. – А то ваша и без того выдающаяся филейная часть так распухнет, что вы просто не дойдете до отбора! Или ректор-дракон не заметит за ней вашего лица!

– Да ты! Да вы! – задохнулась от возмущения я. – Вы врешь! То есть лжешь...те! У меня нормальная попа! Сам ты филейная часть с ручкой!

– Попрошу не оскорблять главного библиотекаря академии! – взвизгнул червяк. – Иначе я пожалуюсь ректору на вопиющий факт полного отсутствия всяческого присутствия уважения к моим заслугам! А также, – тут он понизил голос до шепота и весь аж изогнулся, гнида бумажная, – я лишу вас необходимых учебников, и вы сразу же! Слышите? Сразу же попадете в категорию двоечниц.

– Вообще-то он может! – шёпотом подтвердил фамильяр. – Случаи уже были. И добавил едва слышно: – Многотомиус мстителен до невозможности! И только он знает, в каких именно книгах упоминаются методы и заклинания по приручению драконов.

Я выдохнула и закрыла глаза. Только этого мне не хватало! Из-за какого-то поганого червяка лишиться всего! Но извиняться перед мерзавцем тоже не хотелось. Хамло бумажное! Мою бразильскую попу оскорбить! Да я ее наприседала до изнеможения! Она у меня вместо бронежилета может пули отталкивать!

А с другой стороны, делать нечего. Двоечницу вряд ли допустят к отбору у дракона.

– Извини...те! – нехотя выдавила я из себя.

Слова застревали в горле. Я их выталкивала, но дело было глухо. Они там, внутри, буковки растопырили и в горло мне ими уперлись.

Червяк снова вздернул очки, схватился за ухо и глумливо спросил:

– Ась? Чего говорите? Не слышу!

– Из...ви...ни..те! – я, наконец, вытолкнула упирающие ногами в глотку слова и вторая часть пошла легче, – пожалуйста. Больше не буду!

– Извиняю! – примирительно сказал он. – Руки мойте перед тем, как листать учебники. А то понаедаются в столовой крема из

маслобрюхов, а потом все страницы в пятнах! – он забрался на стол, что-то прошептал и вдруг резко уменьшился.

Эх, пристукнуть бы его сейчас! У меня аж руки зачесались. Наверное, мои мысли отразились на лице. Червяк опасно глянул на меня, зашуршал на прощание страницами тельца и юркнул в дырку в яблоке. Оно сочно чавкнуло. Дырка затянулась в миг. Как будто и не было ничего. А я осталась стоять рядом со столом, доверху заваленным книгами.

– Это все мне? – тоскливо спросила я у Нистара. – Я же это до конца жизни не осилю!

– А до конца жизни и не нужно, это только до конца семестра.

Я громко икнула от ужаса. Вот она моя книжная могила! Лучше сразу в пасть к дракону ногами вперед!

Нистар сначала наслаждался моим пессимизмом, но потом сжалился и сказал:

– Не волнуйся! Как минимум, половину знаний я буду вкладывать в твою голову во сне. Для этого и нужен фамилляр, чтобы быстрее обучать студентов. Первую порцию информации, и немалую, заметь, ты освоила уже сегодня ночью. Просто тебе пока не пришлось еще ею воспользоваться. Но когда будет нужно, всё само придет. А в книгах только часть. Потому что никто не в состоянии знать всё.

Но стоп! Если он в моей голове во время сна шурует, то и...

– А мои сны ты видишь? – подозрительно спросила я.

– Нет, если это не сны наяву, – едва слышно прошептал он, озираясь по сторонам, – как сегодня, например. Я работаю с другой частью твоего хоть и маленького, но мозга.

У меня аж от сердца отлегло. Мало ли что девушке присниться может? А и пусть дракоша бурчит. Неважно. Главное, чтобы хоть часть их магической науки в мою башку вкручивал.

– Ты ж мой гуглёночек дорогой! – я крепко обняла его и от избытка чувств звонко чмокнула в нос.

Дракоша засопел и вдруг из алого стал багровым. А он еще и застенчивый, оказывается! Ах ты ж моя кокэточка! Помню, как говорила наша главная повариха в детдоме:

– Мужики – как дети малые! Хочешь их к себе привязать – хвали почаще.

В котлетах она не очень разбиралась. Они у нее получались сухие, плоские и жесткие. Всю мудрость, видать, на мужиков израсходовала. Но выходит, везде одно и то же: что в нашем мире, что в магическом. Мужики везде одинаковые, даже драконы. Это очень радует! Значит, и с ректором можно попытаться действовать теми же методами, что в Москве с золотым рыбцом: лепетать, кокетничать и якобы терять сознание от счастья в его присутствии. Я резко повеселела, почувствовав, что нащупала хоть что-то, напоминающее родной мир.

— А я думала, что книжный червь — это вроде как такое выражение просто. Хотя странно оно звучит. Разве в книгах водятся черви? — выпустив дракошу из объятий, чтобы не помер от смущения — не ровен час, я подошла к шкафу.

— Иногда бывает, что миры соприкасаются и разные их обитатели попадают в незнакомые места. А местные жители их видят, и не понимая, кто это, и ничего не зная о ковре миров, слагают об этом сказки и легенды. Так появляются сказочные персонажи. Видимо, кто-то видел червей, попавших по ошибке в ваш мир, вот и прижилось выражение. А у либрусов — так называют расу книжных червей — когда-то был свой мир, но он его потеряли.

— Это как? — я распахнула шкаф, намереваясь одеться.

— А они ушли в вымышленные книжные миры. А свой реальный забросили. Все пришло в упадок. Судьба честно пыталась их расшевелить, но это было бесполезно. Их мир испортил весь узор ковра миров, который так старательно плела Судьба. И тогда Главное Божество Фатумор решило его уничтожить. А либрусов разбросало по разным мирам. Чтобы они охраняли то, что так любят: книги.

— Да уж! — я взяла вешалку с блузкой и юбкой и повертела в руках. — Ботаны все испортили.

— Кто? Ботаны? Это что за раса?

— Забудь! Видишь: и ты не все знаешь!

Я попыталась снять юбку с вешалки. Но она вдруг выпорхнула из рук и вывернулась в воздухе ярлычком наружу. И с этого ярлычка на меня уставилась физиономия той крохи-феи, чью косметику я так неловко рассыпала.

— Сказано тебе, чужеродное создание без признаков хорошего вкуса, что на каждый день строго установлен протокол нарядов. Куда

ручонки загребушие тянешь? На сегодня другой наряд. На ярлычок глянь! Там написано: пятница. А сегодня понедельник!

У меня аж глаз задёргался на нервной почве!

– Она что за всеми следит? – жалобно прошептала я.

– Да нет, – улыбнулся Нистар. – Это магия красоты. За нее отвечают феечки. Они на вид безобидные, но за малейшую ошибку стиля могут заклевать до смерти. В прямом смысле. У них под платьями швейные иголки спрятаны. Восемь штук. Как дополнительные руки.

Ну прямо как наши гламурные стилисты! Те тоже вроде порхают по жизни, а попробуй не ту сумочку к платью подобрать! Сожрут тебя эти небесные, во всех смыслах, включая голубой цвет, создания и не подавятся. Гламур – он и в магической академии гламур.

Я надела белую, в крупную черную клетку юбку, длиной чуть повыше колена. Белую шелковую блузку навыпуск, черные длинные гетры, доходящие почти по панталончиков, и изящные черные замшевые ботиночки на шнуровке. Нистар сунул мне в руки стопку книг.

– Иди завтракать. Столовая в конце коридора. Когда поешь – беги на занятия. А я возвращаюсь в браслет. Согласно уставу академии, фамильярам студентов можно принимать истинный облик только во время уроков по требованию преподавателей, или в комнате учащихся, – с этими словами он уменьшился, свернулся вокруг зеркала на моем браслете и превратился в изящное украшение.

Я вышла из комнаты и пошла по коридору за девушками разных рас, которые спешили в одном направлении. Мои ноздри хищно затрепетали от чудесного запаха свежей сдобы. Ускоряемся! Тут уже не до приличий. У нас в детдоме кто не успел, тот опоздал. Мой пустой желудок припустил по коридору впереди меня. Догоняя его на пятой комической скорости, я влетела в столовую. И сразу натолкнулась на взгляд ректора. Он сидел за длинным столом. По правую руку от него записывала в рот сразу три булочки Доля. По левую руку Недоля лениво отщипывала от кекса крошки и равнодушно бросала в рот. За столом были еще какие-то незнакомые мне люди. Хотя кого я тут знаю? Наверное, преподы. А ректор Горал, поднеся ко рту здоровенный кубок с ярко-алой клубящейся жидкостью, так и замер,

прожигая меня глазами. И чего ему нужно от меня, звероящеру поганому? Спилберг с парком Юрского периода его задери!

Спокойно, Алиса! Вида не подаем. Хотя от страха мои панталончики нервно качнулись под юбкой. Внутренний голос, мой знаменитый доктор Чуйка говорил, что нужно бежать без оглядки. А желудок умолял остаться. В конце-концов, не могу же я от него все время бегать, если учусь в его же академии? И потом, нужно как-то налаживать с ним контакт. Доля ясно сказала, что моя цель – обуздать дракона и влюбить его в себя.

Спрятал бы ты глазки, дядя ректор! А то, неровен час, в своем же имуществе, в моем белье то есть дырку прожжешь!

– Прикинься ветошью, – шепнул доктор Чуйка.

А это мысль, кстати! Опустить глаза, и по стеночке, по стеночке к столам, за которыми уже бодро метали завтрак студентки.

Как осторожно она крадется к столу. Несмотря на то, что мне хочется ее придушить, вынужден признать, что она забавная девочка! В первый раз вижу женщину, которая одновременно вызывает такие противоречивые эмоции: ярость и смех. Если ее послал ко мне Азар, то это хорошее подношение! Иногда враги хотят досадить, но вместо этого одаривают, сами того не понимая. Я слишком долго живу, чтобы испытывать любопытство. Я видел так много женщин, что ни одна из них не может вызвать во мне это щемящее чувство новизны и радость обладания свежей добычей.

Как на охоте, когда я был молод, горяч, сутками преследовал крылатую саблерогую антилопу, и, настигнув, дрожал, вскрывая ей горло. Фонтан крови бил в мои разгоряченные ароматом жертвы ноздри. Уши ловили ее стон, похожий на стон любви, что срывается с уст в тот миг, когда мужчина входит в женщину. А мое сердце пело песнь радости обладания той, за которой гнался много лун подряд. И когда ее плоть раскрывалась, терзаемая моими когтями, и обнажала скрытые в глубине своей вены, сухожилия, мышцы и нервы, я кричал от радости узнавания тайной сути плоти. От счастья обладания. От того, что вижу то, что позволено видеть лишь раз в жизни тому, кто убил свою жертву.

Много лет я не испытывал этого чувства. И вот оно вернулось. На руке Алисы браслет с драконом. А в глазах драконье пламя, что прячется за испугом. Я хочу его видеть, это пламя! Я хочу тебя

подразнить, девочка. Если твой фамильяр – дракон, то понятно, почему ты вызываешь у меня такое любопытство. Двум драконам не ужиться в стенах одной академии. И то, что я изгнал Азара – лишнее свидетельство этой простой истины. Дракон всегда один. И судьба всегда одна. Покажи мне свою злость, Алиса! Я хочу ее видеть. Посмотри мне в глаза! Слышишь мой зов? Пусть тебе сейчас кажется, что ты управляешь своими эмоциями. Но это я извлекаю их из твоего драконьего нутра. Покажи мне зубки, девочка! Дай огня! Я начинаю скучать, когда ты прячешь его внутри. Мне нравится возбуждаться в твоём присутствии. Я начинаю любить свою злость к тебе. Разозлилась, Алиса! Ну же, просыпайся, девочка!

И тут меня неожиданно злость взяла.

– А иглессиаса нам, красивым бабам! – как говорила завхоз тетя Клава в нашем интернате, наматывая резиновый бинт на артрозные колени!

Меня когда на нервяк пробивает, потом на отходняке всегда злостью шибает. О! Стихи вышли. Раскиндык мою распродажу! Эй, на барже! Я не знаю, какого гербария ты в меня вцепился, Горал, но я по жизни пуганная. Так что стань в очередь на мое удушение. Там до тебя столько мужиков в очереди парятся и не жужжат! Хоть прогляди свои красивые глаза совсем, все равно я уже здесь и никуда отсюда не денусь, пока не придумаю, как сбежать обратно в Москву. К "Форбсу" поближе. Я сюда пришла завтракать. И точка!

Устроившись рядом с девушкой-пауком, я пододвинула к себе пустую тарелку и даже положила салфетку на колени. Знай наших! Мы хоть и не с Парижу, но среди богатеньких буратин тоже малость покрутились. Можем изобразить изображение в случае чего.

– Это арахна, а не девушка-паук, – услужливо подсказала память.

Стоп! А откуда я это знаю? Ах, да! Фамильяр же говорил что ночью мне уже вложил в башку часть знаний. И на том спасибо!

Не знаю, как едят реальные пауки, я в этих букашках не разбираюсь, но у этой арахны рот открывался на ширину приклада. Мясные закуски в него просто со свистом влетали. Я устроилась спиной к ректору, и, наконец, подняла глаза.

Нас, студенток, усадили за длинный стол, отдельно от преподавателей. Стол был уставлен многочисленными блюдами с разными вкусами. Многие из них я даже не смогла опознать. Из

знакомого и привычного был только салат из маленьких помидорчиков шерри и руколы. На фоне диковинных рыб, пышных пирогов и гор жареного мяса, салат выглядел скучно. Мои глаза намертво прилипли к выпечке и сладостям. Прямо передо мной стояла трехэтажная подставка, до отказа заполненная пирожными.

Рука сама потянулась к пирожному-ракушке размером с крупное яблоко. Ракушка была такая нежно-розовая, из тончайшего теста, открытая посередке, а внутри, на подложке из молочного крема, лежала жемчужинка. Я повертела пирожное в руках: из чего сделана жемчужинка? То ли из зефира, то ли белого шоколада? А по краям раковины блестели капли съедобного золота. Даже жалко есть такую красоту! Я надкусила пирожное, и, не удержавшись, замычала от наслаждения. Это было непередаваемо! Нежно-молочные сливки, белый шоколад, тончайшее тесто и что-то еще, отдаленно похожее на сливочный сыр. Не знаю, как оно называется, но ничего подобного я никогда раньше не ела. Стоп! Знаю.

– Это маслобрюх, кондитерский моллюск из водного мира. Русалки на нем зарабатывают такие деньжищи, как наши олигархи на газе, – услужливо подсказала память, в которую фамилляр ночью напихал знаний про академию и разные миры.

Расправившись с пирожным за одну минуту, я быстро умяла еще два, и потянула руку к следующему. На этот раз мои пальцы цепко схватили шоколадный шар двух цветов: из темного и светлого шоколада. Оказавшись в моих руках, шар раскрылся. Внутри, в оранжевом креме, плавал крошечный настоящий апельсин без кожуры размером с виноградину. Резко запахло цитрусом. Я поднесла пирожное ко рту, но рука застыла в воздухе. Я дернула рукой один раз, второй – бесполезно!словно кто-то невидимый схватил мое запястье и крепко сжал. У меня заболела кисть.

И вдруг в пирожном прорезались глаза, рот и шоколадные усы над ним.

– Куда столько? – раздался из пирожного грозный рык. – Ты свое уже наела! В трех пирожных, что ты умяла, была такая норма калорий, как у целого обеда! Хочешь перед отбором разжиреть? Тогда тебя дракон не полюбит, а просто сожрет на завтрак.

Я взвизгнула и уронила пирожное. Оно шлепнулось на стол, брызнув кремом в разные стороны. Со всех сторон раздался смех.

Хохотала вся столовая, даже ректор улыбнулся. Оказывается, этот чешуйчатый звероящер умеет улыбаться, как майская роза в помойном ведре! Затарахти его сказку!

Мои щеки запылали от стыда.

– Да не переживай ты так! – прошептала арахна. – Это магия красоты сработала. Преподы постарались. Перед отбором всегда так.

– А ты откуда знаешь? Ты же вроде тоже новенькая.

– У меня сестра здесь училась. Она рассказывала. И потом нас при приеме насчет всего просветили. А ты ведь опоздала. Кроме того, я слышала, что в вашем мире вообще ничего не знают о существовании других миров. А у нас это в школе с детства учат. Меня, кстати, Акавиша, зовут. А тебя?

– Алиса!

– Очень приятно! – улыбнулась она, протягивая мне тонкую ножку в высоком и мягком, словно плюшевом, сапожке.

Я осторожно пожала ее, стараясь не оцарапаться об острую коленку.

6 Глава. Драконова добыча

Вообще-то я за весом слежу. Если хочешь замуж за олигарха, то нужно быть моделькой, как минимум. Хотя объемная кардашьян сейчас в моде, и ее даже искусственно надувают приседаниями или силиконом, но мне как-то с моей небольшой привычней. Хотя тоже пришлось немного наприседать, чтобы налилась твердостью ореха. Если у девушки бразильский попец, то будет у нее олигарх – золотой рыбец!

И потом маленькая кардашьян меньше к земле тянет. Я с ней легкая на подъем. Могу куда угодно махнуть: хоть в Монако, хоть в космос. Как Гагарин! На него любая шмотка налезет. Нет, не на Гагарина, конечно, а на маленький кардашьян. А на большой вещи покупать тяжело. Особенно, если я пока еще не жена олигарха, и модельеры в очереди не стоят, чтобы меня упаковать в гламурные шмотки.

Но иногда позволяю себе порадоваться: пару кусочков тортика съесть. А потом танцую минут тридцать-сорок. И все! Все калории уходят. А вот так у человека кусок из пищевода прямо доставать, как их магия – это обидно.

Я осторожно оглянулась по сторонам. Все снова уткнулись в тарелки, позабыв про мой конфуз. За столом преподавателей Доля уминала огромную ромовую бабу, сочащуюся сиропом. На столе перед Долей сидела какая-то забавная зверюшка, одновременно похожая на котика и панду, и бодро чавкала, держа в лапках здоровенный кусок сыра, политый молочным соусом.

Рядом с Долей сидела Недоля, поджав губы на узком, как дуля, лице. Она маленьким глотками пила воду из высокого бокала. И сверлила взглядом Долю, которая доела бабу, облизала пальцы и тут же цапнула с блюда здоровый румяный пирог.

– Я смотрю: тут не на всех магия красоты действует, – я сглотнула слюну.

– Так это же преподы! – рассмеялась Майя. – Они в отборе не участвуют.

– А эта худющая чего не ест и на свою соседку смотрит, как ипотека на минимальную зарплату? Вон глаза какие злющие!

– Не смотри на нее! – испуганно шепнула Акавиша. – Не буди лихо, пока оно тихо! Это Недоля. Та, которая неудачи всем посылает. Пойдем уже, а то опоздаем на занятия. Нужно еще расписание посмотреть, – Акавиша торопливо встала из-за стола.

Я поднялась за ней. Стол почти опустел. Студентки суетливо разбегались, дожевывая на ходу. Из-за соседнего стола вспорхнула стайка девушек-ящериц с золотыми волосами. Они гуськом двинулись за той самой зеленомордой злючкой-крокодилицей, что пялилась на меня в коридоре. Крокодилица с янтарными глазами поравнялась со столом преподав и слегка поклонилась ректору. А тот вдруг глазками заблестел, головой ей кивнул и оглядел с ног до головы с явным удовольствием. И даже задумчиво стол погладил. А руки у него, кстати, красивые. Пальцы длинные, сильные. Тяжелые золотые перстни на них красиво смотрятся.

Ты ж погляди! У них, тут, кажется, зарождается светлое рептилоидное чувство с магической романтикой! Биологию мне в дышло! А крокодилица почуяла, что со стороны мужика теплым ветром подуло, и как спинку разогнет! Как глазками сверкнет! И волосами так тряхнула, чтобы они золотой волной прокатились по плечам и груди. Вот ящерица же кривоногая! А приемчики мои освоила! Я тоже так всегда гривой встряхиваю.

Я подошла к ней вплотную. Проход между столами был довольно узким, поэтому до двери иначе никак было не дойти. Крокодилица попыталась проскочить передо мной, даже не поворачивая головы в мою сторону. Оно и понятно: она же ректора своими желтыми гляделками гипнотизировала. Кто-то из нас должен был сделать шаг вперед или назад, пропуская соперницу. Свита ящерицы предусмотрительно столпилась в сторонке, с любопытством посверкивая янтарными глазенками.

Назад дороги нет! За мной Москва и Волчедуйск! Я решительно шагнула вперед, но Акавиша испугано схватила меня за руку и еле слышно прошептала:

– Пропусти ее! Это летайя Шамтара. Она из королевского рода, а вся их раса произошла от драконов. Поэтому все говорят, что именно она победит в отборе у ректора. Не связывайся с ней! Она страшно

мстительная. Если возненавидит тебя, то просто жить не даст. Затравит!

– А я из рода Самих Князей Волчедуйска, а также Великая Непопаданка В Форбс и Главный Маринуй Пупырчатых Огурцов с Интернатовского Огорода Тети Клавы! – я решительно двинулась по проходу, оттеснив крокодилицу плечом.

Так, волосы откинем, губы уточкой. Попу лодочкой, носочек тянем. И пошла выписывать восьмерки походкой "Окосей, мужик, сейчас, ибо потом будет поздно и дорого!" Я бросила победоносный взгляд на крокодилицу, и вдруг моя нога за что-то зацепилась. Пол качнулся навстречу. Не успев ничего понять и даже охнуть, я растянулась на мраморных плитах, разрисованных цветами и фруктами. Это что за ерунда? Как?

Надо мной раздался громкий залиvistый смех. Я села на полу. Акавиша заботливо склонилась надо мной:

– Ты как, Алиса? Не ушиблась?

– Лучше всех! – зло прошипела я. – Что случилось?

– Она тебе подножку подставила. Хвостом. Я же предупреждала, что с ней связываться нельзя.

Ах ты морда зелёная! Сейчас я тебе твой мерзкий хвост и оторву! Я вскочила на ноги и попыталась броситься на Шамтáру. Но она ловко скользнула под стол преподав, и, выскочив с другой стороны, спряталась за спиной ректора. У меня запылали щеки. И сжались кулаки. Нагадила – и в кусты! Думаешь, я тебя там не достану? Ну, держись, гнида зеленая! Не спасет тебя очешуенная родня! Затарахти твою сказку! Тоже мне Хозяйка Медной Горы!

Я нырнула под стол, намереваясь пролететь под ним, выскочить с той стороны, и вцепиться в янтарные zenки этой рептилоидной сучки. Но не рассчитала угол захода под стол, и налетела на его ножку, причем с размаха. А ножка оказалась тяжелая, широкая. Я плечом ее задела, меня влево отшвырнуло, и я влетела прямо в межножье ректора, который продолжал сидеть на стуле за столом, широко расставив ноги.

Йбица сердце перестало! Недолго музыка играла. Все, Алиса! Вот тут тебе и пришел конец! Причем в прямом смысле. Потому что мужское достоинство дракона находилось в трех сантиметрах от моего

лица. Боясь дышать, я осторожно подняла голову вверх, лихорадочно размышляя: а может, голову руками прикрыть? Если он сейчас полыхнет огнем вниз, то я превращусь в уголек. В столовой наступила такая тишина, что было слышно, как тихо булькает, пузырятся, алая жидкость в бокале ректора. И падают на фарфоровую тарелку капли жидкого крема из надкушенной булочки, которую Доля продолжала автоматически сжимать в руке. Дракон смотрел на меня. И было в его красивых ледяных глазах что-то странное. Не ярость, а...

Желание... как ни странно, оно пришло первым, и вытолкнуло мою клокочущую ярость. Какие у нее красивые глаза! Большие, голубые, широко распахнутые. Она сидит у меня между ног, и в ее глазах больше нет дерзости. Лишь страх напуганной маленькой девочки, которая внезапно осознала, что заигралась. А стерва куда-то улетучилась. Где ты, колючка? Выходи! Иначе я поверю, что Алиса, действительно, просто глупая девчонка. И наивная к тому же.

Что со мной? Я старею? Вместо того, чтобы сжечь ее за такую неслыханную дерзость, я люблюсь ее глазами. Или ни один мужчина не способен устоять, когда у его ног сидит красавица и испуганно смотрит снизу вверх, ожидая проявления его мужской воли?

Ее беззащитность возбуждает. В моей крови кипит пламя ярости, но оно угасает, уступая вожделению. Сейчас мне больше хочется запрокинуть ее голову и впиться губами в ее полураскрытые пухлые губы. А лучше укусить. Моя рука почти тянется к ее затылку, чтобы удобно лечь под светлые пышные волосы. Люблю это ощущение беззащитности женского затылка, когда на нем лежит моя ладонь. Потому что в этот момент могу резко запрокинуть ее голову, ухватив за волосы, и поцеловать. А могу сломать шею одним резким движением. Моя власть. Моя воля. Моя!

И вдруг детская беззащитность Алисы куда-то исчезает. И в глазах снова вспыхивает дерзость. Стерва вернулась. И пламя моей злости тоже. Минутная слабость прошла. Ну держись, нахалка!

Неужели он меня хочет? Как мужчина? Нет, быть не может! Это у меня глюки от страха. Он резко вскочил на ноги, оттолкнув меня под стол. Спокойно, Алиса! Счет пошел на секунды. Кардашьяном чую: сейчас харкнет! Он словно задохнулся, как тогда, в кабинете. Когда я думала, что его мучает кашель, не зная, что он дракон.

А ректор вдруг поднялся над полом, паря в воздухе и зарычал:

– Довольно!

Вся посуда на столе преподав разлетелась в стороны. А сами препода быстро рванули к выходу. Огромный кубок, из которого пил ректор, взлетел под потолок, ударился об него и разорвался осколками почище гранаты. Алая клубящаяся жидкость распалась на шарики и прилипла к потолку. Мои волосы взметнулись вверх от сильного горячего ветра, пронесшегося по столовой.

Я упала на живот и по-пластунски поползла под столом. Со скоростью звука. Как на Олимпиаде.

– Олимпиада-да-да-да! – любил петь наш школьный физрук.

– Олимпиада-да-да-да! – шептала я одними губами, извиваясь под столом, как взбесившийся червяк.

Три-два-один... пуск! Стол закончился. Я вскочила на ноги и что было сил рванула к выходу из столовой. Вслед за преподами. Горал в меня один раз уже огнем харкнул. Мне хватило! Пусть теперь другие получают! Его любимая крокодилица, например.

Акавиша, бодро перебирая шестью ножками, взобралась на стену и помчалась по ней, высекая искры каблучками сапожек. Гонками по стене она сильно сократила себе дорогу и проскочила в дверь раньше меня. Ну я и на своих двоих неплохо бежала. Мне даже показалось, что за мной тянется белый шлейф, как от реактивного самолета. Нет, не показалось! Интегрить мою матрицу! За мной летел столб огня, выплюнутого ректором. Я ускорила. "Боинг" бы застрелился от зависти! Он, конечно, быстрее, но ему же и разгоняться долго! А я без разгона сразу в открытый космос! Земля, атмосфера, орбита, прощай, Солнечная система!

Остановились мы с Акавишей только в коридоре. Тяжело дыша, она осторожно выглянула из-за угла.

– Ну что? – на нервной почве я принялась обкусывать ногти.

– Кажется, стихло, – прошептала она. – Ну ты и рванула! Я даже не предполагала, что люди твоей неповоротливой расы умеют так быстро бегать!

– На себя бы посмотрела! – я нервно сдула с мокрого лба налипшую на него прядь. – Так неслась параллельно полу, что чуть стены не посшибала.

Мы расхохотались.

– Ладно, – выдохнула Акавиша, отсмеявшись, – Пойдем в главный холл, на первый этаж, расписание посмотрим. Ты уж, пожалуйста, не подерись с кем-нибудь по дороге.

– Да уж постараюсь, – вздохнула я. – Если они первые не начнут. Я что? Я – человек тихий!

– Я так и поняла, – невозмутимо кивнула Акавиша.

Возле доски с расписанием столпились студентки. Доска занимала всю стену холла. Верх ее украшал портрет с самодовольной физиономией главного библиотекаря академии Многотоумиса Затрёпанного. К доске были пришпилены несколько листов пергамента. А на них непрерывно двигались, словно на электронном табло, рукописные строчки, выведенные каллиграфическим почерком со множеством завитушек.

– Мы в одной группе! – радостно воскликнула Акавиша.

Я ее радости не разделяла. Нет, это приятно, что хоть одна знакомая душа будет рядом, кроме фамильяра, который прикидывается ветошью на браслете, но количество изучаемых предметов меня добило окончательно! Желудок сжал нервный спазм. Сейчас бы бежать отсюда без оглядки! Всегда ненавидела учиться. Школу просто на дух не выносила! Ну что они не могут нафеечить, чтобы я сразу все усвоила? Все равно же мне по ночам Нистар мозг ковыряет, вкладывая знания. Ну и ковырнул бы глубже! Лопаткой. А лучше экскаватором.

Ужас какой-то! Зельеварение, судьбоносный этикет всех миров, плетение счастливых случаев, плетение несчастливых случаев, общее плетение ковра судьбы, краткий курс экономического плетения, практическая романтика, управление страхами, судьбоносные торги, Грим Судьбы. Опа! Нежданчик! А это еще что такое?

– Что значит: Грим Судьбы? – спросила я Акавишу.

– Грим Судьбы – это легко, – Акавиша беспечно махнула ножкой, отчего золотые наконечники шнурочков на сапоге тихо звякнули. – Вот, знаешь, бывает, что женщина вроде бы и некрасивая, а мужики на нее прямо летят, как мушки в паутинку, – тут она облизнулась и причмокнула.

– Ну да. Бывает такое, – я аж слюной от злости подавилась.

Потому что вспомнила, что у нас в клубе вот такая мочалка была. Ни кожи, ни рожи, а замуж выскочила за олигарха. Так к ней еще два олигарха одновременно сватались, попутно меряясь длиной цифр

капитала в списке "Форбс". А эта чувудра еще и выбирала – расдиджей ее Ибицу!

Мы тогда с девчонками еще обсуждали, что все эти богатые Папы Карло – извраты конкретные! Им чем хуже, тем лучше. Типа дурнотхнючего сыра с плесенью. У нее на свадьбе такой и подавали. А я тихо глотала пятнадцатый бутер с икрой, поливая его солеными от злости и зависти слезами. И шестнадцатый с горя в меня уже не вошел. Пришлось компенсировать тремя кусками супер-пупер-элитного торта, украшенного съедобным – долбить его прииски! – золотом.

– Так вот, – Акавиша зашпешила по коридору, увлекая меня за собой. – Это значит, что Судьбе понадобилось, чтобы эта девушка попала в высшее общество, стала знаменитой и богатой, и она, Судьба то есть, наложила на нее специальный грим. В реальности девушка, может, и страшная, как престарелый демон, но все мужчины в ней видят ошеломительную красавицу.

– Это гнидство! – я аж остановилась посреди коридора. – Так нельзя! А умным и красивым прозябать, да?

– Не останавливайся! Схлопочем неуд за опоздание! У судьбы нет понятий: справедливо или нет. Есть только: нужно судьбе и не нужно судьбе. Я вот другого предмета очень жду, – она смущенно потупилась и покраснела, – судьбоносных торгов! Но он только в конце. Это самый сложный предмет.

– А ты что любишь, когда потяжелее?

– Нет! Этот предмет мы проходим вместе со студентами из Зафеминья. Он общий. Это торги между фатальями и фатумами за судьбу конкретно взятого человека. Фатумы в свою сторону его судьбу тянут – они ведь мужчины, у них свои понятия о счастье и судьбе. А мы, фатальи, в свою. Ну и торгуемся, конечно, пока не придем к такой ситуации, которая выгодна всем. А там, в Зафеминье, такие красивые парни! – она опустила глаза и красные пятна с ее щек вдруг взмыли в воздух и сложились в сердечки.

Они красиво поплыли по коридору. Магическая сила! А у нее, оказывается, застоялись кони в стойлах! Так мужика хочет, что аж челюсти сводит! Мне бы ее проблемы! Вот если бы парни были из списка "Форбс", тогда, конечно. А так... кому они нужны не в день заплаты?

Мы остановились возле класса с надписью: "Общее плетение ковра судьбы, преподаватель: ректор Горал".

Мой боевой настрой тихо скользнул в панталончики и там заметался, ища дыру в белье, чтобы упасть на пол. А нельзя ли мне нафеячить пожарный шланг? Чтобы я защищалась струей воды каждый раз, когда этот звероящер огнеплюйный в меня своим зарядом пуляет?

– Я не пойду! Акавиша, ты одна иди! Чего-то мне захотелось прогуляться!

– До отчисления и обратно? – поинтересовалась она. – Чтобы в академии пропустить хотя бы одно занятие, нужна настолько уважительная причина, что лучше тебе о ней не знать.

– Она есть. Не хочу сгореть под ящером. Задери его Спилберг в парке Юрского периода!

– А ты води себя тихо, и, главное, не забудь на входе присесть в реверансе перед ректором. Делай всё, как я! И глаза лучше вниз опусти. Для надежности.

Она зашла в класс. Я остановилась в коридоре. Акавиша прошла к столу ректора и присела в глубоком реверансе. Ректор кивнул ей с императорской важностью. Тоже мне царь всея судьбы!

Выдох-вдох. Кардашьян втянуть, живот тоже. И шажочками, маленькими, семеня, зайти в класс. Глаза в пол, естественно. Так, хорошо. До стола добралась без приключений. Быстрый взгляд исподлобья: а не давится ли он, готовясь харкнуть? Вроде нет. И на том спасибо! Как бы маленькая такая и локальная Хиросима пока отменяется. Теперь реверанс. Ножку назад – ать. За вторую завести, присесть. Глаза в пол, Алиса, в пол! Присела. Сижу. Интересно: он там кивает, что мне можно встать и пройти за стол в последнем ряду, где уже устроилась Акавиша? Кивка-то я с глазами в пол не увижу, вот в чем беда.

Можно осторожно поднять глаза и посмотреть на него. Кротко. Где там у меня в завалах характера давно спящая кротость? Ага, вот она! На самом дне. Вся в пыли. Но и так сойдет. Осторожно поднимая глаза, гляжу на него, как овечка на лугу. Луфок, молодой пастуфок. Откуда эта ерунда лезет в голову? Нашла время вспоминать старые фильмы! А он смотрит прямо на меня. И не кивает, садюга. А у меня уже...

Ноги дрожат. Хотя они у нее сильные. И красивые. Доля с Недолей рассказывали, что она в клубе танцевала. А ты теперь потанцуй передо мной, перед драконом. Пока ты в академии – ты моя, как и всё, что здесь есть. Ты – драконова добыча. А я обожаю играть со своими жертвами! Мне нравится видеть тебя склоненной в реверансе. Еще пару минут – и ты забавно завалишься, потому что не удержишь равновесия. По классу тихо ползут сдавленные смешки. Ты, девочка, не знаешь, что делать. Убогим своим умишком понимаешь, что самой встать из реверанса нельзя. Нужно дожидаться кивка. А я не киваю. А ты ждешь. И не понимаешь, почему я медлю.

Это урок покорности, детка. Маленький, один из многих, которые тебя ждут впереди. Твоя судьба тебя покорности не научила. Барахтаясь и сражаясь, как лягушка в сметане, ты так и не поняла, что иногда нужно складывать лапки, и, склонив голову, просто пережидать. Покорно, молча, тихо. Упасть перед судьбой носом в грязь, чтобы получить от нее что-то. Этого ты и не умеешь. Ничего, я научу!

Хотя нужно признать, что держать удар ты научилась хорошо. Оттого так интересно тебя ломать. Три, два, один... твое колено больно ударилось об пол. Взрыв смеха в классе. Ойкнуть ты не решилась. Лишь закусилась от боли губу и забавно сморщила нос. На сегодня достаточно. Пока я тебя отпускаю. До следующего урока покорности. Кивок.

Наконец-то этот звероящер кивнул! Колено болит. Оно у меня и так ушибленное. Главное, не ойкнуть, пока до места дойду и сяду. Я ему такого удовольствия не доставлю – не обломаются коту мышкены слезки.

Я плюхнулась за изящный столик рядом с Акавишей. Студентки ехидно поглядывали на меня и хихикали. Только Дейна, девушка-кошка не смеялась. Она устроилась за столом перед нами. И когда обернулась ко мне, ее огненные глаза полыхнули темно-оранжевым, а в уголках блеснули алые слезы. Дейна подхватила слезинку мягкой кошачьей лапкой и прицепила на кисть моей руки. Слезинка подпрыгнула, превратилась в теплую ладошку размером с горошинку и ласково погладила меня по щеке.

Как приятно! Я даже зажмурилась. А ладошка скользнула вниз, к ушибленной коленке, и принялась массировать ее, тихо мурлыкая, как

кошка. Боль сразу ушла. Блаженное тепло разлилось по всей ноге.

– Спасибо, подружка! – шепнула я.

– Обращайся, если что! – едва слышно ответила Дейна, улыбнувшись.

Горал прокашлялся и начал урок.

– Итак, сегодня я познакомлю вас с главными инструментами судьбы. И для того, чтобы нам было удобнее, разберем их действие на живых примерах. На вас.

Свет в классе погас. И мы оказались... в моем ночном клубе. Словно на экране, я увидела себя. У меня в зобу дыхание сперло. Я танцевала в клетке в своих любимых золотых шортиках и таком же топе, усыпанном стразами. А из темноты зала на меня смотрел Демидов. Вот я выскользнула из клетки, подошла к нему.

– Фатальи, богини судьбы, управляют мужчинами изнутри, словно из зазеркалья. Вернее, из Замужикалья. С изнанки их души, желаний, пороков. С помощью судьбоносных зеркал, – вещал Горал зычным голосом, как диктор в телеке.

Тем временем я, та, что в клубе, подошла к моему золотому рыбку-олигарху и села на стул напротив него. Рядом спорили Доля и Недоля. А на столе появились... куклы. Те самые куклы, которых лицезрела я, и не замечал мой ходячий "Форбс". Я задохнулась, увидев джинна, который тряс... гхм... монетами на поясе. С тем характерным звуком, который смутил даже меня. Хотя смутить меня ой как трудно.

– Джинн – это... – ректор сделал паузу, оглядев класс, – кто скажет чем известны джинны?

– Похотью! – громко выкрикнула Шамтара, сидящая на первой парте.

Ректор поглядел на нее с удовольствием и кивнул:

– Правильно! Но я предпочитаю слово: чувственность.

И тут я увидела то, что не замечала, когда была с той стороны. Там, в клубе. И знать не знала ни о каких академиях. Мне тогда показалось, что эти куклы, которые я приняла за глюки, выскакивали из кармана Демидова. Но это было не так. Они появлялись из зеркальных браслетов Доли и Недоли. И к ним, из зеркал, вправленных в браслеты, тянулись золотые нити.

Тем временем из кармана олигарха выскочил лев.

– Лев – это... – ректор оглядел студентов.

– Мужская сила! – снова выкрикнула Шамтара.

Ректор подошел к ней и ласково потрепал по щечке. А эта крокодилица стала темно-зеленой не то от смущения, не то от удовольствия.

– Зубрилка склизкая! – прошептала Акавиша. – Наверное, всю ночь хвостом учебники листала, чтобы перед ректором блеснуть. А мы, наивные, даже не заглянули в них. Надо было хоть что-то почитать.

– Как же! – Дейна обернулась к нам. – Будет она тебе зубрить! Эта хитрюга королевского рода. Наверняка, ей все заранее рассказали.

Мои щеки пылали. Словно я голая прошла по улице, как та тетка из "Игры престолов". Мою жизнь вывернули наизнанку перед всеми. За львом на столе появился змей с яблоком. А золотой мой рыбец погладил меня между ножек. Студентки захихикали, оглядываясь на меня. А крокодилица Шамтара повернулась и язвительно выплюнула:

– Шлюшка-дворняжка!

Я попыталась вскочить на ноги, но Акавиша двумя ногами зацепилась за мои колени под столом. А другие две ноги крепко вцепились мне в руки. Я застыла на стуле, скованная, как муха в паутине.

– Молчи! Она специально хочет, чтобы тебя выгнали. Тогда на отборе у нее будет меньше конкурентов, – прошептала Акавиша.

А ведь она права! Я закрыла глаза. Десять, девять, восемь... один. Говорят, в некоторых экзотических странах едят ящериц. Я ее зубами рвать буду, когда выиграю отбор! Уф, вроде полегчало. Теперь можно открывать глаза, радужные пятна ярости исчезли. Ну подожди, рептилия недовинченная, ушатай тебя, Китай! Встретимся еще. Дай только срок.

– И главный инструмент судьбы... – ректор показал на появившегося перед моим упущенным рыбцом змея с яблоком.

– Секс! – выкрикнула Дейна. – И тоже мужская сила.

– Скорее, сексуальное влечение, – поправил ее ректор.

– Но мужская сила – это лев, – возразила подружка Шамтары с первой парты. – А разве секс и мужская сила это не одно и то же?

– Нет, – Горал прошелся между рядами, – Потому что бывает, что мужская сила выглядит вот так, – он щелкнул пальцами и лев сморщился, превратившись в медузу.

Студентки захохотали. А змей, высунув язык, принялся дразнить медузу яблоком.

– Ситуация называется: и хочется, и колется. Вернее, не может, – очень серьезно сказал ректор. – Это не смешно, девочки. Судьба, как доктор, не смеется над диагнозом. Иногда самим приходится умирять льва и заменять его медузой. Во избежание, так сказать. – А чего здесь не хватает? Как вы думаете?

– Любви, – тихо произнесла сидящая рядом с Шамтарой ящерка и ее золотые волосы качнулись тяжелой волной.

– Правильно! Любви, – ректор медленно пошел по рядам.

Я закусила губу, пытаюсь совладать с собой. Любви им не хватает! Умные какие. Есть у меня любовь там, есть! Я так любила свой будущий дом на Рублевке и банковский счет своего рыбца, что им всем и не снилось!

– А теперь, – произнёс ректор, – выпустите фамильяров.

Браслеты пришли в движение. Чудесные создания на них ожили. Мой алый дракончик Нистар отряхнулся, потянулся со сна и шепнул:

– Все в порядке. Не грусти, Алиса!

– Ага, – шепотом огрызнулась я. – Зашибись! Лучше не бывает! Разобрали меня на запчасти при всех. Всю мою жизнь расфеечили! Сижу, как голая в инстаграмме Бузовой. И все двенадцать миллионов ее подписчиков на меня зырят.

– Держи! – Нистар вытянул из зеркала золотую нить и вложил мне в руки. – Сейчас тебе это понадобится!

Эх, зацепиться бы за эту ниточку и домой! В такую чужую и такую родную, по сравнению с академией, Москву.

– Сосредоточьтесь и, прикоснувшись к зеркалу, попытайтесь извлечь из глубины Замужикалья этого олигарха любовь. Для этого вам нужно хорошо ее представить. Лучше всего вспомнить свою.

Я вцепилась в нить. Она зазмеилась по полу клуба и скользнула под дорогуший пиджак Демидова. Любовь им подавай! Лучше бы их нитки умели считывать пин-код его банковской карты. Вот там любовь неземная! Я за нее померла бы, картинно и ярко, как в индийском кино. И чем больше нулей, тем сильнее любовь.

Я закрыла глаза. А что представлять-то? Одноклассника Сашку, который мне из дома бутерброды и сладости таскал? Был он не из наших, не из детдомовских. Жил с папой и мамой в большом доме.

Весь в шоколаде: машина, дача, дорогие кроссовки и даже свой компьютер. Короче, полный фарш. Помню, смотрел на меня, как "понаехало" на цены в ЦУМе: с восхищением и страхом. В выпускном классе меня поцеловать попытался. Ага, сейчас! Только шнурки поглажу! Буду я размениваться на провинциальную гопоту, пусть даже и мажорную, когда у меня впереди Москва!

Что еще? Кого я любила, кроме распродаж? Да вообще всех людей на планете и мир во всем мире, как говорят модельки на конкурсах. И вдруг у меня перед глазами мелькнули толстые кривоватые лапы и смешная патлатая морда. Шарик! Наш детдомовский песик. Мы его нашли слякотной осенью. Валялся в грязной луже такой меховой шар, несчастный и скулящий. Потому и назвали Шариком. Притащили мы его в интернат, откормили, обогрели. Пытались его с собой в кровать спать уложить, но воспитатели нам не разрешили. Оставили его в подсобке у завхоза. А мы ночью пробрались туда и забрали его к себе. И всю ночь передавали друг другу. Чтобы у каждого в постели хоть ненадолго был такой теплый комочек, который прижимался к груди и так благодарно смотрел, словно мы для него боги! А как еще назвать того большого и сильного, что тебя вытащил из грязи, накормил и обогрел?

– Ну вот! А ты боялась, – послышался над ухом вкрадчивый голос Нистара.

Я открыла глаза. На столе передо мной пританцовывал от нетерпения вампир. Самый настоящий. Такой, как в кино. С длинными клыками и бледным лицом. Ушатай меня, Китай! Ну все! Задание с треском провалено. Я попыталась накрыть вампирюгу ладонью, чтобы ректор его не увидел, но этот мелкий кровосос тяпнул меня за палец. Из укуса выступила кровь.

– Ай! – вскрикнула я и засунула палец в рот.

А ректор ходил по рядам, подходил к каждой студентке, разглядывая чудной зоопарк, что посыпался из зеркал. Кого здесь только не было! И жуков, и червяков, и кошек, и, естественно, ящериц! Ректор подошел к своей любимой Шамтаре. У нее на столе скакал золотистый крокодилчик, с такой же паскудной мордахой, как у создательницы, только ростом поменьше, но очень на нее похожий. Сейчас ректор ее хвалить начнет. И в пример ставить, какая она умненькая, а мы все дурынды.

Но Горал вдруг гневно взглянул на нее, покачал головой, щелкнул пальцами и ее золотистый крокодилчик исчез.

– Любовь к себе не считается, – сквозь зубы процедил Горал.

Он подошел ко мне и принялся разглядывать вампира. Я на всякий случай втянула голову в плечи и мысленно прикинула расстояние до входной двери. Далеко! Не добегу. Может, под парту нырнуть, если он сейчас харкнет в меня огнем? Потому что у него, кажется, уже рефлекс выработался плевать огнем при виде меня. Как у той собаки Павлова. Может, в академии этот рефлекс назовут моим именем? А что? Красиво: рефлекс Алисы.

Я осторожно сползла на краешек стула, готовясь при первых признаках огнеплюйного токсикоза вскочить на ноги и помчаться к двери. А он все молчал. Посмотреть на него? Или лучше не нужно? А если осторожно? Что же ты молчишь, дядя звероящер? Будет сейчас Хиросима или обойдемся на этот раз белым голубем мира? Летите, голуби, летите! Эх, где наша не пропадала! Я осторожненько подняла на него глаза.

Она смотрит на меня, как все те девушки, которых приносили мне в жертву. Когда драконы в незапамятные времена правили всеми мирами. Ее страх сладок. Он будоражит ноздри, заставляя все тело напрягаться. На ее виске бьется тонкая жилка. Она думает, что ошиблась и сделала что-то не так. Я тяну с ответом, потому что не понимаю: как? Почему именно она, эта дворняжка, эта выскочка, которую потеряли в спешке бешеные тролли, сумела вытащить из Замужикалья настоящую любовь? Ведь я ее спрятал. Специально. Чтобы показать им всем, как тяжело пользоваться этим инструментом. Потому что он дается в руки не всем. А она достала его с такой легкостью! Значит, она истинный дракон. Только дракон умеет любить кого-то сильнее, чем себя. Только дракон может достать любовь оттуда, куда никто не дотянется.

И, несмотря на всю ее жадность, в ее жилах течет еще какая-то странная кровь. И мне это не нравится. Я. Ненавижу. Загадки. Она чужая. Она никогда не станет своей. Она – угроза, потому что в ней дремлет сила. И эта скрытая сила лишь доказательство того, что я почувствовал там, в кабинете, когда впервые увидел ее. Почувствовал кожей и нутром: ее подбросили мои враги. Она их пешка. Они ведут

скрытую игру. И клянусь первозданным пламенем, ее нужно уничтожить, пока она не обрела силу.

В открытую нельзя. Слишком опасно. Будущее Божество Судьбы должно быть справедливым. Я по-своему справедлив! Уничтожаю только тех, кто мешает занять место, что принадлежит мне по праву – трон Фатумора.

Но кто сказал, что уничтожая, нельзя насладиться телом врага? Это мой трофей. Моя добыча! Особенно, если у этого тела такой особый запах! Аромат нежности чистой девы, что еще не познала мужчину. Терпкая свежесть и сладость. Крепкое молодое тело под тонкой одеждой. Если разорвать платье, девочка вскрикнет. Обожаю этот звук! В нем ее ожидание боли и страх. А в моем ответном рыке ликование победителя, сознание собственной силы и предвкушение наслаждения беспомощностью жертвы.

Она смотрит на меня, ждет ответа. Я тоже смотрю на нее сейчас. Другими глазами. Словно впервые. Она вызывает уважение. Достойный противник. Не дворняжка, нет. Она – умница. Непокорная, жадная, терпкая, как дикая ягода. Что ж, тем слаще будет моя победа! И тем вкуснее драконова добыча.

Класс замер. Все взгляды прикованы ко мне. Нужно сказать им, что она справилась. Единственная из всех. Даже фамильяры застыли в молчании. И фамильяр Алисы тоже. Стоп! Ей помогал фамильяр. Но они помогают всем студенткам. И только у нее получилось извлечь спрятанную мной любовь. А если Нистар подослан Азаром? Это было бы логично. Ведь Азар – дракон. И фамильяр тоже дракон. Теоретически, фамильяр это – часть души мага. Но враги могут использовать любую лазейку в зеркалах Судьбы, чтобы пробраться сюда, в академию. Случаи уже были. Неужели Нистар – шпион Азара? Это нужно срочно проверить. Сразу после урока. Я приглашу Алису в свой кабинет вместе с фамильяром, конечно. Ну если ты меня обманул, мелкий плут, держись! Пощады не жди! Испепелю всех: и тебя самого и всех твоих друзей.

Одна загадка за другой! И чем дальше, тем больше запутываются нити судьбы. Но факт остается фактом: Алиса... – единственная, кто...

– Алиса, ты единственная справилась с заданием, хотя это было не просто. Молодец! – этот звероящер, наконец, разлепил губы, и я ушам своим не поверила.

Он меня сейчас похвалил! Расквadrat его гипотенузу! Я оглядела класс и у меня настроение рвануло вверх, как акции моего золотого рыбца на бирже. Шамтара, эта крокодилица, сверлила меня взглядом. Сейчас у нее случится разрыв магического шаблона и полный отпад хвоста. Но при этом мне совсем не понравилось, как он произнес эту фразу: "это было совсем не просто". И глазами на меня – зырк! Словно подозревает в чем-то.

7 Глава. Постель - не повод для знакомства

– Да, но почему вампир? – растерянно спросила Акавиша. – Господин ректор, разве любовь – это не лучшее, что есть во всех мирах ковра Судьбы?

– Лучшее, – кивнул Горал. – Но разве лучшее должно быть милым, добрым и легким? Ты кого хотела увидеть? Котоняша? Милопесика? Лисоёжика?

Акавиша смущенно потупилась и прошептала:

– Ну не котоняша, но и не вампира – это уж точно!

– Любовь – это вампир, потому что влюблённое сердце высасывает из человека все соки. Не дает спать и дышать. И постоянно требует свежей крови. Словно вампир. Но главное: влюбленные привыкают каждый день отдавать этому вампиру свою кровь. В точности, как жертвы настоящих вампиров, которые нуждаются в кровососах едва ли не больше, чем кровососы в них. Урок окончен. Оценки: всем неудовлетворительно, Алисе – отлично.

Ушам своим не верю! Отлично? Мне! А как же харкнуть огнем мне в физиономию? Издевается, гад? Но смотрит вроде серьезно. И как-то по-другому. Не так, как раньше. Губы больше не кривятся в презрении к нам, сирым и убогим. И в глазах что-то такое, отдаленно напоминающее уважение. Неужели сподобилась? Мне сейчас нужно стать на четвереньки, словно крабообразное и прыгать боком от счастья, что заработала авторитет у петуха в местном курятнике? Но что-то пугает меня такая перемена. Я уж и привыкла к его фэйрам. И даже мысленно каску заготовила. А он меня в отличницы записал. Так и привыкнуть можно. Одно радует: Шамтара – каблук от лабутена ей в говэрло! – совсем позеленела. Я ее сделала! Эта хозяйка медной горы теперь весь день будет каменюками... ээээ давиться.

– Да, кстати, Алиса, на перемене жду тебя в своем кабинете, – Горал сказал это буднично и спокойно, перебирая бумаги на своем столе.

А у меня сердце упало в панталоны. И там затрепетало, как бабочка. Раскиндык мою распродажу! Недолго музыка играла. Все!

Оттого и похвалил, чтобы подсластить конфетку из того самого, что рифмуется со словом "оно". Спалит меня звероящер втихаря. Или придушит. Или еще что похуже. А что может быть хуже? А черт его знает! Закинет в какой-нибудь мир к дерьмодемонам или сволочным троллям, и помру я там смертью храбрых. И так мне себя жалко стало, что я аж всхлипнула. Тихо, конечно, как в песне: "тихо сам с собою", но подружки все равно услышали.

– Ты что? Ну перестань! – Дейна погладила меня по голове.

– Да? А зачем я ему нужна? Точно придушить хочет, гад очешуевший! – я хлюпнула носом.

– Глупости! – решительно сказала Акавиша. – Не придумывай ерунду! В конце-концов, кроме него есть еще совет академии, преподы. Не может он просто так взять и среди белого дня кого-то придушить! Разве что тихо ночью. Так он тогда бы тебя не звал к себе.

– Спасибо, успокоила! – я судорожно вздохнула, автоматически собирая учебники в стопку. – Мне теперь еще и по ночам бояться? Ушатай вас всех, Китай!

– Девочки, перестаньте! – Дейна бросила на Акавишу испепеляющий взгляд. – Не говорите ерунды! Он просто нервный. И вспыльчивый. Но не более того!

– Как же! – я выронила учебники и они рассыпались по полу. – Слышали мы, что он делает с теми, кто ему на огнедышло наступит... – я осеклась.

Девчонки уставились на меня, ожидая продолжения фразы. Вот дура! Чуть не выболтала от страха про переворот и изгнанного Азара! Нужно срочно прикусить длинный язык. Иначе меня тут, действительно, ночью придушат.

– Ну, в смысле, рассказывают, что он житья не дает тем студенткам, что ему не нравятся. Специально валит на своем предмете и так далее.

Какой бред я несу! Колотить мой фамильяр!

– Так, ладно, как говорят у нас: двум смертям не бывать, а одной не миновать, – я на негнущихся ногах поплелась к двери.

В первый раз в жизни мне хотелось, чтобы коридор никогда не закончился. Но я все же уперлась в дверь кабинета Горала. Девчонки, как настоящие подруги, утешали меня по дороге. А я даже не слышала, что они говорят, но твердо решила: если что, просто так не дамся.

Откушу ему нос. Или то, что попадется под руку, вернее, под зубы. Кроме одного. То самое пусть ему Шамтара кусает. Я толкнула тяжелую дверь и оказалась в кабинете.

Горал сидел за столом. Над ним в воздухе порхали какие-то свитки. Он протягивал руку, брал их, разворачивал, быстро рисовал закорючку подписи и документы снова взлетали, моментально растворяясь в воздухе. Словно где-то там, за его спиной, тихо шуршала невидимая канцелярия.

Я стояла молча, у двери, не решаясь пройти дальше, и переминаясь с ноги на ногу. Они у меня как-то сами все время разворачивались в сторону коридора, и я с большим усилием поворачивала их обратно.

– Подойди, Алиса, – спокойно сказал он, не поднимая глаз.

Я на негнущихся подползла к столу. Горал встал, подошел ко мне и присел на краешек стола. Нас разделял от силы один шаг. Учитывая, что он высокий, и руки у него длинные, ему нужно только протянуть свою рептилоидную клешню, и я больше никогда не увижу распродажу в ЦУМе.

– Где твой фамилляр? – он вдруг улыбнулся.

Вот это поворот! А он, оказывается, умеет улыбаться. Издевается, гад? Да нет вроде. Нормальная улыбка. Даже приятная. Он вообще мужик красивый, если не думать о противопожарной безопасности. О чем это я? Не расслабляйся, Алиса! Продолжай сжимать кардашьян на всякий случай!

– Вот он! – я протянула руку и шепнула: – Нистар, Гюльчетай моя, покажи личико!

Дракоша ожил и вспорхнул с браслета на мое плечо.

– Вот и славно! – умилился Горал.

И вдруг молниеносным движением, как чертова кобра – загасить ее серпентарий! – ухватил дракошу за горло. Нистар заверещал. Его глаза выкатились на лоб. Он бессильно забил лапками, выпустив коготки.

– Тебя Азар подослал к ней, да? – прогремел Горал, и от его крика посыпались книги с янтарных стеллажей. – Где он? Отвечай! Ты его шпион, да?

– Нееееет, – просипел Нистар. – Клянусь... нет.

– Врешь! – Горал еще крепче сжал его горло. – Я слишком сильно запрятал любовь. Специально. Не могла она ее оттуда достать даже с твоей помощью. Ты ведь всего лишь часть Алисы. Умная, опытная в магии, но часть. Здесь нужна магия другого уровня. А вы с Азаром не знали. И попались в ловушку! Поэтому он и проиграл, что никогда не умел заманить мышь в мышеловку. А я умею!

– Это она... сама... я лишь.. немного.... помог. Она – дракон. У нее сила... немерянная-я-я-я... – дракоша закатил глаза и безвольной тряпочкой обвис в руках Горала.

Он его сейчас задушит! Моего дракошу и фамильяра! Моего чертова несного ботаника, к которому я успела прикипеть всей душой! Вот тварь! На слабого всей своей драконьей силой! Мы таких в детдоме гасили на раз. Чтоб не выделялись. Ну, держись, сволочь!

– Отпусти его! – я прыгнула на ректора сзади, и, ухватив, за шею, заколотила ногами где-то в районе почек. – Не смей его убивать! Прекрати пытки! У нас демократия – ушатай ее Китай! Фашист чертов! Отпусти!

Зацепившись за него ногами, я быстро высвободила руки, и со всей силы хлопнула его двумя ладонями по ушам. У нас так охранник в ночном клубе делал. А после этого вцепилась ему в шевелюру, как летучая мышь. Намертво.

Горал взвыл, выпустил дракошу и упал спиной на стол, придавливая меня собой. Я больно ударила лопатками о тяжёлую каменную столешницу и разомкнула руки. Он резко повернулся и навис надо мной. Его тяжелое и горячее дыхание опалило мое лицо. Я вскинула руки, защищаясь. А он вдруг схватил меня за запястья. Мы так и застыли: глаза в глаза, руки сплетены. Он возвышается надо мной. А я под ним распяленная, как бабочка в гербарии. Он навалился, зажимая меня снизу, и я вдруг почувствовала, как мне в живот уперлось что-то очень большое. У меня в таких делах опыта нет. Я же девственница пока что. Но все равно поняла, что это даже не физиология, а скорее, гастроэнтерология. Уж очень оно было похоже на тот зонд, что я когда-то глотала в московской клинике во время гастроскопии, когда у меня от чебуреков Васгена сильно разболелся желудок.

Она лежит подо мной. Беспомощная, красивая. Юное сильное тело натянуто, как струна, ноги крепко сжаты. Адреналиновый аромат

щекочет мои ноздри. От нее пахнет страхом. Под тонкой блузкой вздымается крепкая грудь.

Я чувствую ее всю, до мелочей. Я знаю: она не уступит. Она будет дрожать и биться подо мной, если я вдруг, повинувшись минутному безумству, продолжу. Сжимаю ее запястья, чувствую бьющийся в венах пульс. Под тонкой кожей бурлит горячая кровь строптивицы. Тонкие запястья подрагивают под моими пальцами. Сжимаю чуть крепче – она едва слышно вздыхает. Вздох прокатывается по телу, отдаваясь в животе, к которому прижат мой "старший брат".

– Вы не имеете права! – визжит фамильяр. – Мы будем жаловаться в совет академии! Отпустите ее! Вы – не вершина власти!

Он прав. Я пока еще не вся власть. И мне приходится играть по давно установленным правилам. Изображать справедливость и равенство. Делить власть с советом. Делать вид, что меня интересует мнение Доли, Недоли, мытарей и других. Но это скоро изменится. И тогда я приду к тебе, девочка. Ты будешь первой, кого подомнет под себя новая Судьба. Подомнет в буквальном смысле. Ты будешь лежать подо мной распростёртая и никто не сможет нам помешать. Но фамильяр очень раздражает! Поворачиваюсь, на миг высвобождаю одну руку, щелкаю пальцами – мелкий наглец отлетает в стену, ударяется об нее со всего размаха и сползает под стол. Снова хватаю Алису за запястья двумя руками.

Нужно встать и освободить ее. Приличия и правила академии прежде всего! Но ее губы так близко! Они приоткрыты, а глаза распахнуты. Длинные ресницы подрагивают. Какой-то мудрый мужик как-то сказал, что самая красивая женщина – это та, что лежит сейчас под тобой. Воистину! А может быть, послать к троллям правила? Наклониться чуть ниже и одним быстрым движением накрыть ее губы своими? Пить эту сладость, не выпуская ее и чувствовать, как она дрожит?

Что с тобой, Горал? Неужели это морок? Я словно смотрю на себя со стороны и понимаю, что никогда не позволял себе такой неосмотрительности. Может быть, она меня околдовала? Может быть, это проделки Азара и он специально подсунул мне эту медовую ловушку? Или это козни оппозиции? Да все равно! К бесам правила! От одного поцелуя не развалится ковер миров.

Наклоняюсь к ее губам. Вдыхаю запах свежести. Почти касаюсь ее рта...

Фу, какая гадость! Этот рептилоид меня почти засосал! Честное слово, ушатай его, Китай! Да к черту его, губошлепа огнедуйного! Помогите мне, люди и нелюди! Мой бедный дракоша, который так меня защищал, беспомощно возится под столом. Я одна с этим извращенцем. Что делать? Треснуть его коленкой в гастроскопию? Так он мне, тля очешуевшая, ноги зажал. Нужно бороться! Сбросить его с себя. Не лежи, Алиса! Коленом сейчас упереться в него – ага, вот так, и дернуться изо всех сил. Нет, не выходит! Вот кабан здоровый! Отожрался на здешней магической еде – маслобрюха ему в.... ухо!

И словно откликаясь на мою горячую просьбу о помощи, дверь распахнулась и в кабинет влетел Камцан. За ним скачками неся еще один леприкон в белом поварском колпаке и длинном белом переднике.

– Господин ректор, я поймал вора! – заверещал Камцан. – Этот мерзавец главный шеф-повар – забодай его единорог! – только что украл и спрятал десять штук отменных жирных маслобрюхов, два ведра икры холостых русалов и три ящика дикорастущего творога!

– Врешь! Не было творога! Это ты его украл, чтобы подарить своей кривоногой родне! Ты им все мешками таскаешь да горшками, а на нас сваливаешь, старый плут! – завопил повар, сорвал цилиндр с головы Камцана и вцепился в его огненную шевелюру.

– Ага! – победоносно заорал Камцан, отдирая повара от своих волос.

Он впечатал ладонь в лицо противника, отчего тот пошатнулся, сдернул колпак с его головы и дернул за рыжий чуб.

– Не было значит, творога, а во всем остальном ты признался! Слышали, господин ректор? Он признался! Я тебя поймал, воровская твоя рожа, разорви тебя тролль! Испепелите его, Горал! Нет, пусть сначала вернет наворованное, а потом испепелите и развейте останки по воздуху над морским миром, чтобы прах его достался глубоководным диким рогатым кабанам! – он принялся хлестать повара по физиономии его же колпаком.

Горал молниеносно отлетел от меня. Я вскочила на ноги и бросилась под стол спасать дракошу. Но он уже сам выполз и запрыгнул мне на плечо. В этот момент повар изловчился, нахлобучил зеленый цилиндр на голову Камцана и резко дернул вниз, натягивая

шляпу на лицо завхоза. Поля цилиндра затрещали, высокая тулья разорвалась напополам, Камцан завизжал, волчком завертелся на месте и наобум пнул повара тяжёлым башмаком. Они сцепились в драке, и пока Горал их разнимал, мы с Нистаром молниеносно смылись из кабинета.

Дейна и Акавиша ждали меня под дверью. Они засыпали меня вопросами, едва я вышла.

– Ну как? – Акавиша возбужденно запрыгнула на стену и забегала по ней, нервно нарезая круги. – Кричал? Орал? Расспрашивал? Хвалил? Что?

– Ну не томи, Алиса! – из глаз Дейны полыхнуло алым пламенем. – Мы тут извелись!

– Я это так не оставлю! – выкрикнул Нистар, сидя на моем плече.

Он нервно шмякнул крыльями по моему уху, и тут же огреб звонкую оплеуху.

– Молчи! – одними губами прошептала я. – Ни слова!

И громко добавила специально для девочек:

– Больно же! У тебя крылья не шелковые! Держи их к туловищу поближе, ушатай тебя, Китай!

– А можно не выражаться, как тролль в брачный период после отказа невесты? – надулся Нистар, обиженно поджав губы.

– Нельзя! – отрезала я. – Душа просит.

– Знаешь что? – прошипел Нистар мне в ухо. – У нас с тобой назрел серьезный разговор о твоём поведении! После уроков поговорим! Сейчас слишком много ушей вокруг.

– Да, мама! – лениво огрызнулась я.

Да что же за день сегодня такой? Сначала дракон напал, теперь фамилльяр по ушам ездит. У меня уже аллергия на драконов, больших и маленьких, честное слово!

От печальных мыслей меня отвлекла Дейна.

– Что ты так просто не оставишь? – Дейна округлила глаза. – Там, в кабинете, что-то случилось?

– Да ничего, девочки! Ректор просто психанул, как всегда. Дурилка магический!

Они, конечно, девчонки, хорошие, и явно переживают за меня, но Доля ясно сказала: никому не доверять. Никому! Мне, конечно, очень хотелось сейчас пожаловаться им и всё в подробностях рассказать. И

чтобы мы сидели на кровати с ведерками мороженого в руках и заедали мое горе большими ложками. Но нельзя. Пока никто ничего не знает, у меня есть шанс выжить. И что я им скажу? Что дракон со мной пытался познакомиться поближе таким интересным способом? Пожарный шланг ему в огнедышло! Постель – не повод для знакомства!

Поэтому я сделала каменное лицо, и, как ни в чем не бывало, сказала:

– Да ничего особенного! Расспрашивал, как я нашла вампира, то есть любовь, и есть ли в моей семье маги. Вот и все.

– А психанул отчего? – не отставала Дейна.

– От того, что в моей семье магов нет. А потому выходит, что я сама по себе самородок. А он уже у нас главный гений академии, вот его жаба и задавила.

– Какая жаба? – не поняла Акавиша.

– Перевожу с тролльего языка на общечеловеческий. Это Алиса в свойственной ей экспрессивной манере хотела сказать, что ректор позавидовал, – вмешался в разговор дракоша.

– Вот видишь? А ты боялась! – Дейна погладила меня своей мягкой лапкой.

– Молодец! – Акавиша спрыгнула на пол и тоже погладила меня шестой ножкой. – Только теперь давай поторапливайся. У нас следующий урок совмещенный у Доли и Недоли. Счастливое и несчастливое плетение. Бери книги и пойдем в другой класс.

– Живо-живо! – Нистар вспорхнул на мое плечо. – Перемена короткая. Доля, хоть и добрая, но ненавидит, когда опаздывают!

Мы побежали по коридору, заполненному студентками. Быстро нашли нужный класс. И вдруг я почувствовала, что у меня глаза слипаются. Вот прямо сейчас упаду и усну! Я села за последний стол. Рядом суежилась Акавиша. За столом перед нами озабочено листала учебник Дейна, что-то бормоча.

– Девочки, я вздремну ненадолго. Пять минуточек всего. Разбудите меня, когда Доля придет, – прошептала я, отключаясь.

Сквозь ватное одеяло сна до меня доносились голоса:

– Такое случается при первом магическом опыте, – вещал Нистар.

– Я о таком слышал. Непривычный к магическим трансформациям

организм расходует слишком много сил. У нее, фактически, сейчас перестраивается весь обмен веществ.

– Ну да, она ведь к магии непривычная, – поддакнула Акавиша. – Тут, конечно, трансфо... трансфо... пощади меня, животворящая слюна Матери Паучихи – меняется тело. Не без этого!

Голоса стихли. Меня подхватило что-то мягкое и пружинистое. Я открыла глаза и тут же снова зажмурилась от нестерпимо алого цвета вокруг. Где я? Куда подевалась академия? Неужели меня снова куда-то забросило? Стопэ кидать! Остоюбилеело!

Осторожно сделав шаг вперед, я открыла глаза и оказалась в центре огромного, размером с футбольное поле, красного цветка, похожего на мак. Прямо в его серединке. Передо мной качалась здоровенная золотая тычинка. От нее по всем лепесткам цветкам тянулись золотые нити.

Внезапно сзади раздался шорох и алый лепесток, на котором я стояла, качнулся сильнее. За моей спиной кто-то есть! Я резко обернулась и вскрикнула от неожиданности. В двух шагах от меня стоял незнакомец. Я открыла рот, но слова застряли в горле. Потому что глаза, не успевая за моим слишком быстрым языком, наконец-то рассмотрели парня и намертво приклеились к нему даже крепче, чем клей "Момент"!

Он был высокий, худощавый, весь на нерве, как натянутая струна. Мягкие каштановые волосы спадали на лоб волнами, из-под них на меня внимательно смотрели узкие, лисьи, слегка вытянутые к вискам зеленые глаза.

Расдиджей мою Имбицу! Никогда такого красивого мужика не видела! Где их, таких, делают вообще? Нельзя ли мне устроить экскурсию прямо в цех готовой продукции? В первый раз в жизни вижу, чтобы мужчина был красивее дорогого и туго набитого бумажника.

Мой мозг метался где-то там на задворках сознания и вопил:

– Очнись, Алиса! Он держит руку за спиной! Он что-то прячет там! Да подними же кардашьян, дурында!

А сердце, беззаботно отмахиваясь, уселось в первом ряду кинозала с огромным ведром попкорна и уставилось на нас, ожидая продолжения индийского кино. Незнакомец медленно вытащил руку из-за спины, и... я, наконец-то, умерла. Сработали рефлексy, и я

подалась назад. А он улыбнулся и протянул мне цветок. Аленький. Точную копию того, на котором мы с ним стояли. Мне никогда никто не дарил цветов! А я и не просила. Кому нужна вся эта слюнявая романтика? А тут моя рука сама жадно цапнула цветок, поднесла к носу – запах был удивительным! И я смущенно и абсолютно искренне, чуть ли не в первый раз в жизни пролепетала:

– Это мне?

Незнакомец кивнул, продолжая улыбаться.

– Спасибо! – я еще раз вдохнула невероятный аромат, и тут... меня снова куда-то потащило.

– Эй, алё! Нельзя же так! Да что за... – я вскочила на ноги, озираясь по сторонам, и увидела класс и студенток, которые смотрели на меня с изумлением и даже с испугом.

– А где он? – закричала я.

– Кто? – Нистар нервно взмахнул крылышками и озабоченно приложил лапку к моему лбу.

– Тебе, наверное, что-то приснилось, – сказала Акавиша.

– Спала ты мало, минут пять, но крепко, – поддержала ее Дейна. – Даже сопела во сне.

Ну вот все и встало на свои места. У меня же всегда так: как Попа Дос, так в реале. А как что-то хорошее, то во сне. Я села на стул и вдруг почувствовала что-то под ногой. Наклонившись, я подняла тот самый цветок, что мне подарил незнакомец.

– Вот! – моему ликованию не было предела. – Мне этот цветок подарили во сне!

Вся троица: Нистар, Акавиша и Дейна одновременно расхохотались.

– Ты такая забавная! – Дейна утерла огненные слезы, ручейками струившиеся из глаз от смеха. – Перед нами здесь уже была другая группа. Ну мало ли кто мог его забыть? Пойми: из снов ничего нельзя принести в наш мир, если ты, конечно, не фаталья или фатум высшего уровня.

– Это как? – не поняла я. – Что значит высшего уровня? Здесь тоже есть богатенькие буратины и понаехало?

– Ну вот как Доля, Недоля, ректор Горал – они высшие маги. И то даже им очень сложно сцепить вместе мир снов и реальность. Хотя,

если очень нужно, то могут. А мы с тобой пока до этого уровня не дошли. И неизвестно: дойдём ли когда-нибудь, – пояснила Акавиша.

Я открыла рот, чтобы задать ей еще парочку вопросов, но тут же захлопнула его, потому что в класс вкатилась Доля.

– Утро доброе, девицы! Утро золотое, красавицы! – ласково прожурчала она.

Встряхнула рукой с браслетом, и в воздухе кувыркнулось что-то пушистое. Миг – и оно выросло и покатилося по классу, запрыгивая на руки студенток, которые жадно тянулись к нему. По классу пронесся стон наслаждения. Девушки хихикали, мимикали, причмокивали. Самые везучие, ухватив пушистый шар, прижимались к нему, пряча лицо в длинной шерсти и счастливо хохотали.

Я тоже вытянула голову и увидела смешного зверька. Ровно через минуту я глупо курлыкала вместе со всеми, вообще не соображая, что делаю. У него было тело кота и голова панды. Только цвет другой. Не черно-белый, как у бамбукового медведя, а огненно-рыжий. Кругленький, толстенький, он смешно переваливался на двух коротких лапках, между которыми колыхался толстенький животик. При этом он все время тихо мурлыкал, как кот, и счастливо жмурился, как панда, одновременно морща нос. Он запрыгнул мне на руки и я прижала его к себе, сюсюкая:

– А кто это такой маленький? А кто это такой холосенький? Такой няшка-мимишка?

– Это фамильяр Доли, – задыхаясь от умиления, простонала Акавиша, пытаюсь отобрать у меня зверька.

– Милокот, мдаааа! – промурлыкал он, обхватив мою шею двумя пухлыми пушистыми ручками.

В этот момент я почувствовала такой острый прилив счастья, словно мне подарили яхту, и вместе с ней моего золотого рыбка, который остался где-то там на Рублевском шоссе.

– Это счастье и удача, которую приносит Доля! – Дейна изловчилась и выхватила его у меня из рук.

– Девочки, хватит! – прикрикнула Доля и притворно нахмурилась.
– Милокот, не срывай мне урок!

– Ууууу, – разочарованно протянул Милокот, жмурясь и мурлыкая.

– Нууууууу, еще чуточку! – почти заплакали студентки.

– Всё, девочки! – Доля вытянула ладонь вперед, и Милокот, тяжело вздыхая, по коленям девчонок побежал к ней.

При этом студентки умудрялись его целовать и тискать по дороге. Милокот обхватил пухлыми лапками браслет Доли, подцепил золотую нить, подхватил ее зубками и вложил в ладонь Доли. Она взмахнула рукой. Стены класса исчезли и мы оказались в актовом зале школы посреди новогодней вечеринки.

Под потолком крутился дискотечный шар. Нарядные старшеклассники отплясывали под техно. Девчонки томно изгибались на высоких каблучках. Мальчики, явно успевшие тихо накатить, пока учителя не видят, изображали рентгеновские аппараты, пожирая девчонок глазами.

Посредине зала стоял длинный стол с закусками. Я подхватила с большого блюда пирожное-картошку, но донести до рта не успела.

– Алиса! – гневно выкрикнула Доля и щелкнула пальцами.

Пирожное вырвалось из моих рук и шлепнулось обратно на блюдо.

– Мы ничего не трогаем, не уносим с собой и не оставляем на память. И ничего здесь не забываем! – Доля нахмурила брови, а Милокот взъерошил шерсть на загривке. – Запомните, де́вицы: судьба не оставляет следов.

Вот буржуи! Одну пироженку пожалели! Кому станет плохо от того, что я поем?

– Мы, де́вицы-красавицы, все видим, все замечаем. И чувствуем все то же, что наши кровиночки-подопечные. Потаенные мысли, тайные мечты, охи-вздохи, слезы, смех. А сами мы незаметные, как мышата под полом. И видят нас только те, кого сама Судьба приголубила да в свои любимчики выбрала, – тут она внимательно посмотрела на меня.

Ага! Так приголубила, что до сих пор отхожу!

– А теперь, – продолжила Доля, – я научу вас счастливому плетению. Видите вон ту девочку? – она указала в угол.

Там, скособочившись на стуле, сидела некрасивая девчонка. Мышь Серая, обыкновенная. Она уткнулась в телефон, чтобы скрыть смущение и не видеть чужой радости. Хороший способ изображать, что тебе все равно, точно зная, что никто не пригласит танцевать. Прикид у нее был тот еще! Туфельки без каблучка, черная юбчонка

фасона "привет Надежде Крупской", дешевый китайский свитерок. На лице попытка макияжа согласно инструкциям мамы и бабушки: "скромность – главное украшение девочки". А в руках сумочка, которая меня добила окончательно. Явно вынутая из нафталина, а перед тем честно потыренная у Наташи Ростовой после ее первого бала.

Масштаб проблемы: конец света после глобальной ядерной войны, в общем все умерли. И вдруг я услышала ее мысли. Я словно оказалась в ее кошмарно причесанной голове. И думала эта мышка о каком-то Стасе. Ну и где же этот скорее всего ботан, что похитил сердце нашей Мышки? Я проследила за ее осторожным взглядом, который она время от времени бросала на танцующих. Ох, ничего себе! Вот это нежданчик! Стас оказался не задротом, а Бредом Питом школьного разлива.

Он выплясывал с какой-то родственницей ёжика. Ну в смысле, что она выёживалась в гламурном прикиде, прижимаясь к Стасу крутым бедром. Так, все ясно! Самая красивая пара школы! Она – местная принцесса, дочка крупного чинуши. Он – сын богатенького папы Карло, но не из полена. Видимо, папа Карло вовремя сменил строительные материалы и мальчик получился ручной работы и даже эксклюзивной модели.

– Как вы думаете, девицы, есть у нашей мышки хоть один шанс? – пропела Доля.

– Нет! – хором ответили студентки.

– Кино закрыто, киношник заболел, – добавила я.

– Ой ли? – усмехнулась Доля, приподняв бровь. – А теперь делайте, как я. Нам нужно извлечь из зеркала судьбы необходимый инструмент, – она поднесла браслет к лицу и шепнула:

– Выходи-ка на свет, голуба моя! Покажись, красава!

И тут из браслета Доли вылез голый и не в меру упитанный Амур.

– Давай, Алиса! – шепнул мне Нистар. – Вызывай Амура! Я помогу!

– Правда? – огрызнулась я. – А может, лучше пиццу? У тебя случайно айфон не завалился?

– А можно не хамить? – обиженно надулся дракоша.

– А можно не выделяться? – ответила я вопросом на вопрос.

Я поднесла руку с браслетом к лицу, и вдруг... оказалась в шкафу. Меня окружали полки с куклами. Кого здесь только не было! И джинны, и вампиры, и оборотни и какие-то совершенно невообразимые существа, при виде которых возникал только один вопрос: какую траву курил кукольник, что их создавал?

– Это кладовая Судьбы, – Нистар уселся на одну из полок. – Ищи Амура.

Я принялась шарить по полкам. Меня немедленно цапнул за палец оборотень размером с мышь – ответка ему прилетела тоже сразу: я хлопнула его по волчьей башке. Оборотень – это измена. Стоп! Откуда я это знаю? Аааа.... ну да. Знания, вложенные Нистаром во сне в бедную мою голову.

– Я смотрю: ты мне в голову уже полно всего повкладывал. А больше нельзя было?

– Нет, – вздохнул дракоша. – К сожалению, приходится оснащать твой разум знаниями очень маленькими порциями. Ввиду крайне ограниченных познавательных способностей.

– Это ты меня сейчас так заковыристо дурой обозвал?

– Это я очень скромно обозначил масштаб большой проблемы.

– Ага. Ну ладно! Сочтемся. Дай только срок.

Так, терпение лопнуло! Я принялась расшвыривать живых кукол в стороны. На обитое мягкой тканью дно шкафа полетели кентавры, змеи, сфинксы, львы. Весь зоопарк в полете огрызался и пытался меня укусить. Вашу же флэшку в ю эс би! Наконец, в углу одной из полок обнаружился мирно спящий в обнимку с луком пухлый Амур.

– Эй! Дети в школу собирайтесь, петушок пропел давно, – я пощекотала его пальцем.

Амур в ответ нагло показал мне средний палец и перевернулся на другой бок. Вот зараза пухлозадая!

– Ты мой инструмент! Вылезай! – возмущенно крикнула я и дернула его за ногу.

Он в ответ скорчил дикую рожу и лягнул меня в грудь. Больно лягнул причем. Ну ладно! Я крепко ухватила его за ноги, стащила с полки и силой прижала к зеркалу на браслете. Шкаф в тот же миг исчез. Мы все: я, Нистар и Амур оказались в школьном зале. Амур выпрыгнул из зеркала на моем браслете, покрутил пальцем у виска, взвился к потолку, ушел в "петлю", как истребитель, и, зависнув перед

моим носом, изогнулся и звонко шлепнул себя по толстой попе, при этом мстительно буравя меня глазками.

Я задохнулась от возмущения и попыталась цапнуть его. Он ловко метнулся в сторону, при этом умудрился подцепить золотую нить с моего браслета. В воздух взвился целый рой разноцветных Амурчиков, запущенных моими одноклассницами. Но мой всех растолкал: одного пнул, другого отпихнул, третьего укусил, а зеленого и хвостатого Амура Шамтары ухватил за хвост, и намотал его, хвост в смысле, на ножку стола. И к финишу, то есть к Стасу пришел первым.

Накрутил золотую нить с моего браслета на стрелу, заложил в лук, и, не целясь, выстрелил в Стаса. Стрела впиалась мальчишке в сердце, но он даже не заметил этого и облапил в танце свою партнершу. А Амур, тем временем, подхватил золотую нить со стрелы, что торчала, подрагивая, в сердце главного красавца школы, метнулся к Мышке в углу, таща за собой нить, и абсолютно бесцеремонно засунул ей нить за пазуху. Отлетел на пару шагов, любуясь, досадливо поморщился. Снова подлетел к девочке, и вдруг, ухватив ее двумя руками за те два прыща, что топорщились на месте груди, резко свел их вместе, как в лифчике модели "пуш-ап".

Грудь заметно выросла в размере и так и осталась крепко бронзоветь в красивой и тугой форме. А золотая нить легла в ложбинку между двумя заметно округлившимися "яблоками". Амур удовлетворенно кивнул, вернулся к Стасу и со всего размаху отвесил ему смачный такой подзадник, взмахнув пухлой ногой.

Стас вздрогнул. Студентки охнули. Шамтара и ее подружки зло рассмеялись, буравя меня глазенками. И без слов было понятно, что они хотят сказать:

– Какая Судьба, такой и Амур!

Помрите от зависти! Ваши все кривые и косые. На бреющем полете до красавчика не дотянули. Ну ладно, не все страшные. У крокодилицы Шамтары тоже ничего такой Амур получился. Только зеленый весь и хвостатый. Но вполне пухлый и резвый. И у Дейны с Акавишей амурчики вышли, что надо. Правда, Акавиша своему шесть ног присобачила. Но бултыхался в воздухе он весело. И характера был не заядлого, как мой. Улыбался все время и ножками сучил. А у остальных прям кунсткамера с цирком уродцев напополам. Чуть ли не

осьминоги фиолетовые в желтую крапинку с луком и стрелами в щупальцах.

Но мой все равно первый успел стрелу пустить. Остальные за ним не угнались. Их Доля в воздухе прямо остановила. Оно и понятно: если столько Амуров в человека пальнут, его разорвать от любви может. Рванет, как атомная бомба, и доконает нашу матушку Землю.

А Стас, тем временем, вдруг резко обернулся, потому что ему мой Амур не хило так в зад ногой въехал. Парень никого не увидел сзади, плечами пожал, и вдруг посмотрел на нашу Мышку. Да так, словно в первый раз в жизни увидел. А она в этот момент как раз от телефона глаза подняла, чтобы в очередной раз на своего принца полюбоваться. Их взгляды встретились. Мышь покраснела, Стас снял руки с талии своей партнерши.

– Заалела ягодка цветом маковым, – улыбнулась Доля.

Шамтара презрительно хмыкнула и взмахнула хвостом. А Акавиша даже разрыдалась от щемящей нежности момента.

– Как трогательно! – пятой ногой она достала из карманчика платок и трубно высморкалась.

– Стас, ты куда? Я хочу танцевать! – вытянув губы уточкой, капризно прохныкала первая красавица класса.

А он даже не обернулся. Подойдя к Мышке, нервно провел по волосам, откидывая их со лба, и тихо спросил:

– Танцуешь?

– Я... нет... да... не знаю, – пролепетала Мышь, заикаясь.

– Я знаю: танцуешь, – улыбнулся красавчик.

Он подхватил ее и повел танцевать. Наступила немая сцена. Все танцующие замерли. Бывшая теперь уже любовь Стаса, злобно сжав кулачки, рванула к выходу из зала. Верные подружки побежали за ней. А наша Мышка, прижавшись к своей мечте, боялась дышать. Я слышала, как отчаянно бьется ее сердце. Ее мысли крутились у меня в голове: "этого не может быть, этого не может быть!"

Может, девочка! Повезло тебе с судьбой! Мне б такую в свое время. Вернее, такого. Женскими судьбами ведь мужики-фатумы управляют. Ага, результаты мы видим! Найду своего – все ему поотрываю! Ушатай его Китай!

Мы все вдруг снова оказались в классе, за партами. Доля тихо напевала, кружась с Милокотом в танце под ту же музыку, что и

Мышка со Стасом.

– И чего мы все так радуемся? – прозвучал вдруг скрипучий голос.

В класс зашла Недоля.

8 Глава. Ледя Марлезонского балета

– И чего мы все так радуемся? – прозвучал вдруг скрипучий голос.

В класс зашла Недоля.

Высокая, худая, с жидкими волосенками, забранными в пучок на затылке, вся в черном, с тонких ног до головы, она оглядела нас таким колючим взглядом, что температура в классе явно упала на несколько градусов.

– Тебе, злыдня, не понять! – прожурчала Доля. – У тебя сердце, как сухарик, чёрствое.

Милокот подбежал к Недоле. Она, брезгливо поморщившись, отодвинулась от него. И в этот момент с ее браслета сорвалась серая тень. Она выросла втрое, миг – и на полу скорчилась серая крыса, с торчащими вперед зубами такого размера, что я похолодела. Уши у нее были ослиные. Длинным стальным хвостом она била по полу с противным скрежещающим звуком, от которого сводило челюсти и хотелось чесаться.

– Это что за внебрачный сын Фредди Крюгера? – тихо спросила я Акавишу.

– Это Лихогрыз, фамилляр Недоли. Если увидишь, что он рядом с тобой крутится, сразу беги без оглядки! Не то загрызет!

– Каков барин, такая и песня! – Доля поморщилась, как от боли, зажмурилась и закрыла уши руками. – Злыдня, скажи своему Лихогрызу, чтобы хвост при себе держал. Ненавижу этот звук!

– Могла бы уже и привыкнуть за столько лет, квашня слюнявая! – Недоля все же взяла Лихогрыза на руки.

Потому что Милокот весь подобрался, прижал толстенькие лапки к тельцу, нахмурил бровки и явно приготовился прыгнуть, защищая свою хозяйку.

– Ну что, девочки? Намазала вас Доля шоколадом и мармеладом? Угостила какао с зефиринками? А теперь я покажу, чем это все закончилось. Итак, начнем урок несчастливого плетения. Добро пожаловать в реальную жизнь!

Мы все оказались в кинотеатре. А на экране замелькали кадры: наша Мышка в пышном свадебном платье, точно таком, о котором мечтала я. Расшитом мелким жемчугом и с живыми цветами на лифе и фате.

Рядом нарядные гости. Роскошные свадебные столы ломятся от изысканных блюд. Это все то, о чем я грезил, когда охотилась на своего золотого рыбка! Вот оно, передо мной, только руку протяни!

– Так в чем же несчастье? – осмелилась спросить Акавиша Недолю.

– А ты подожди, – усмехнулась та.

Недолго радовалась Мышка. Папашка ее красавца Стаса попался на крупном откате и забрали у нашей Мышки ее нарядную норку на Рублевке. И денежки, и машинки дорогие. И последней на экране промелькнула горничная, которая тихо выносила хозяйкины одёжки в счет долга за зажиленную от нужды зарплату. А красавец Стас к работе-то не привык. Ножками в офис ходить не приучен. Приложился он с горя к бутылке, да так и остался с ней навсегда. И очутилась наша Мышка в старой норке у своей мамы с двумя детками на руках.

Вот дурочка влюбленная! Даже пару бриллиантовых не припрятала на черный день! Ну разве можно быть такой наивной? Ничего ведь не вечно. И даже Пизанская башня когда-нибудь пизанется. Студентки молчали. Многие всхлипывали. Это же наша Мышка! Мы к ней успели привыкнуть. Мы только что побывали на ее роскошной свадьбе. Ну как так-то?

– А теперь проиграем другой вариант событий, – Недоля взмахнула рукой и мы снова оказались в школьном зале.

Мышка наша оттанцевала со Стасиком и побежала в туалет на минуточку. А там ее уже ждала отвергнутая им красотка с подружками. Морда у нее была злющая, красная, на румянах точно можно сэкономить. И глазенки светятся, как у вампирюги – расдиджей ее Ибицу!

Заходит наша Мышка в туалет, пританцовывая, а под ногами у нее Лихогрыз крутится. На щиколотку нитку наматывает. А золотая нить к браслету Недоли тянется.

– А ну-ка, девочки, приготовьте фамильяров, сейчас будем вот такую штуку доставать – женская зависть называется. Но лежит она не в ваших кладовых, а в мужских. У фатумов.

– Да, но она же женская! – робко сказала Дейна.

– Но женщинами управляют мужчины, фатумы то есть, – пояснила Недоля. – Поэтому они этим чувством ловко манипулируют, когда нужно.

И вырвалась из ее браслета Баба-Яга. Страшная, худая карга вся в лохмотьях. Зубами клацнула, метлой взмахнула и в ступу одним прыжком запрыгнула. Подлетела к нашей Мышке и давай ее мутузить. А у Мышки сердечко ёкнуло и в пятки упало. Бабу-Ягу она, конечно, не увидела. Но у бывшей любви переметнувшегося к Мышке Стаса физиономия была еще страшнее, чем у Бабы-Яги. И, главное, все намерения на ней были четко написаны красным фломастером.

Нистар из моего браслета золотую нить вытянул, и я снова оказалась в Кладовой Судьбы. В шкафу то есть. И вдруг я увидела, что у шкафа есть вторая дверца. Осторожно просунув в нее голову, я увидела, что с другой стороны шкафа был такой же класс, как и наш. И там сидели парни. А в классе... так же стояли Доля и Недоля. Я замерла на месте. Как такое может быть? Их что по два экземпляра? Или их здесь клонируют?

– Торопись, Алиса! – прошептал Нистар, озабоченно роясь на полках. – Мы здесь гости! Это кладовая Зафеминья. В любой момент сюда может зайти фатум за инструментами, тоже с урока, как и ты. А контакты между фатумами и фатальями в процессе обучения категорически запрещены. Тебя за это строго накажут!

Он забрался в глубину шкафа и исчез внутри. Я осталась одна, озираясь по сторонам. Сразу видно, что это мужская кладовая. Такой бардак может быть только у мужчин. Все свалено в кучу и ничего не найдешь!

И вдруг чье-то горячее дыхание обожгло сзади мою шею. Я обернулась и наткнулась на того самого красивого незнакомца, который подарил мне цветок во сне. Ноги приросли к полу. Дыхание замерло. Он стоял вплотную ко мне. Я открыла было рот, но он приложил палец к губам, призывая молчать. А потом провел рукой по моим волосам. Нежно, осторожно, едва касаясь. Мне стало так хорошо и спокойно, что я прикрыла глаза. Так бы и стояла вечность.

– Вот она, держи! – Нистар спрыгнул с верхней полки, держа Бабу-Ягу в лапках.

Вредная старушенция изогнулась, изловчилась и куснула его за палец.

– Ай! – вскрикнул Нистар и засунул палец в рот. – Не могли бы вы, милая барышня, привести в действие свою хорошо развитую моторику, сдвинуть ваш тяжелый таз и все-таки поспешить на урок? – язвительно прошептал он.

– А где этот незнакомец? Он же только что здесь был! Только не говори, что ты его не видел! – я металась по шкафу, внимательно оглядывая его.

И даже заглянула в глубину полок, хотя это смешно. Не может высокий мужчина туда поместиться. Дверь в класс! Ну, конечно! Он пришел из Зафеминья!

Я решительно взялась за ручку двери.

– С ума сошла? – испуганно вскрикнул Нистар и взлетел, буквально вклиниваясь между мной и дверью, оттесняя меня назад.

– Ты не понимаешь! Мне необходимо его увидеть! Пусти меня! – я снова бросилась к двери, ведущей в класс Зафеминья.

– У меня иногда возникает впечатление, что тебя дурман-травой опоили! – Нистар снова оттеснил меня от двери и сунул Бабу-Ягу в руки. – Какой еще незнакомец? Здесь никого нет, кроме тебя и меня! Алиса, перестань витать в облаках!

Да что здесь происходит, ушатай меня, Китай? У меня не глюки! Я его видела. Знаю точно. Если это кладовая фатумов, то, может быть, он студент? Хотя вряд ли. Выглядит намного старше. По возрасту примерно, как наш ректор. Хотя чёрт его знает, сколько Горалу на самом деле лет. Может, драконы, как черепахи живут по триста лет – раскудри их зоопарк!

Но почему он все время молчит и преследует меня? Хоть словечко бы сказал! Мне так хочется услышать его голос! И почему его не видел мой фамилляр? И что ему нужно вообще? Но додумать мысль я не успела. Бабка-Ёжка вырвалась из шкафа, увлекая меня за собой. Фьиить! За ее ступой потянулся белый след, как от реактивного самолета. Ох, и ходовая старушенция!

Она была такая же злющая, как у Недоли, но прикид был немного гламурнее. Что неудивительно: моя школа. Я даже как-то слегка загордилась. Ее худые бедра плотно облежала модерновая юбка. Хоть

вся и в зацепках от метлы, но зато от "Дольче и Габана". Модель не новая, правда, но вполне себе ничего.

Мы с ней оказались в туалете. Я ее держу, а она висит в ступе перед моим носом, метлой так туда-сюда поводит для равновесия, и скалится. Аж трусится вся от нетерпения. И знаками мне показывает: выпускай, мол, я вся готовченко.

Затарахти твою сказку! Не могу я так. Чувствую: аж ноги подгибаются. Сгребла я Бабу-Ягу за шкурку и затолкала в разноцветный деревянный ящик с надписью: "мелочи жизни". И пока я крышку закрывала и искала сбоку защелку, она мне все метелкой в физиономию тыкала и зубами клацала. Еле от нее отбилась и бегом из шкафа обратно в школьный туалет.

А там уже аж стены трясутся от взмахов мётел. Бабы-Яги в ступах вжик-вжик туда-сюда. А впереди всех несется ярко-зеленая карга в ступе фирменного цвета крокодилицы Шамтары. Эту и просить долго не нужно. Как плохого нафеячить – так она первая. Раздраконь ее серпентарий! Мы с "Коламбия Пикчерс" не представляем, как можно было такой гнидой родиться!

Не успела я глазом моргнуть – как нашу Мышку уже бить начали. Половина студенток разрыдалась. И мы снова оказались в зале кинотеатра. А там такое махалово на экране – аж смотреть тошно! Лупят девки нашу Мышку, а она на полу скорчилась, ноги к животу подтянула и голову руками закрывает.

Я зажмурилась. Студентки плачут, Доля хмурится. Милокот ее за шею обхватил, по рыжей мордочке слезки золотистые текут, а Доля ему нос кружевным платочком вытирает и что-то в ушко ласковое шепчет.

– Это невыносимо жестокоooooo, – в голос зарыдала Акавиша.

– Правда? – Недоля заломила бровь. – А теперь смотрим, что будет дальше.

Отлежалась наша Мышка дома, отплакалась. А потом встала у зеркала, посмотрела на себя критически. Брови решительно сдвинула и решила, что хватит! Баста, карапузики, кончились танцы! У меня от ее решения аж в животе потеплело.

Взялась за себя наша Мышка. В спортзал записалась, ножки подкачала, кардашьян наприседала. К космотологу сходила и подрабатывать устроилась. Это я ее понимаю! Сама на нескольких

работах в Москве крутилась, чтобы гламурно выглядеть. И вот стоит наша Мышка в "Отраводональдсе". На часах раннее утро, суббота, посетителей ноль. И вдруг возле забегаловки останавливается роскошная тачка. У меня аж кардашьян сжался! Ну вылитый "Майбах" моего рыба Демидова!

А из нее вываливается веселая компашка. Сразу видно: мажоры всю ночь винтили в ночном клубе. Аппетит у них разыграл и решили они в народ пойти. А руководит компанией Мажор Мажорович, красавец лет девятнадцати. Как увидел нашу Мышку – Ибица сердце перестало!

Из Недолиного браслета сначала Амурчик выскочил и запулял стрелу в сердце Мажора. А потом сразу после него вампир вынырнул, любовь, то есть. И зубами – хрясь! Сразу в сердце богатенького мальчика вцепился.

Дальше на экран можно было уже не смотреть. Свадьба, Куршевель, "Форбс", от которого у меня до сих пор слюнки текут. И, главное, Мажор оказался трудолюбивым. Папаша его, что в 90-е поднялся, только малость сынку на старте капиталцем помог. А дальше мальчонка уже сам подсуетился. Потому что мажоры – они разные бывают. Тут, главное, на правильного попасть.

Мы все снова оказались в классе.

– Сладко стелешь да жестко спать! – пробурчала Доля.

– От мягких перин скалиоз случается, а от сладкого диабет и лишний вес, – Недоля окинула презрительным взглядом пышные Долины бока. – А от моей горькой науки только толк. Чтобы подняться, нужно сначала упасть.

– В ту яму, из которой ты никак не выберешься, вобла сушеная? – ехидно осведомилась Доля.

Недоля вспыхнула, но не ответила, лишь окатила соперницу ледяным взглядом. Она так резко развернулась, что из-под высоких каблуков сапожек брызнули во все стороны искры.

– Шамтаре – отлично, остальным – неудобно, – процедила она сквозь зубы.

По классу пронесся тихий возмущенный шепоток.

– Претензии? – отрывисто бросила Недоля, прищурившись. – Это был первый опыт использования не только женских инструментов фаталит, но и мужских от фатумов. Никогда не забывайте, что с

каждым вашим подопечным вы работаете не в одиночку, а в паре с мужчиной. И то, что женщинам кажется счастьем, мужчины понимают ровно наоборот. Что я вам сейчас и продемонстрировала. То есть, не всегда несчастье – это действительно несчастье. Иногда это плата за то, чтобы избежать бóльших неприятностей. Как в старинной пословице: "не было бы счастья, да несчастье помогло". И еще... быть добреньким очень легко. Жестоким гораздо сложнее. Но иногда жесткость – это высшее проявление доброты, даже если вы сначала этого не понимаете, – кончик ее тонкого длинного носа задвигался, как у мыши, что учуяла сыр.

Лихогрыз оскалился и грозно оглядел притихших студенток. А Шамтара, повернувшись ко мне, презрительно усмехнулась.

– Алисе, Акавише, Дейне – отлично! Остальным – хорошо, – пропела Доля. – Урок окончен.

Я металась по комнате. Ни цветочное мыло, ни мягкий халатик меня не успокаивали. Я не злилась, нет. Я была в бешенстве. Внутри лопнула какая-то последняя тонкая струна, что держала гнев на привязи, и меня понесло. Остоюбилеело всё! Что мной играют, как куклой, все, кто хочет. Что всю жизнь я карабкалась куда-то, обдирая ногти. Из нищеты, из убогого детдома, из своей ямы, куда меня, оказывается, загнала не жизнь, нет, а какой-то фатум, который тупо не умеет торговаться.

Мне всегда казалось, что я живу не своей жизнью. Хорошо помню это ощущение, когда внезапно утром открываешь глаза и не понимаешь, какого иглесиаса тебя сюда занесло! И каждый раз, когда я пытаюсь что-то разузнать, все еще больше запутывается. Словно клубок ниток: потянешь одну, и запутаются все остальные. Катушку им всем в говэрло!

Среда 5 декабря 2018

Они думают, что могут мной играть? Забодай их всех единорог! Я завтра же найду Долю и заставлю ее всё рассказать! Пусть хоть сам дракон Горал заявится, мне все равно. Я ведь еду-еду – не свищу, но наеду – не спущу!

Только сейчас выясню у Нистара, где можно Долю найти. Кстати, где он? Я оглядела комнату. Дракоши нигде не было. И на браслете тоже. В самоволку ушел? Тоже мне часть души. Шатала я такую душу вместе с Китаем, твою мышь!

– Нистар! – грозно выкрикнула я.

– Не нужно сотрясать воздух диссонансными вибрациями, ибо я здесь! – по зеркалу на моем браслете пошла рябь, и на блестящей поверхности показалась лапка с золотыми ноготками.

– Ты кто? – я ухватила его за лапку и дернула на себя. – Ты мой фамильяр! Значит, должен всегда быть при мне!

– Больно! – тихо запищал он, – отпусти меня, жестокосердная!

Вот он умеет загнуть, конечно. Жестокосердная! Хоть записывай за ним. Я выпустила лапку. Он помахал ущемленной конечностью в воздухе и обиженно пробурчал:

– Я, между прочим, для тебя старался! Рисковал собой, можно сказать. От Доли весточку принес. А ты со мной невыносимо грубо обращаешься, – он громко засопел.

Меня кольнула совесть.

– Ну ладно, извини! Я сегодня очень нервная. Больше не буду, правда. Давай весточку, не томи! – я погладила его по голове.

Нистар еще пару минут поломался, нарочито вздыхая и горестно сопя, а потом протянул мне свернутую трубочкой записку, скрепленную золотой печатью. Я разломила печать, и из записки взвились вверх черной стайкой буквы, украшенные множеством завитушек. Толкаясь и щебеча, они выстроились в ряд и пропели высокими, мелодичными, как колокольчики, голосами:

– Слушай, девица, да на эпилированный ус мотай, красавица! Встретиться нам с тобой надобно, но не в академии, где всюду тать драконова, людь подлая да нелюдь окаянная. Завтра у тебя всего три урока будет, и все три – Грим Судьбы. Ты внимательно слушай. Да учись гримироваться, а Нистар во всем помогать тебе будет. А опосля науки той хитрой академия наша прибудет в мир летайцев-ящериц. И вас выведут на прогулку, чтобы вы, девицы, чудеса мира ящерок увидели.

И вот там ты, став незаметной для всех, схоронившись за неприметным гримом, должна ускользнуть. А я тебя ждать буду в тихом месте. Нистар тебя проведет. Если все правильно сделаешь, расскажу тебе всю правду подноготную. Все, что в сердечке моем давно схоронено. Ничего не утаю, как на духу выложу! – тут последняя буковка пропела, и все они вспыхнули ярким пламенем и исчезли.

Ох, и чувствительная у тебя попа, тётя Доля! Прямо подгадала тютелька в тютельку. Ладно, залп "Авроры" по Зимнему отменяется – как говорил наш трудовик. Зачеблим пока пушки. Подождём до завтра.

Нистар, все еще сопя от обиды, подождал, пока я немного успокоюсь, уселся на столе, скрестив лапки на груди, и сказал:

– Алиса, нам нужно очень серьезно поговорить!

Вот тоска зеленая! Сейчас точно будет морали читать.

– Не грузи, а? – попросила я. – Не до тебя сейчас. И так тошно! Грусть-тоска меня съедает.

Тьфу ты! Это просто вирус какой-то: как Долю послушаю, так тянет на сказочно-былинный язык среднерусской возвышенности.

– Это решительно невозможно! Тема настолько животрепещущая и наболевшая, что откладывать разговор просто смерти подобно! – крылышки Нистара нервно вздрогнули.

– Судя по вступлению, мне придется спасать мир, не меньше, – я принялась рассматривать свои ногти.

Кстати, подпилить их совсем не мешало бы, и я отправилась в ванную комнату за пилочкой.

– Насчет мира не знаю, но тебя спасать точно нужно, – дракоша решительно направился за мной в ванную.

– Угу, – я нашла в шкафчике пилочку, быстро выскочила в комнату и попыталась прикрыть за собой дверь, чтобы оставить этого зануду в ванной.

Но Нистар ловко подпер дверь хвостом, не давая мне плотно ее захлопнуть, и просочился в комнату вслед за мной.

– Итак, Алиса, судя по твоим попыткам избежать разговора, ты уже догадалась о чем речь пойдет.

– Ну, наверное, – я сосредоточенно пилила ногти.

– И это правда. Твое поведение отвратительно и больше так продолжаться не может!

– Ну уж какая есть! – огрызнулась я.

– В то-то все и дело, что такая, как есть, отбор уже проиграла.

– Это чегой-то? – вспылила я. – Таковую, как я, и в академию взяли, между прочим.

– Да ты пойми, что я за тебя волнуюсь! – он выхватил у меня пилочку, взял двумя лапками за руки и доверительно заглянул в глаза. –

Судьба – это не только способности, это поведение, понимаешь? Привычки, воспитание, этикет, наконец!

– Ну звиняйте! Графьями не родились! Но у таких, как я, тоже есть судьба. И вот я буду судьбой для таких девчонок, кого тоже ваш Фатумор по головке с детства не погладил. И нитку золотую, если и вложил, то в кардашьян, а не в "Форбс".

– Никто тебя такую судьбой не сделает, как же ты этого не понимаешь? – вдруг закричал он.

Я аж вздрогнула! В его мягком, чуть мультяшном голосе, вдруг проклюнулся совершенно чужой мужской голос. Бархатный, сильный и очень красивый. Видимо, я уставилась на него с таким недоумением, что он глубоко вздохнул и произнес в своем обычном тембре:

– Пойми: при отборе будут придирааться к любой мелочи. И проверять поведение, привычки, и тот чертов этикет, который ты так люто ненавидишь. Ну почему ты такая? Я понимаю: тебе пришлось нелегко, ты даже жила на улице. Голодная, одинокая, вечно дрожащая. В такой ситуации любой превратится в вечно настороженного ежа, который каждый миг оцетинивается колючками. Но теперь все позади. Ты в тепле, сыта, одета, обута, даже лучше, чем многие во всех обитаемых мирах Ковра Судьбы. Тебе больше не нужно выживать! Только перейти на другой уровень, понимаешь?

– Я такая ежистая чуть замуж за олигарха не выскочила, если бы вы, ушатай вас всех, Китай, меня не выдернули в свою магическую хрень! – в моих глазах уже стояли злые слезы, которые готовы были вот-вот потечь по щекам.

– Без обид, но ты действительно думаешь, что олигарх женился бы на девушке, которая выражается, как бешеный тролль в период брачного периода?

– Как миленький женился бы! Живой бы точно не ушел!

– Вот наивная! – дракоша всплеснул лапками. – Да ты только представь себе, что он бы начал знакомить такую пассию, как ты, со своими друзьями, у которых высших образований больше, чем у тебя волос на белокурой голове. Олигархи же не идиоты! Это образованные и умные люди, пойми ты, наконец. А ты им в ответ цирковое представление со своими ужимками и ушатанными Китаями.

Да его бы на смех подняли! Такого унижения тебе бы ни один мужчина не простил, тем более олигарх.

– Врешь ты все! – я бросила пилочку на кровать и сжала кулаки. – Врешь! Ничего ты не понимаешь!

– Это ты не понимаешь! Максимум, он бы сделал из тебя любимую игрушку. Такого плюшевого мишку, которого держат в прикроватной тумбочке, целуют на ночь, но при этом никому не показывают.

Это я – мишка? Я? Да кто он такой, чтобы лезть в мою жизнь?

– А ректор? – не сдавалась я. – Даже сам ректор – расдиджей мою Ибицу! – на меня запал. Ты сам видел. Ты был там, в кабинете. Может, его уже тошнит от манерных ледей с вашими мерлихлюндиями и паштетами Шепс-плюм-пимпинелла?

– Правильно, – Нистар даже лапками всплеснул от волнения. – Он поэтому и запал, что таких, как ты, никогда не видел. Если человека каждый день кормить икрой холостых русалов, грамм которой стоит столько же, сколько грамм золота, то рано или поздно он захочет дикую ягоду. Кислую и терпкую, которой питаются бедняки. Но надолго ли? Сорвет он ее с куста мимоходом, надкусит и выбросит. Один раз поест и снова вернется к привычной изысканной пище.

Я не выдержала и расплакалась, ушатай меня, Китай! Дикая ягода с куста... Пушкин хренов, раскудри его метафоры!

– Убирайся отсюда! – я швырнула в него подушкой. – Видеть тебя не хочу! Пошел вон!

– Не уйду! – он ловко перехватил подушку и снова в его голосе мне послышались какие-то чужие интонации. – Никуда от тебя не уйду!

– Тогда уйду я! – я рванула к двери, но он метнулся наперерез, прижался спиной к двери и выставил перед собой лапки.

Я пару раз стукнула его от души, с оттягом, но вдруг на меня навалились такая усталость и безнадега, что я сползла спиной по двери, уселась на ковре и зарыдала. Давно я так не плакала. Как-то скопилось все сразу, а времени пореветь со вкусом и не было. А это ведь очень полезно бывает. Дракоша тяжело вздохнул, устроился у меня на коленях, и принялся тихо гладить мое зареванное лицо.

– Пошел ты, зануда ботанская! – всхлипывала я.

– Ну куда же я пойду? Я ведь твой фамилляр! – шептал он. – Ну не плачь! Мы вместе справимся, я помогу. Вот увидишь: ты еще будешь такая счастливая, как никто другой! Обещаю!

– Видали мы таких обещальщиков, – всхлипывала я. – Тоже вон золотые горы сулят. А потом у меня внутренний козлометр зашкаливает.

– Это как? – не понял Нистрар. – Что такое козлометр?

– Это вмонтированный в мою печень прибор, измеряющий степень козлистости мужиков.

– Ну я же не такой! – дракоша мотнул головой и прижал лапки к груди.

– Вы все не такие, когда над девушкой, как самолет над аэродромом кружите. А как на посадку зашел – так козливость и включается.

Я еще сопротивлялась, но злость уже ушла вместе со слезами. И сидя там, на ковре, где-то в глубине души я понимала, что он прав. Мне это многие говорили еще до него. Но я никого не слушала и перла напролом. Потому что эта мечта въехать на "Майбахе" в золотую жизнь держала меня на плаву, когда было страшно, больно, одиноко. Когда совсем никак и хотелось тихо сдохнуть, я представляла себе свадьбу в Куршевеле. Отнимите у меня мечту – и меня не будет! Закончится девочка Алиса. Хлоп – и нету.

– У меня не получится, – прошептала я.

– Еще как получится! – дракоша взлетел на мое плечо, прижался к щеке и обнял крыльями. – Я ведь помогу! Ты просто должна захотеть, и все.

– Ну ладно! – я размазала по щекам слезы. – Давай. Вкладывай мне в башку свой этот этикет. И прочие Марлезонские балеты. Буду я леда.

– В том-то и дело, что все вложить не получится. Это ведь не знания о магических мирах, а твои жизненные установки. Часть я, конечно, вложу во сне, но вот я тебе тут списочек набросал, – он достал из-под крылышек свёрнутый трубочкой лист бумаги, развернул и дал мне.

Я пробежала глазами верхние строки, написанные каллиграфическим почерком. Вот ботан! Даже почерк идеальный! Я с чувством прочитала вслух:

– Ушатай меня, Китай – я поражена! Затарахти твою сказку – это невероятно! Ибица сердце перестало – я чрезвычайно взволнована! Растоптать его огнедышло – мои пожелания в адрес этого человека вряд ли будут приятными! Расдиджей мою Ибицу – о, великий Ковер Судьбы, это невероятно! Раскиндык твою распродажу – вы мне крайне неприятны!

Я изумленно уставилась на Нистара.

– Понимаю, это сложно, – невозмутимо сказал он. – Но постепенно ты справишься!

– Ты вообще когда-нибудь видел людей, которые так разговаривают?

– Я их каждый день вижу. И ты тоже. Твои подруги, например, Дейна и Акавиша. И вся академия тоже. Кроме, разве что, леприконов. Но они известные невежи. Ты ведь не хочешь быть похожей на леприкона, правда? Лично я никогда не видел людей, которые разговаривают так, как ты.

– Эх, ботан ты задрипанный, – вздохнула я. – Не видел ты нашего школьного физрука. А вместе с ним, как минимум, половину Волчедуйска!

Я на минуту представила себе водилу, который в наш детдом продукты доставлял. Ох, кучеряво закладывал! Аж душа радовалась! Как начнет всех раскудрить в базис и надстройку, так сразу и разгрузка тяжелых ящиков у него не шла, а прямо летела! А он их кузова доставал и пел:

– Я рисую на "Феррари" автогеном слово "твари"!*

А мы, дети, ему помогали и заодно подпевали.

– Я это никогда не выучу! – тоскливо прошептала я. – Что ж ты наступаешь на горло моей звонкой песне?

– Слишком громко звучит, – улыбнулся Нистар. – А ты постепенно. У тебя память хорошая! Я знаю.

– Но ты же ночью нафеяч... гхм... колданёшь? – я молитвенно сложила руки.

– Помогу, конечно! Но ты сама тоже список носи в кармане и почаще заглядывай в него. А теперь ложись спать. Тебе нужно отдохнуть. Завтра важный день.

Никогда в жизни я не училась с таким усердием! Преподавала Грим Судьбы та самая феечка-крохотуля, чью косметику я так

неосмотрительно рассыпала в коридоре, когда меня в первый раз окатил огнем наш чушуйчатый огнеплюйный ректор.

Она впорхнула в класс, таща за собой по воздуху косметичку, раза в два превышающую по размеру ее саму. Оглядев студенток, она задержала на мне долгий взгляд, мстительно сузив большущие, небесно-голубые глаза.

– Только не говори, что ты уже и ей успела насолить, – прошептала Дейна мне на ухо.

– Ну не то, чтобы насолить... так, задела случайно, – я смиренно опустила глаза, надеясь своим кротким видом задобрить феечку.

Песенка "Я рисую на "Феррари" автогеном слово "твари" взята из интернета.

В классе Грима Судьбы мы сидели по трое за столами, уставленными многочисленными баночками и скляночками. Акавиша, услышав вопрос Дейны, затряслась от беззвучного смеха.

– Долго ли умеючи? – пояснила я. – Ну рассыпала ей пару баночек. Так что меня теперь со света сжить?

– Баночек? – Акавише явно стало не до смеха и ее глаза округлились от ужаса. – Грим Судьбы – это страшно дорогая штука. Одна такая баночка стоит, как мы с тобой вместе взятые!

– Ты говори только за себя! – возмутилась я. – У меня, между прочим, в "Форбсе" место забито. Его мой рыбец держит, пока я тут с вами феечу... гхм... колдую детские шалости! У меня одна половина попы сидит на алюминии всея матушки Руси. А вторая на недвижимости в Куршевеле. Вот это растяжка! У светской балерины Проволочковой от зависти бы пачка лопнула вместе с пуантами! А ты мне про баночки–скляночки! Ваша эта косметика – это Дольче и Габана по первым буквам.

– Это как? – хором спросили Акавиша с Дейной.

– Это "д" – дорого и "г" – рифма к слову "оно"!

– Меня зовут Флора Яфейфия! – пропела феечка, облетая студенток.

Ушатай меня, Китай! Это ж прямо "имя любимое мое твое именно". Без поллитры и не выговоришь. Я еще со школьных уроков биологии всегда путала флору и фауну. Никак запомнить не могла, кто из них зверюшки, а кто ягодки-цветочки. Хоть бы не перепутать! Она

ж меня потом затр... авит до смерти. Такие девочки-колокольчики хуже огнедышащих ректорозавров!

А феечка тем временем облетала класс и на каждый стол роняла из своей косметички небольшой набор косметики, очень напоминающий стандартные большие наборы на все случаи жизни. Ничего особенного: пудра, тени, румяна, помада, тушь. Все красиво упаковано и выглядит так соблазнительно, как обычно выглядит новая косметика. Любой женщине сразу захочется попробовать на себе всё и сразу.

– Наш урок Грим Судьбы – это часть курса Практической Романтики, – пропела Флора. – Судьба, то есть вы, будущие фаталы, использует его, когда абсолютно посредственная по внешним данным женщина попадает в центр узора Ковра Миров, и должна сыграть ключевую роль в истории. Итак, первый пример: Нефертити – главная супруга древнеегипетского фараона Аменхотепа Четвертого. Она считалась самой красивой женщиной не только своего времени, но и одной из самых известных красавиц в истории. Мужчины в буквальном смысле теряли сознание при виде ее красоты. Само ее имя означает: "красавица пришла". А теперь посмотрите на нее внимательно! – она взмахнула рукой, и из ее рукава посыпались мелкие белые цветочки.

Они заметались по воздуху снежным вихрем, сложились в большое облако. Оно растянулось в тонкую простыню, очень похожую на экран, и на нем замелькали картинки, словно кинокадры. Попкорна бы сейчас! Большое ведро, – успела подумать я, и тут же обрадовалась, что воздушную кукурузу здесь не выдают. Я бы точно подавилась. На облаке-экране появилась та самая Нефертити, и у меня, как у той вороны в басне, в зобу дыхание сперло. Ох, и страшная она тетка была! Это ж сколько на нее Грима пошло? Наверное, потом лет сто на других сэкономили!

Феечка направила браслет на облако и Нефертити оказалась в нашем классе. Вместе с кроватью, устланной расшитыми золотом покрывалами, на которых она лежала, томно изогнув тощее бедро. Рядом с ней, почтительно склонив головы, стояла толпа мужиков в белых хламидах. Такое впечатление, что они простынки вокруг себя навернули и кое-как перепоясали. Глаза мужиков шарили где угодно, но только не по так называемой красотке. И правильно. Там и шарить

негде. Один даже с тоски наблюдал за мухой, которая лениво ползала по покрывалу, и, кажется, наблюдала за ним.

А наша Флора Яфейфия, тем временем, вытащила из браслета своего фамильяра, очень похожего на большую, размером, с мышь, пчелу, только с человеческим лицом, а также крошечными ручками и ножками. Фамильяр тоскливо взглянул на Нефертити и досадливо поморщился.

— Может, лучше вином или хмельным элем воспользуемся? — пропищал он феечке. — Дешевле выйдет. Особенно, если несколько сортов смешать. Мы же на нее полугодовой запас изведем! Она же и накрашенная страшная и ненакрашенная!

— Только волшебством! — покачала головой Флора. — Иначе никак! Давай, не жадничай!

Фамильяр тяжело вздохнул, почесал под мышкой, вытащил оттуда золотую нить и вручил феечке. Та сложила нить в несколько раз, засучила широкие рукава воздушного ярко-розового платья, и оттуда вдруг выскочила дополнительная пара рук-ножниц. Ушатай меня, Китай! Нет, ну тут же списком замен, что вручил мне Нистар, никак не обойдешься!

— А я тебе говорил, что с феечками лучше не связываться, — прошептал дракоша, соскальзывая с моего браслета.

— А то! Это же не фея, а Фредди Крюгер в женской версии, — поежилась я.

Ножницы лихо щелкнули, обрезая нити сверху, и в руках феечки оказалась пушистая кисть из золотых нитей Судьбы. Она открыла косметический набор, обмакнула в него кисть и закружилась вокруг Нефертити. В первый раз вижу такую технику макияжа! Чтобы на лицо наносили все сразу и одной кистью. По идее на лице должна была получиться каша из цветных разводов. Но к моему великому удивлению, косметика совершенно невероятным образом четко ложилась на отведённое ей место. То есть, пудра на щеки, тени на веки, тушь на ресницы. Лицо Нефертити засветилось золотом. А феечка пропела заклинание, похожее на звон крошечных колокольчиков. Слова эхом разнеслись по классу и превратились в цветных бабочек. Нистар погнался за одной из них, осторожно ухватил ее и притащил мне.

– Все, теперь у тебя есть заклинание Грима Судьбы, – он прижал бабочку к зеркалу на моем браслете и она исчезла внутри.

Румяна, тени, пудра разноцветным облаком вихрились вокруг египетской дурнушки, которой суждено было стать одной из самых известных красавиц мира. Причем сейчас и на моих глазах. Чёрт, как же мне не хватает сейчас моего айфончика! Инстаграмм бы взорвался! А Бузова с ее миллионами подписчиков удавилась бы от злости. Кто пойдет ее костомахи в бикини разглядывать, когда у меня прямая трансляция от самой Судьбы!

Тем временем, цветное облако Грима Судьбы осело на личике этой древнеегипетской крокодилицы, вспыхнуло многочисленными блестками, и... мужики разволновались. Джинны – инструмент похоти– у них из-под хламид как повыскакивали! Прямо пачками попёрли! За шаровары себя хватают, вокруг Нефертити вертятся, глаза закатывают, причмокивают. Рахат-лукум вперемешку с халвой, и сверху пахлава. Аж сиропом сочатся! А древнеегипетские мужики начали одергивать встопорщившиеся на бедрах хламиды. Джиннов-то своих они не видят, но природу-мать не обманешь. Она там под простынкой волнуется и штормит, как на картине Айвазовского "Девятый вал"!

9 Глава. Хочу быть принцессой!

Ох и повезло этим мужикам, что одежды у них широкие. Стоят они вокруг Нефертити, глазки старательно отводят, чтобы она не заметила, как они у них вмиг окосели. Там же иерархия! А она жена фараона, ушатай его Египет! Фараон за такие дела может глаз, осмелившийся на супружницу глянуть, на "хотелку" натянуть! Даже муха на покрывале проснулась и начала кружиться вокруг Нефертити с явно сексуальными намерениями. У бедного насекомого аж крылышки дыбом встали.

– А теперь рассмотрим другие примеры, – объявила Флора.

И за Нефертити к нам прямо в класс пошла длинная вереница роковых красавиц. Маркиза де Помпадур, Лайза Минелли, Айседора Дункан. И, наконец, наша Водянова Наташа.

Я аж подпрыгнула! Сколько раз мы с девочками в детдоме обсуждали, что непонятно, отчего она так прославилась. Топ-модель. Супер-пупер-раскупер! А она обычная, каких миллионы. У нас в России таких Водяновых, как берез в лесу. Хоть штабелями складывай! А ей, оказывается, просто Судьба Грим нанесла. Повезло девочке. А мне эта же Судьба на лбу вместо феечкиной косметики большую дулю нарисовала. Чтобы любой фатум или фаталья сразу понимали еще издаля: на Алису мы Грим тратить не будем. Максимум, нарисуем ей между бровями указатель. Такую стрелочку вниз, как на дорожных знаках: в глубокий кардашьян – это туда. А глубина этого кардашьяна, как у московского метро. Чтобы я уж точно никогда на поверхность не вылезла!

Меня вообще весь урок волновал только один вопрос: оставит ли нам феечка набор косметики в личное пользование? Иначе как я стану незаметной на экскурсии и улизну на встречу с Долей? И когда Флора навалила домашнего задания по самое "не хочу", я так обрадовалась!

Потому что все ее домашние задания были связаны с Гримом. Значит, наборчик точно можно с собой забрать. Кто бы мне сказал еще месяц назад, что я буду рада урокам на дом – так не поверила бы. Ни за что! С чувством глубоко облегчения я запихнула косметический набор в карман.

И в этот момент в класс вкатился Камцан. Учтиво приподнял цилиндр, поклонившись Флоре, хлопнул в ладоши и сказал:

– Так, сейчас быстро расходитесь по комнатам, переодеваетесь в костюмы для экскурсии. Там есть ярлычки, не перепутайте наряды, дурынды, – эту фразу он произнёс с нажимом и при этом посмотрел на меня. – После этого бегом в столовую обедать. Там едим быстро и мало. Не забываем, как нынче все дорого, – при этом он свирепо глянул на Акавишу. – И после обеда ждем меня на лестнице. На экскурсию вас повезу я.

– А почему не преподаватели? – загалдели девчонки.

– Будут они свое драгоценное время на вас, троллье племя, тратить, – огрызнулся леприкон. – Ротики закрываем, ногами быстро перебираем. На все сборы полчаса. Кто не успел – к ректору на ковер. Я этот ковер сам, кстати, выбирал. Очень дорогая ручная работа из шерсти винтокрылого овцебыка. Одна беда: горит хорошо. Кто-нибудь хочет проверить на себе?

Судя по тому энтузиазму, с которым студентки ломанулись на выход, никто не хотел. В дверях моментально образовалась давка. Мы с Акавишей и Дейной выскочили в коридор, пулей промчались по нему, причем Акавиша на нервной почве бежала по стене. И в рекордно короткие сроки долетели до комнат. У меня аж в боку закололо. Рывком распахнув шкаф, я принялась перебирать наряды, бросая их на ковер.

– Прекратить хамство! – хором заверещали феечки с ярлычков. – Одежду от элитных магических дизайнеров бросать на пол! Да где это видано? Варварство какое!

– У меня в Волчедуйске это видано, – огрызнулась я. – Ваш дракон уже побил все рекорды по плевкам огнем в мою физиономию. Еще раз огрести не хочу. Спасибо!

Шмотье, шмотье и еще раз шмотье. Где же этот чертов костюм? Ага, вот он. Ну ничего так киндер-сюрприз. По цвету точно похоже: белая льняная блуза навыпуск с длинными рукавами, украшенными вышитыми широкими манжетами. К ней юбка из тонкой замши оттенка молочного шоколада. Широкий пояс из замши, и к нему крепится велюровый, расшитый бисером мешочек-сумка в тон юбке. Вот это правильный подгон. Будет куда Грим Судьбы засунуть. А то в кармане неудобно. А вдруг выпадет? И к этому всему еще

сапожки мягкие, без каблука, что само по себе хорошо. И в столовую бежать удобно, и на экскурсии ноги не отпадут.

Переоблачившись, я дунула в столовую. Дейна с Акавишей уже сидели за столиком. Акавиша запихивала в себя сразу два мясных пудинга, попеременно откусывая от каждого. Никогда не привыкну к ее аппетиту. Вот рот реально открывается на ширину приклада, – как говорил наш школьный физрук. Что интересно: кулинарная магия молчала. Усатые рожи местных диетологов – ушатай их... да позабудет про них Фатумор! – из пудингов не вылазили.

Мне аж обидно стало. Я что по их мнению толстая, что они мне каждую паршивую калорию считают? Дейна в еде была скромнее. Она быстро, но аккуратно ела дикорастущий творог, запивая его молоком эльфийских буйволиц. Я оглядела стол. На салат времени нет, его жевать долго. Вот мясная запеканочка, румяная, с красивой корочкой ароматного, ярко-желтого сыра – это как раз то, что нужно. Я взяла с зеленого стеклянного блюда три больших куса запеканки. И вдруг из третьего куска высунулась костлявая рука, хлопнула меня по руке, погрозила пальцем, и из-под корочки сыра раздался зычный бас:

– Тебе позволено только два куска. И то потому, что на экскурсии будешь много двигаться. Положь взад третий шмат, утроба жадная и ненасытная!

Я молча помотала головой, вцепившись в запеканку.

– Отдай, говорю! – пригрозила невидимая диетологическая сволочь, – а не то прямо из трахеи достану. Или из пищевода, а если понадобится, то и напрямую из толстого кишечника, – и дернула, гнида костлявая, запеканку на себя.

– Да подавись ты, бог недожора! – прошипела я, выпустив ароматный кусок.

Ушатай...гхм... как там в списке замен? Ах, да, я не желаю им добра! Да будут запутанными нити в их Ковре Судьбы! Экономят на мне, сволочи магические! Научусь феячить... колдовать то есть, первое, что сделаю: найду заклинания, отключающие этого злобного хитроволшебного диетолога, и нажрусь от пуза. А пока придется терпеть.

Запеканка была восхитительно вкусной. Внутри толстый слой мясной начинки, пропитанной густым соусом из жаренных гномьих луковок, которые гномы выращивали под землей, и летающих грибов,

на которых охотились полевые эльфы. Первый кусок пролетел со свистом. Второй я доедала, давясь и стоя, потому что Дейна с Акавишей уже тянули меня из столовой.

– У меня в еде товарищей нет! – мычала я с набитым ртом, отбиваясь от подруг.

– По дороге доешь! – силой увлекая меня к двери, не уступали девчонки. – Давно у ректора не была?

Мы добежали до лестницы. Там уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу Камцан.

– Все здесь? – цепким взглядом он прошелся по толпе студентов. – Ладно, открываю дверь.

Вот те на! А тут, оказывается, дверь есть! И где она? Вытянув шею, я наблюдала за манипуляциями лепрекона. Он сдернул с головы цилиндр, пригладил рыжую шевелюру, покопался в заостренном ухе и извлек оттуда маленький золотой ключ. Пошептал на него, дунул, плюнул, подпрыгнул, смешно стукнув друг об друга каблуками тяжелых башмаков. И между лестничными пролетами буквально из воздуха образовалась мощная белая дверь, украшенная золотыми паучками и с ручкой в форме драконьей головы. Лепрекон вставил ключ в замок. Дверь распахнулась, и мы оказались в мире людей-ящериц летайев.

Первое, что я увидела – это было небо. Ушатай... ох, как же я поражена! Это же раскиндык... просто неопишное восхищение! Небо было изумрудно зеленое, а по нему медленно и лениво плыли светло-салатовые травяные облака, украшенные роскошными клумбами, заполненными яркими цветами. По клумбам ловко сновали крошечные фигурки ящериц-садовников. И с каждого облака свешивалась вниз веревочная лестница, сплетенная из цветов. Так вот ты какая, лестница на небеса!

Все студентки восхищенно замерли с поднятыми головами. А Шамтара и ее подружки гордо поглядывали на нас. Из-за угла вынырнул длинный поезд, очень похожий на детский паровозик в московском парке. Только вместо вагончиков у него были повозки в виде золотых ореховых скорлупок, которые крепились к серебряным колесам. Поезд бодро пыхтел по золотым шпалам.

– Чего застыли, как девственница перед единорогом? А ну быстро поднимаем разноцветные попки, крылья, ноги и хвосты, и залазим в

транспорт! – лепрекон забрался в первую скорлупку, в которой сидел машинист: изумрудно-зеленый ящер в белом мундире, как у капитана дальнего плавания и фуражке с золотыми бляшками.

Камцан хлопнул в ладоши и пронзительно свистнул, подгоняя нас. Мы с Дейной и Акавишей забрались в скорлупку на три места. Поезд тронулся. Эх, красотища вокруг! У меня аж шея заболела, так я головой во все стороны крутила. Большинство зданий были выстроены в форме фруктов. Огромные клубники, гигантские апельсины, чудовищных размеров лимоны. Я себя чувствовала Незнайкой в Волшебном Городе. А Акавиша, бросая презрительные взгляды по сторонам, тихо шептала:

– Подумаешь, у нас всё красивее! И ничего удивительного!

– Да ладно тебе! – улыбнулась Дейна. – В моем мире тоже много удивительного есть, но такого точно нет.

– А нам такое и не нужно! – поджала губы Акавиша и нервно взлохматила волосы третьей ножкой.

– Хорош жабу дав.... то есть, завидовать! – прошептала я на ухо Акавише. – Строители этих домиков не виноваты, что мы Шамтару не любим. Крокодилица отдельно, архитектура отдельно!

Но Акавиша лишь молча презрительно скривилась. А наша тихоня, оказывается, упертая, как осел! Нужно будет это запомнить. Паровозик пропыхтел по аллее из гигантских виноградных гроздьев и остановился у огромного, снежно-белого здания, выстроенного в форме свернувшейся кольцом ящерицы.

– Прибыли! – лепрекон выскочил из паровозика, нахлобучил на лоб зеленый цилиндр и хлопнул в ладоши: – Выходите! Это музей культуры расы летаев. Идем на экскурсию! Хвосты подбираем, лишние ноги, наоборот, достаем, – он хохотнул, довольный своим остроумием.

– Вот ему хорошо, – прошептала я на ухо Дейне. – И цирк не нужен. Сам себе клоун!

– А лепреконы вообще крайне самодовольные типы, – охотно пояснила она. – Поэтому они – единственная раса, которая со своими сородичами вообще не уживается. У них даже мужья с женами отдельно живут.

– Не единственная, – заметила я, направляясь в здание музея. – У нас таких половина планеты, хоть они и не лепреконы.

После получаса беготни по музейным залам я от души пожелала добра нашим феечкам-дизайнерам, которые озаботились приготовить для экскурсии сапожки без каблука. Ходить по неровным полам здания, спроектированного в виде ящерицы, было не то, что неудобно, а вовсе невыносимо. Летайям хорошо, они привычные. Только теперь я поняла, отчего у Шамтары и подружек такие кривые ноги, словно бог увидел их конечности и придумал колесо. Арахны тоже неудобства не испытывали, они ведь по стенам бегают. Поэтому Акавиша тоже чувствовала себя прекрасно.

А все остальные, включая меня, просто замучились. Студентки табуном гоняли по залам, которых в музее было просто несметное количество. Раса летайев оказалась сверхкультурной, чего бы я вообще не сказала, глядя на нашу Шамтару и ее подружек.

Наконец, когда нас привели в зал сто тридцать пятой королевской династии, совершившей шестой культурный переворот, я тихо дала задний ход в сторону туалета, неотрывно глядя на лепрекона. Камцан, который вообще-то непрерывно озирался по сторонам и замечал всё и всех, видимо, получил культурный шок. Глаза его съехались на переносице при лицезрении портрета очередного напыщенного зеленого императора с янтарными глазами. И на физиономии нарисовалась явная тоска по удобному креслу и холодному элю, который лепрекены поглощают литрами.

Этим моментом я и воспользовалась. Тихо улизнув в туалет, я первым делом вызвала Нистара из браслета. Он уселся на серебряном умывальнике в форме колокольчика, и, взмахнув крылышками, что означало крайнюю степень волнения, шепотом сказал:

– Доставай Грим Судьбы. Пришло время им воспользоваться. Не волнуйся, все будет хорошо! Я помогу.

– Ага, легче сказать, чем сделать, – я достала из замшевой сумочки косметический набор.

Что мне нужно-то? Да все цвета серого спектра. Будем делать из меня ту, которой я никогда не была: серую мышь, невидимую для окружающих. Это из меня-то! Из яркой звезды-загадки, которая резко выделяется на фоне окружающих, причем всегда.

Так, вот самая большая кисть – нанесем серую пудру. Кошмар какой! Серая пудра! Привет зомбям, прощай, утренняя свежесть! Такой маленький локальный апокалипсис на одной морд... гхм...

физиономии лица. Теперь тени мышино-го оттенка, румяна цвета паутины – бррррр! Тушь, помада, мама дорогая! Нет, выглядит, конечно, ужасно. Но по-моему, еще больше привлекает внимание. Особенно в мире, где все яркое и зеленое. И тут такая серая тля. Мошь в обмороке! Я даже не Золушка, а Злолушка!

– И что? – спросила я у дракоши, рассматривая себя в зеркале. – Где невидимая мышь? Я выгляжу как трупейник зомбовидный, обыкновенный. А незаметность где? Да я в таком виде еще больше в глаза бросаюсь.

– А что? Мне нравится, скромненько так, неброско, – с фальшивой бодростью утешил меня дракоша и нервно шмыгнул носом. – Теперь бы еще заклинание прочитать и будет совсем хорошо! – он нырнул в браслет и тут же вынырнул обратно, с превеликой осторожностью держа в руках разноцветную бабочку-заклинание, которую поймал для меня в классе на уроке Грима Судьбы.

Точно! А слона-то я и не заметила! Страшно как... первый раз в жизни феячу сама. Ладно, где наша не попадала! Я осторожно взяла бабочку в руки, прошептала заклинание, написанное на ее крылышках, и... вдруг весь Грим взметнулся в воздух серым облачком и исчез. Вот те на! Точно заклинание перепутала. Я внимательно осмотрела в зеркале свое лицо. Вроде бы всё, как всегда. Алиса как Алиса. Только дорогуший Грим зря перевела. Потом феечка прицепится, почему у меня меньше, чем у других.

И тут в туалет зашли две ящерицы, одетые в одинаковую униформу с эмблемой музея. Они сразу направились к умывальнику, возле которого стояла я. Дракоша взмыл под потолок, приклеился к алому плафону в форме клубники и полностью с ним слился. Обе ящерицы вели себя так, словно я – пустое место. Одна вообще задела меня плечом.

– Осторожнее, пожалуйста! – обратилась я к ней.

Она подпрыгнула от неожиданности, словно увидела привидение, и принялась долго и витиевато извиняться:

– Простите меня, пожалуйста! Я вас совсем не заметила! Прошу прощения за такую чудовищную неучтивость! – она прижала к груди изумрудные руки.

– И меня тоже извините! – скороговоркой забубнила извинения вторая.

– Да ничего, – улыбнулась я. – Со всеми случается!

– Да, у меня получилось! – завопила я, как только ящерки вышли из туалета. – Кто великий маг? Я – великий маг! Я!

– Да не кричи ты! – свистящим шепотом попросил дракоша, соскальзывая с плафона. – Сейчас на твои крики все сбегутся! Жди здесь, я сейчас, – он нырнул в зеркало на браслете.

Несколько минут томительного ожидания, и из зеркала появилась его красная физиономия. Он выбрался из браслета, а вслед за ним появился Милокот, фамильяр Доли. Он завертел круглой головой, осматриваясь вокруг. Скользнул по мне равнодушным взглядом, словно не замечая, и спросил, озадаченно нахмурив бровки:

– А где... ммм... Алиса?

– Да здесь я, прямо перед тобой! Алё, гараж! Эй, там на барже, лом не проплывал? – я щелкнула пальцами перед его носом.

Он подпрыгнул от неожиданности и промурлыкал:

– Совершенно незамммметна! Мурррр... как хорошо! Пойдемммм за мммнооой, – он потерся круглым лобиком о мою руку.

Мы быстро пробежали по музейным залам. В одном из них лоб в лоб столкнулись с нашей группой.

– Заммммри! – прошептала Милокот и шмыгнул обратно в зеркало на моем браслете.

Я столбом застыла посреди зала. Ибица сердце перестало... то есть, великая Судьба, как же я напугана! Тук-тук-тук! Сердце забилося не в груди, нет, а в горле, и ухнуло в панталоны. Хорошо, что они широкие! Ему там будет где трепетать. Студентки огибали меня, как невидимое препятствие. Шамтара, раздутая от гордости за чудеса родного мира, едва скользнула по мне янтарными глазами, и быстро прошла мимо, оживленно болтая с подружками-крокодилицами. А Камцан вообще остановился рядом, да так близко, что едва не коснулся моей руки, выудил из фиолетового атласного жилета часы-луковицу на тяжелой цепочке, взглянул на них и простонал такие ругательства, от которых покраснела даже я. При этом меня он в упор не замечал, словно я растворилась в воздухе. Странное чувство... с одной стороны радостно, что получилось. С другой, я настолько привыкла притягивать к себе взгляды, что в обличье незаметной серой мышки чувствовала себя просто ужасно.

И вдруг я вспомнила нашу официантку в клубе. Нормальная девчонка вроде была чисто внешне. Как все. Ничего особенного: рога на голове не росли. Не дурнушка и не красавица. Все мечтала с хорошим мужиком познакомиться. Клиентам так улыбалась, как майская роза в помойном ведре. Только никто ее не замечал. Она рядом с нами все время крутилась, работала, ела, пила, а потом вдруг пропала. И никто не мог вспомнить, как ее зовут и как она выглядит. Может, на нее тоже Судьба Грим нанесла? И вот что получается: живут рядом с нами такие неприметные люди. Хорошие, милые, только счастья у них совсем нет. И не потому что не заслужили, а потому что какой-то фатум или фаталья вот так кисточкой с Гримом махнули, и перечеркнули человеку все мечты. Замазали их серой краской мышинового оттенка. Если я стану Судьбой, то отменю этот чертов Грим. Пусть все серые мышки станут райскими птичками.

Как только наша группа скрылась в соседнем зале, из зеркала снова вынырнули Милокот и Нистар. Фамильяр Доли так бодро покатился к выходу, что я едва за ним успевала. Мы выскочили из музея с заднего входа, пересекли широкий двор и оказались на узкой улочке, забитой крошечными магазинчиками. Милокот бодро бежал мимо магазинчиков. Я скачками неслась за ним, бросая мимолетные взгляды на витрины. И вдруг увидела свою мечту. Родные мои! Как же долго я вас искала! Я аж прослезилась от счастья. На двери лавчонки, на изящных вешалках висели трусы. Почти такие же, как были у меня. Бикини на завязках, украшенные камешками и какими-то стекляшками в форме фруктов. И еще и разных цветов: белые, розовые, сиреневые, и даже черные.

Я резко затормозила.

– Алиса, у нас времени нет. Доля ждет, – напомнил дракоша, высунув мордочку из зеркала на браслете.

– Лучше молчи! Я без них не уйду и убью каждого, кто встанет на пути между мной и трусами! – мои руки жадно потянулись к трусикам, как у кота Базилио в фильме про Буратино, когда перед ними поставили блюдо с жирными жареными карасями.

– Лап-табуди-ду-ду-дай! Там-пам-пам! – шепотом пропела я, ощупывая трусики. – Лап-табуди-ду-ду-дай ... а скажи мне, Нистар, у тебя деньги есть? Или что тут у них вместо этого?

– Мммм... Доля ждет, – промурлыкал Милокот, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

– Не уйду! – помотала головой я. – Без них не уйду! Если денег нет, значит, будем действовать по старой детдомовской схеме. Возьмем во временное пользование.

– Во временное польз... украдем, что ли? – простонал дракоша и истерически забил крылышками. – Даже не думай! Не смей! Ты теперь другой человек! Нет, Алиса!

– Последние гастроли, и завяжем, – пообещала я. – Хлеб-солклянусь! – пропела я с кавказским акцентом. – Только сейчас не мешай мне.

Умные они все! Полностью мозг мне проели, что нужно очаровать ректора. И как я буду очаровывать Горала в этих бабушкиных штанишках? Нормальный мужик при виде их сразу вспоминает поликлинику и длинную очередь на сдачу анализов. А ректор ведь, прежде всего мужик, хоть и дракон. Хотя кто их, драконов, знает? Может мне в шмат сырого мяса завернуться, как леди Гага? В любом случае, трусы мне нужны для поднятия самооценки. И для зрительного уменьшения кардашьяна, который в их белье выглядит, как настоящая Кардашьян! Я на себя в зеркало из-за этого смотреть не могу. Как разденусь – так зажмуриваюсь.

Так, вспомним-ка навыки нищего детства.

Да, воровать нехорошо, согласна. А хорошо одевать детдомовских в обноски фабрики "Большевичка", когда у одноклассников, что живут в семьях, с папахен, мамахен и сдобными булками к чайку, фирменное шмотье? Хотите или нет, а встречают по одежке. А у некоторых такой тонкий ум, что и до его проводов дело не доходит. На первом этапе разглядывания одежек всё и замирает. И вот мы с девочками приходили на рынок и крутились там возле вещевых развалов. Якобы мы прицениваемся да присматриваемся. А хозяева глазастые, мимо них не проскочишь. Тогда мы придумали схемку: изображаешь, что тебе плохо, падаешь, хватаясь за шмотку, и пока хозяин развала бежит за водой, тихо тыришь приглянувшуюся вещичку.

– Я на это смотреть не собираюсь! – пропищал дракоша и юркнул в зеркало на браслете. – И если тебя поймают, то я из зеркала не выйду, – из зеркальной поверхности показалась его мордочка с горящими

гневом глазками. – Никогда! До конца и мира и полного развала Ковра Судьбы. Алиса, может быть, не нужно? Умоляю тебя!

Да хоть на колени становись! Если я чего решила, то так и будет. Без трусов я отсюда не уйду!

– Еще как нужно! – я огляделась, ища место куда бы изящно упасть в обморок, но так, чтобы трусики подцепить с собой в падении.

– Нет, не нужно! Правда, милая барышня, – раздался сзади мягкий мужской голос.

Я обернулась и увидела того самого незнакомца, который подарил мне цветок и с которым я встретила в Кладовой Судьбы. Египетская сила! Я, как тот сапёр, что ошибается только один раз. Сгорела! Взорвалась! И ошметки меня разбросало по всему Ковру Судьбы. Какой позор! Никогда в жизни мне не было так отчаянно и страшно стыдно! И никогда еще мне не хотелось вдруг, за одну минуту, превратиться в кого-то другого. Я никогда себя не стыдилась. Пусть другие комплексуют. А я такая, какая есть. И пусть все прогнуты под меня, а не наоборот. Даже если бы здесь сейчас стоял золотой рыбец Демидов, я бы и ухом не повела. Можно подумать, что олигархи не воруют. И кто еще верит в эти сказки, что честным трудом можно выловить из пруда золотую рыбку, которая зубами намертво вцепилась в мешок денег, да так, что рыбы глаза аж на лоб вылезли?

Но с ним, с этим незнакомцем все как-то по-другому. С ним мне впервые в жизни захотелось стать такой, как говорил Нистар: вежливой, тихой, скромной. Принцессой фактически. Или нет, барышней. Ведь он так и сказал:

– Милая барышня!

Какое красивое и странное слово! Как меня только не называли: и птичкой, и рыбкой, и конфеткой, и малышкой. Детский сад, кондитерская фабрика и зоомагазин в одном флаконе! И только он один назвал меня барышней. И такая теплота и уважение проскользнули в его голосе, что у меня аж душа развернулась.

И мне захотелось, чтобы он обнимал меня, а я бы млела в его объятиях. И тихо лепетала глупости не потому, что мужики обожают лепечущих блондинок, а потому, что так приятно шептать милые глупости в сильных мужских руках. Ушатай... а ты откуда знаешь, Алиса, что чувствуют в таких руках, если ты в них никогда не была? И уже не будешь. Сама себе все испортила! Теперь ты для него навсегда

останешься дворняжкой, что ворует трусы в лавчонке. Он тебя будет презирать и правильно сделает! А ты такая и есть. Взлететь хотела? А горб к земле тянет. Уродливый и страшный горб. И зовут его Алиса. Ну скажи ему что-нибудь. Не молчи!

– Мне не нужно... я... так... просто посмотреть, – вмиг пересохшие губы склеились намертво, и я трудом их разлепила.

– Ну почему же? – улыбнулся он. – Девушки любят приятные мелочи. Хозяин!

И от его голоса мое сердце из панталон выпало на уличные камни и пробило дыру, улетев куда-то в изнанку Ковра Миров.

– Я здесь. Чего изволите? – упитанный светло-зеленый ящер с узкими глазками подобострастно заюлил перед незнакомцем.

– Мы берем все, – незнакомец дал ему пачку оливкового цвета купюр.

– Как вам будет угодно! Сейчас упакую в лучшем виде, – хозяин схватил охапку злополучных трусов и, выхватив из кармана ярко-фиолетовый бумажный пакет, принялся засовывать их туда.

Я закрыла глаза. Вдох-выдох. Сопровителюсь, Алиса. Соври что-нибудь. Что придумать? И сволочной фамилльяр, как назло, забился в зеркало. Никогда его нет рядом, когда нужно. Я открыла глаза, и... незнакомец исчез.

– Где он? – спросила я хозяина лавки. – Где тот мужчина, что вам заплатил?

– Не знаю! Только что здесь был, – ящер оглянулся по сторонам. – Вот, возьмите, – он протянул мне пакет с трусами. – Носите на здоровье!

– Я не хочу, спасибо! – прошептала я, пытаюсь совладать с душившими меня слезами. – Оставьте себе!

– Не нужно ничего оставлять! – пропищал дракоша, вылезая из зеркала, и цапнул пакет, прижав его к груди. – Что сделано, то сделано! Пойдем, Алиса! – второй лапкой он подхватил меня под локоть, и полетел, увлекая за собой.

Я пробежала по узкому переулку. Мое сердце всё пыталось выпрыгнуть из груди. Наверное, и ему надоело сидеть внутри такой бедовой дуры, как я. Всё! Не могу больше!

– Стой, Нистар! – я прислонилась спиной к стене, сползла по ней и закрыла лицо руками.

Ненавижу плакать на людях. Но сейчас мне было все равно. Я заревела, как маленькая, громко хлюпая носом.

– Эй, ты что? Заболела? – дракоша обеспокоенно потрогал мой лоб.

Я дернула головой, сбрасывая его лапку, и тоненько провыла:

– Я так обгадилась, как никогда в жизни! Ты был прав. Никогда мне не стать Судьбой. Таких, как я, никуда не берут!

– Тааааак, – протянул дракоша. – Минутка самокритики в самый неподходящий момент. Какая ящерица тебя укусила? С чего это вдруг ты ударилась в самобичевание?

– А ты не видел, что было. Я сейчас пыталась украсть трусы, ну потому что остоюбилеели.... то есть, надоели мне ваши чертовы бабушкины панталоны! А там был этот незнакомец! И он меня поймал в тот момент, когда я их собиралась слязмзить. И он такой весь... ну такой.... а я такая... и мне так вдруг захотелось быть девочкооооой, – в голос заревела я, потому что больше не осталось сил сдерживаться.

Глаза у дракоши буквально вылезли на лоб от изумления и он прошептал:

– Но ты же и так не мальчик!

– Да ты не понимаешь! – взвизгнула я, да так громко, что проходящие мимо две степенные пожилые ящерицы, увешанные пакетами с покупками, испугано подпрыгнули и быстренько зашуршали прочь, задрвав хвосты. – Я – не девочка! Я – тягловое устройство! Всё сама, всю жизнь! Сама себя тащу в гору из ямы. Я – буровая установка, которая землю на сотни метров вглубь сверлит. Дураки эти нефтяники! Натаскали железок в сотни тонн весом. Меня им нужно было брать. Я бы за красивую жизнь всю матушку Землю насквозь пробурила бы! Всё просчитай, везде успеи, всюду пролезь и нигде не ошибись. А мне хочется быть девочкой и ничего не решать. И чтобы меня баловали! И обнимали, и целовали, и шептали разные глупости, когда я плачу.

– Давай я тебя обниму, – прошептал дракоша, и обхватил меня слегка дрожащими лапками.

– Ты не умеешь так, как он! Он сейчас был здесь. И купил все трусы, чтобы я не воровала. Ему не все равно! Всем всегда было все равно. Все на меня плевать хотели! Всем я нужна для чего-то, а он

просто так. Он даже ничего не просил взамен. А потом ушел. Навсегда!

– Да глупости, – прошептал дракоша, глядя меня по волосам. – Он вернется, вот увидишь. Нашла чем напугать человека – ворованными трусами. Да зная тебя, это самая маленькая беда из всех возможных.

Что-то такое прозвучало в его голосе. Я еще не осознала, что конкретно, но знаменитый мой Доктор Чуйка уже насторожился. Стоп! А с чего это он мне вдруг поверил? Я ему раньше доказывала, что незнакомец существует, а он кричал, что меня дурман-травой опоили.

– Алиса, он тебе врет! Брешет, как сивый мерин! – шепнул Доктор Чуйка. – Он не такой наивный, каким прикидывается.

Слезы мгновенно высохли и я сгребла дракошу в охапку.

– А ну говори, что знаешь!

– Ты о чем? – заверещал Нистар. – О Мать-Судьба! Как же я устал от твоих перепадов настроения! Такие резкие перемены характерны для гормональных скачков в пубертатный период. Но ты уже не подросток, Алиса!

– Ах ты маленький врун! Не грузи меня интеллектом! – я встряхнула дракошу. – Ты знал, что этот незнакомец существует! Ты мне врал все это время! Даже не думай сейчас прикидываться! Иначе я тебя задушю! Клянусь списком "Форбс"! Кто он? Почему он все время исчезает? Говори!

– Отпусти меня! – спокойно и властно произнес Нистар.

И даже голос его изменился. Вместо обычного няшного пищания вдруг прорезались какие-то мужские интонации. Словно там, внутри забавного, почти игрушечного тельца, сидело какое-то другое существо. Ничего себе перемены! Какого иглесиаса... то есть, как же я изумлена!

Фильм "Чужой" нервно курит в углу. Я выпустила его из рук и даже от неожиданности попятилась назад. Но там была стена и я прижалась к ней лопатками. Нистар отряхнулся, взмахнул крыльями и сказал уже обычным голосом:

– Именно это и хочет рассказать тебе Доля, которая ждет нас в условленном месте. И времени у нас в обрез. А ты вместо того, чтобы поспешить, сначала вор... эээ... покупаешь изящные предметы женского туалета, а потом сразу же закатываешь истерику. Белье она

украдала. Тоже мне великая трагедия! Мы с тобой вдвоем без разрешения использовали драгоценный Грим Судьбы, что автоматически приравнивается к воровству. За это тебя могут, как минимум, выгнать из академии. А меня за соучастие сошлют в Первичный Хаос, в Великое Ничто, где я, потеряв свою личность, буду бродить тысячи лет. Смерть гораздо гуманнее, поверь мне. Поэтому оставь, пожалуйста, свои душевные терзания на потом. И давай уже поспешим к Доле, а потом вернемся к твоим однокурсникам. Иначе это плохо закончится.

Доля ждала нас в огромном ботаническом саду, который начинался сразу на выходе из торговых рядов. Едва завидев нас, она всплеснула руками, схватила нас обоих: меня за шиворот, а Нистара за хвост, и втащила под огромный, размером с двухэтажный коттедж, гриб.

– Ах, вы душегубы! – она сердито погрозила пухлым пальцем. – Меня едва Кондратий не хватил, пока дожидалась. Где вас лихо носит?

– Ммммммгде? – возмущенно топнул толстенькой ножкой Милокот и, грозно сдвинув брови, упер лапки в бока.

– Извините! – прошептала я. – Задержались тут по дороге.

– Прощу прощения! Нас внезапно настиг тяжёлый кризис самоидентификации в свете неожиданно открывшихся сентиментальных обстоятельств, которые... – тут Доля щелкнула пальцами, и рот дракоши плотно склеился, словно его намазали моментальным клеем.

– Спасибо! – от всей души поблагодарила я, и отвесила низкий русский поклон.

– А ты, дэвица, лучше сама накинь платок на роток, иначе будешь следующая. Так вот, слушай меня и не перебивай! Расскажу тебе всю правду, ничего не утаю. Божество Фатумор сменяется каждые двести лет. В последний раз оно сменилось всего лишь сто лет назад, и потому меняться сейчас не должно было. Но многие были недовольны нынешней властью. По всему Ковру Миров прокатились войны, революции, да ты и сама знаешь. Вашему миру знатно досталось на орехи. Одних только мировых войн ажно две за последний век.

Я молча кивнула.

– Потому лишние сто лет ждать никто не стал. И драконы, что были особенно обижены Судьбой, устроили смуту. Во главе мятежа

стоял Азар, который раньше был ректором нашей академии. А нынешний ректор Горал был его самым близким другом. Азар должен был стать мужской частью Фатумора. А женской частью, богиней Макошей...

– Одна из студенток академии. Вы говорили уже, – осмелилась перебить я Долю.

Мне это уже все рассказывали! Стоило ли из-за этого тащить меня иглессиас... гхм... черт знает куда!

– Ишь, нетерпеливая какая! – Доля обиженно поджала губы. – А ты не несись скачками да по кочкам, охолони малость. Я тебе не все рассказала. Часть утаила. Вот сейчас и поведаю. Ты ведь не знаешь, как девицы да парни в академию попадают. И почему их Зеркало Судьбы золотыми нитями метит, да за своих признает. А все потому, что фатумы, боги судьбы не могут с фатальями деток зачать. Таков великий закон Вселенной. Но откуда тогда новым богам судьбы братья? Поэтому они заводят шуры-муры с женщинами разных рас. А те потом от них беременеют, и деток во взрослом возрасте Зеркало Судьбы ищет, и в академию забирает.

– Как это? – прошептала я. – Да быть не может! Значит, моя мама... да ерунда! У меня же папа был! Родной. Биологический, в смысле!

Милокот громко хмыкнул и принялся точить когти об ножку гигантского гриба. А дракоша опустил глаза вниз и закрыл лапками лицо.

– Я понимаю, милая, – мягко произнесла Доля. – Это тяжело. Сердечко твое сейчас испуганной птахой в груди бьется. Но правда – она в том, что твоя мама была влюблена в другого до свадьбы. Ну и понесла от него. Только пропал он. Сгинул. Растворился, едва узнал, что ты уже у мамы в животе живешь. Потому как задание свое выполнил. А тот, кого ты за отца считаешь, был редкой порядочности человеком. Он тебя за свою родную кровиночку признал, поклялся, что никогда тебя этим не попрекнет, и на твоей маме женился.

Земля вдруг как-то сама поплыла из-под ног и я плюхнулась на траву.

– Отдышись, красавица моя. Это еще не все! – Доля достала из кармана большущий пряник и сунула мне в руки. – Вот, поешь сладенького! Полегчает тебе.

10 Глава. Кажется, я влюбилась

– Не нужно, спасибо! – я отмахнулась от пряника. – Что дальше?

– А дальше, голуба моя, явил Горал свое истинную натуру, подлую личину свою, можно сказать. Задумал он сам стать Фатумором, причем давно задумал, с самого начала. А другом Азара лишь прикидывался. Зависть черная да горькая его сердце до косточек обглодала. Когда-то его род драконий был наделен королевской властью над семи мирами Коврами Судьбы, и слыл самым известным и могущественным во всех мирах. Так и звали их Великими Драконьими Королями семи миров.

Но предки Азара дедов Горала с трона сместили. И Горал прикинулся, что согласен, чтобы так все до конца веков и было. А сам план мести вынашивал. Как только свергли Фатумора, он убил его, чего Азар не хотел. Азар думал просто заточить Фатумора в темницу. Горал переиграл Азара, смерть лютую ему приготовил, да только сбежал Азар, и с тех пор прячется. Но самое главное: похитил Горал Прялку Судьбы. Ту, что к Зеркалу Судьбы привязана была. Когда Фатумор смотрел в Зеркало Судьбы, в нем появлялась золотая пряжа, которая превращалась в золотые нити, идущие из сердца Судьбы. Эти нити попадали в Прялку, и золотая нить ткала Ковер Миров. А теперь Прялка спрятана, нитей мало, на всех не хватает. А пока Судьба не производит новую пряжу, ее становится все меньше. Поэтому до выбора нового Фатумора введен режим экономии нитей Судьбы во всех мирах.

– Судьба экономит? Тоже мне новость! – хмыкнула я. – Может, для вас всех это невидаль. А для меня правда жизни моей бедовой. Для меня Судьба вообще режим карточек ввела. Хотя другим она плюшки подбрасывает. Пэрис Хилтон, например, живет и не бедствует. Хоть и дура, зато знала, в какой семье родиться.

– Понимаю я, девочка, грусть-кручину твою. Только на чужой каравай рот-то не разевай.

– На чужой? – я не выдержала и кулаком с размаху стукнула по ножке гриба.

Милокот от неожиданности пискнул и взлетел по ножке вверх на шляпку.

– Это мой каравай! Мой папа точно бы стал олигархом. К этому все шло.

– Не стал бы, – тихо сказала Доля. – Не позволили бы. Твою судьбу заранее просчитали да скроили. Ты – дочь самого Фатумора. Того, что Горал убил.

Земля как-то странно качнулась и ушла из-под ног. Небо перевернулось и упало на меня, придавливая всей своей изумрудной тяжестью.

– Алиса! – дракоша метнулся ко мне, и, ухватив за секунду до падения, истерически замельтешил крыльями, пытаясь удержать.

Доля пришла ему на помощь и подхватила меня с другой стороны. Вдвоем они уложили мою ватную тушку, ставшую вдруг неподъёмной, на мягкую траву.

– Я-то думала, что ты крепче, – Доля обеспокоенно подложила руку мне под затылок. – А ты кисейная барышня, оказывается. Хрясь – и с ножек скувыркнулась.

– От таких новостей кто угодно завалится, – огрызнулась я. – Всегда знала, что живу не своей жизнью. Доктор Чуйка мне это регулярно нашептывал. А теперь выясняется, что мою настоящую просто подменила Судьба. У меня украли мою жизнь и вместо это впарили чужую.

– Такие ощущения бывают у всех, – сказала Доля. – Многие чувствуют, что это не их жизнь, не их судьба, но изменить ничего не могут.

– Верните мою жизнь! – я вскочила на ноги. – Я. Хочу. Назад. Свою. Жизнь.

– Ничего нельзя вернуть, девица, – Доля поднялась и отряхнула от травинок сарафан. – Но можно скроить заново. И для этого ты и нужна Азару и всем нам. Только ты можешь заставить Горала вернуть Прялку.

– А в космос без скафандра слетать не нужно, нет? Если что, вы не стесняйтесь. Я могу и мир спасти по дороге. Чего уж мелочиться? Просто подойти к Горалу и вежливо попросить его отдать Прялку. И знаете, что-то мне подсказывает, что он сразу согласится. Может быть, он даже этого ждет. Главное: сказать ему "пожалуйста".

– Ты не ерепенься, милая, а слушай. Горал не знает, кто ты. Но догадывается, нюхом чувствует, что ты особенная. Вокруг тебя вертится. Всё узнать пытается, что в тебе такого необычного. Это интуиция, каждому сильному магу присущая. А Горал очень сильный маг.

– Ага. Это я уже поняла, что он ко мне неровно дышит.

– В том-то все и дело, голубица моя. Что нам не надобно, чтобы он неровно дышал, а надобно, чтобы он в тебя влюбился по уши. Только тогда он откроет свое сердце.

– А мне и с закрытым не дует, – мрачно пояснила я.

– А всем остальным совсем худо, когда его сердце закрыто. Потому что Прялка Судьбы в его сердце спрятана.

Что-то Доля совсем заговорила. Бред какой-то!

– Как можно в сердце спрятать Прялку? – я едва удержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска.

– Можно. Если дракон уверен, что ни одна живая душа до его сердца не доберется, – Доля взмахнула рукой и из ее рукава выпорхнули крошечные сердечки и хороводом закружились возле меня. – Сердце каждого мужчины – это целый мир. Вселенная, можно сказать. А ключик в руках только той единственной, что эту Вселенную отопрет. А дракон в любви остается мужчиной: сам выбирает, кому сердце отдать. Вместе с Прялкой. И кого сделать богиней. Как любой мужчина, в сущности. Ты ведь хотела сердце своего олигарха заполучить, чтобы он тебе весь свой "Форбс" на тарелочке с голубой каёмочкой преподнес? И с драконом так же. Только вместо "Форбса" у него Прялка Судьбы. Но пока выбор его не в твою пользу. Шамтару он выбрал. Еще не влюбился в нее, но уже пытается. Сам себя уговаривает, что она ему будет лучшей парой.

– А разве можно по заказу влюбиться? – спросила я.

– А разве мало таких? – ответила Доля вопросом на вопрос. – Тех, кто думает, что любят, потому что правильно выбрали? И живут они так долгие годы с закрытым сердцем. И сами себя уговаривают, что лучшей партии им не найти. Вот ты, милая, например, уговорила себя, что лучший жених для тебя – олигарх Демидов, рыбец твой золотой, и других-то и не замечала вовсе.

Одно сердечко попало мне в глаз, и я зажмурилась. И вовремя. Голова просто взорвалась от боли. Влюбить в себя дракона! Да еще того, кто убил моего отца? Неважно, что я этого Фатумора в глаза не

видела. И что папаша мой, исполнив свой долг осеменителя, благополучно отбыл греть филейную часть на троне. К нему я никаких чувств не испытывала. Да и отец ли он мне? Нет! Мой папа был женат на моей маме. И он погиб, когда мне было пять лет. Других отцов мне не нужно. Точка. Конец сообщения. А вот мама... знала ли она, в кого была влюблена до свадьбы с папой? Бедная моя! Как же мне ее не хватало! И раньше не хватало, но сейчас особенно. Я до сих пор помню ее руки: теплые, ласковые, нежные. Наверно, у Бога такие же. Помню, как она мне косички заплетала, а я сидела у нее в ногах на ковре. И так хорошо мне было! Так спокойно! Сейчас бы сесть так же у ее ног, прижаться к коленкам, а потом заварить чаю, и говорить, говорить, говорить. Она бы точно что-то придумала бы. Я знаю. Но вместо этого все приходится делать самой. В том числе очаровать дракона, с которым мы регулярно играем в игру "утюжок": я на него плюю, а он шипит.

– Шутка ли? – кажется, я произнесла это вслух. – А если дракон меня просто убьет, чтобы не заморачиваться?

– Не может он тебя так просто убить. Боится он тебя. Самый главный закон Ковра Миров гласит: нельзя убивать ключевые фигуры узора. А ты ключевая. Нельзя тебя просто из общего рисунка взять и убрать – весь узор рассыплется. А если бы ты не была ключевой, то и Зеркало Судьбы тебя не признало бы.

– А мы поможем, – зачастила Доля, кружась возле меня. – Мы научим. Все расскажем. Азар тебе пособит, покажет, как дорожку к драконьему сердцу протоптать.

Азар. Снова он. Я еще его не видела, но он меня уже бесит.

– Азар, Азар, Азар! – я с яростью ковырнула траву, комья земли полетели в разные стороны. – Да кто он такой ваш Азар, чтобы мной распоряжаться? Я его и не видела ни разу.

– Ой ли? – вдруг звонко засмеялась Доля.

А Милокот свесился со шляпки гигантского гриба, зацепившись за нее задними лапками, и захихикал.

– А тот, что незнакомец, что приходил к тебе в жарком девичьем сне?

– Это... – у меня вдруг перехватило дыхание.

– Он самый, – кивнула Доля. – Азар и есть. Я гляжу: ты уж и дышать перестала. И заалела вся маковым цветом. Небось, нравится он

тебе? – Доля подмигнула.

Я промолчала, усиленно рассматривая травинки под ногами.

– Вот и славно! – Доля хлопнула в ладоши, и Милокот, сорвавшись вниз с гриба, скрылся в ее браслете. – Заболтались мы, голубица моя. Боюсь: лепрекон тебя хватится. Он племени вредного, наушничать любит. Как что – сразу к ректору бежит докладывать. Спешить тебе надобно, красавица моя.

– Подождите, а как же я найду этого Азара?

– Он сам придет. И сам тебя найдет. Жди, милая. Долго кручиниться не придется.

Нистар схватил меня за руку и потянул, поторапливая. А я все не решалась уйти. Доктор Чуйка буквально метался внутри меня, подсказывая, что они снова чего-то не договаривают. Все ладно, складно, только посреди пазла торчит большущая дыра. И пару деталек прилеплены вверх ногами. Только вот какие? У меня в голове такая каша, что я с трудом вспоминаю, кто я, откуда и как меня зовут. Да и в этом я не уверена. Мой отец – Фатумор. То есть, я дочь самой Судьбы фактически. Ушатай меня, Китай!

– Побежали, Алиса, быстрее, не мешкай! – Нистар тянул меня к выходу из ботанического сада.

А я бы так и осталась в этом саду. Ибица сердце... как там в списке замен? О, великий Ковер Миров, как я взволнована!

– Подожди-ка, мелкая ты заноза, партизан недопрятанный, – я вырвала руку из лапки Нистара. – Это что же выходит? Если мой папа – бывший Фатумор, то есть дракон, то и я наполовину дракон? А я-то думаю: что это ты там, в кабинете у Горала пищал, когда он тебя почти придушил? Только все спросить забываю. У меня же что ни день, то сплошные тайны мадридского двора.

– Так и есть! Ты – наполовину дракон.

– Да? И почему я не могу тогда устроить этому огнеплюю ректору маленькую локальную Хиросимку? Где у меня огонь, когти и прочие причиндалы?

– Дурочка, – рассмеялся дракоша. – Я – твои причиндалы! Фамильяр ведь часть души. Поэтому у тебя фамильяр дракон, а не бабочка или ёжик. Дракон – это не когти и хвост. И даже не столбы пламени. Дракон – это жадная и нетерпеливая натура. Грубая сила, сметающая все на пути к цели. Слава Судьбе, что у тебя когтей и

хвоста нет. И что ты не умеешь изрыгать пламя. Иначе ты бы весь Ковер Мироздания сожгла на пути к распродаже в твоём этом... как его... вспомнил! В ЦУМе.

Ах ты, горе-горюшко мое! Бедовая моя девочка! Как оно всё ладно скроено, когда на словах. А главного-то я, Доля твоя, тебе и не поведала. Влюбить в себя дракона – это половина дела, и полбеда. С этим ты, может, и справишься с нашей помощью. А главного своего предназначения тебе и не узнать, пока ты сама с этим не столкнешься. И тут мы ничем помочь не можем. Только ждать да гадать: получится ли у тебя выполнить самое сложное задание или нет?

Дойдешь ли скачками да по кочкам до главной цели. А с твоей драконьей жадностью и истинно драконьим упрямством до цели этой ты можешь и не добраться. И тогда и ты погибнешь, и мы вместе с тобой, и весь Ковер Мироздания. Всё прахом пойдет. Эх! Вся надежда моя только на твою человеческую половинку. Я, Доля, прошу богов Первичного Хаоса: не подведите нас, родимые! Разбудите Алису и дайте ей сил!

Я не помню, как добралась до музея, причем вовремя. От всего услышанного меня колотило, и ноги отказывались повиноваться. Дракоша, наплевав на осторожность, буквально тащил меня на себе. Подхватив меня под руки, он с такой скоростью и силой бил крылышками по воздуху, что прохожие разбежались в разные стороны, придерживая шляпы, которые норовили слететь с их голов.

– Это чегой-то с ней? – Камцан подозрительно ощупал меня глазками, когда мы с дракошей присоединились к группе.

– Синдром внезапной усталости случается с неокрепшими умами при столкновении с чужим незнакомым миром. Органы чувств и механизм когнитивного познания, работая на износ и силясь дать достоверную картину мозгу, забирают все силы...

– Заткнись, забодай тебя единорог! – грубо перебил его лепреккон. – У меня от тебя мигрень случилась. Я одного не понимаю: как тебя занесло в её фамильяры? Она столько умных слов даже после бочки эля не выучит!

– Неправда! – горячо возразил дракоша. – Её скрытый потенциал...

Тут лепреккон стащил с себя башмак и бросил в Нистара. Дракоша бросил меня и испуганно вспорхнул на высокий оконный карниз,

подальше от Камцана. А тот засунул палец в ухо, от души ковырнул там, прочищая, и гаркнул:

– Всем построиться и марш в транспорт, дурынды разноцветные, тролль вас задери! Мы едем домой. Молча едем! Молча! – он задрал голову и бросил свирепый взгляд на дракошу.

Отказавшись от ужина, да, и такое случается, и даже со мной, я рухнула в постель и отключилась. Меня разбудил яркий голубой свет, который бил в закрытые глаза из моего браслета. По зеркальной поверхности метались какие-то цветные сполохи. Это еще что такое? Я всмотрелась в браслет, и... увидела там лицо того самого незнакомца. Азар! Это был он. Азар улыбнулся мне и махнул рукой, приглашая за собой.

Вот это засада! Я ведь в ночной рубашке и ненакрашенная! И, главное, я даже мусор всегда выносила при полном параде: с прической и макияжем. Потому что как говорила наша детдомовская повариха:

– Никогда не знаешь, когда может случиться мужчина.

Поэтому я свято следовала ее мудрым советам, но сейчас мне это не помогло. Ангидрит мою перекусил... извини, дракоша, мне сейчас не до церемоний и списков замен!

Я отползла к стене, прикрываясь одеялом и прошептала:

– Дайте пять минут! Мне неловко. Я не одета.

Азар молча кивнул, приложил палец к губам и скрылся в зеркале. Ага! И так понятно, что нужно все делать по-партизански. Я слетела с кровати, ринулась к шкафу, содрала с вешалки первое, что попало под руку: длинное молочно-белое платье фасона "барышня-крестьянка", все расшитое по подолу кружевами.

Метнувшись в ванную комнату, быстро дала себе пару хороших сильных пощечин. Лицо сразу покраснело, а глаза заблестели. Отлично! Я пару раз чесанула щеткой по волосам. Нормально, живенько и естественно, теперь макияж. Хорошо, что платье в таком стиле, что под него чем меньше краски, тем лучше. Пару взмахов большой кистью для румян, чуть-чуть туши. И, главное, помада. Нежно-розовая с легким блеском. Ну, ничего так... вполне свежа.

Я вылетела из ванной на середину комнаты. Вдох-выдох! Сердце так бьется, словно я марафон бежала. Откуда это волнение?

Застенчивость никогда не была моим главным качеством! Я шепнула в браслет:

– Готова!

Зеркало снова пошло рябью, из него зазмеились золотые нити. Они опутали меня, подхватили и втащили внутрь.

Я оказалась на лесной поляне, окруженной огромными деревьями. С четырёх сторон поляну обрамляли четыре водопада. Ярко-бирюзовая вода тихо шумела, стекая в крошечные озерца, в которых весело плескались девушки в венках из живых цветов на волосах и разноцветных сарафанах.

Посреди поляны горели костры. И через них прыгали девушки, звонко хохоча и подбадривая друг друга.

– Ну, здравствуй, Алиса! – раздался за спиной мягкий бархатный мужской голос.

Я медленно повернулась, и... буквально утонула в лисьих, чуть раскосых зеленых глазах.

– Я – Азар, – он взял меня за руку, осторожно, бережно, как будто я фарфоровая и сейчас разобьюсь, и поцеловал в запястье.

У меня сперло дыхание. Никто и никогда не целовал мне руку. Тем более так осторожно и нежно. Его что к розетке подключили? Каждый его жест, каждое слово отзывается во мне ударом тока. Да что со мной такое?

– Оччень... ппприятно... – заикаясь, пролепетала я, и мысленно дала себе по физиономии.

Да очнись же, Алиса! Это же просто глупо. Всего лишь мужчина. Ну ладно, красивый. Ну ладно, самый лучший. Практически идеальный. Как для меня лепили. Прямо по заказу. Мама дорогая! Кажется, я влюбилась! Откуда-то послышалась веселая музыка. Девушки собрались посреди полянки, разбились на пары и начали лихо отплясывать, высоко поднимая подола длинных сарафанов.

Коляда, караселка, Коляда, красная девка,

Коляда, не садись близко, Коляда, близко к дорожке*

Высокие мощные женские голоса хором выводили забавные слова под залихватскую скоморошью мелодию. Азар вдруг подхватил меня, и, улыбаясь, закружил в танце.

– Что это здесь происходит? – смеясь, спросила я. – Вечеринка в стиле техно-этно?

– Праздник Макоши, – ответил он. – Макоша – великая Богиня Судьбы, знает тайну судеб и требует, чтобы человек шел по выбранному им пути. Макоша – женщина, и потому изменчива. Может принести и радость и горе. Милует и награждает она только сильных духом, борющихся за счастье. Таким она дает выход из самых безнадежных положений, если человек не отчаялся, если идет из последних сил, если не изменил себе и мечте. А ты готова к этому, Алиса?

Что ему сказать? Я сейчас на все готова, только бы он держал меня за руку, чуть склоняясь ко мне из-за высокого роста. Лишь бы обнимал за талию, как сейчас, ведя в танце. И пусть играет эта смешная мелодия, а женский хор выводит:

Коляда, возьмут тебя, Коляда, повезут тебя
Коляда, продадут тебя, Коляда, Коляда
Коляда, будут ехать, Коляда, купцы и боярцы,
Коляда, посадят тебя, Коляда, в зелену карету

– Да, готова, – прошептала я и окончательно утонула в его глазах.

А я ведь и не ходила никогда на настоящее свидание. Всё некогда было. Охота за золотыми рыбцами – дело хлопотное и отнимает всё свободное время. И каждое свидание в этой охоте – как деловая встреча. Главное было познакомиться с очередным богатеньким буратино и прощупать: может быть, он как раз и возьмет в жены. А если не вышло и золотой рыбец занят, то пококетничать, чтобы чем-то помог в жизни. Ничего такого пошлого я не допускала. Легкие обжимания и поцелуи – это максимум. Кстати, целоваться я всегда ненавидела. Но дальше дело не шло. Потому что свою девственность я должна была продать подороже. И самое главное в этом бизнесе, потому что иначе его и не назовешь – было вовремя смыться. Пока не перевели из вертикального состояния в горизонтальное. Я на часы всегда смотрела, как собака на кость. А минуты все тянулись и не заканчивались.

А сейчас мне хочется, чтобы время остановилось. Впервые мне хорошо от общения с мужчиной просто так, а не потому что он – олигарх. Хотя Азар не просто красив. Он еще великолепно одет. Где-то внутри меня калькулятор статусности по привычке продолжал щелкать, автоматически прикидывая, сколько стоит его наряд: тончайшая белая льняная рубаша, чуть распахнутая на мускулистой

груди, а на руке перстень, за который можно купить весь Воледуйск, и еще на область останется.

В животе странно тепло. Где-то внизу. И сердце бьется. Пульс, как на беговой дорожке. Это и есть любовь? Да нет! Быть не может. Не для меня все эти шуры-муры и разлюли-малина. Любовь придумали богатые. У них для нее есть время и ресурсы. А такие, как я, должны четко понимать: фантазии отдельно, житуха наша скорбная отдельно. Как пела вечно голая и оттого бессмертная, как Кашей, но очень мудрая Мадонна: "я материальная девушка в материальном мире".

Смешивать фантазии про амур и жизнь нельзя. Я сама люблю киношки плакательные про любовь. "Сумерки" с "Титаником" до дыр засмотрела. Но это там, на экране, страдает девушка, которой не нужно платить за съемную квартиру, ходить в парикмахерскую, прикрывать кардашьян гламурным шмотьем и быть в тренде. Она сама тренд!

Вот дочки богатеньких буратин, отплясав на своих гламурных пати на Ибисе, могут себе позволить биться в страстях. Или задротки – серые мышки, что выглядят, как мои неприятности, но живут любовями.

*в романе использована композиция "Коляда" (Ай, зайнька) группы "Иван Купала". Ее можно послушать на ютьюбе.

Была у нас одна девочка в детдоме. Всю библиотеку перечитала. Всё про любовь вздыхала. Очкастая такая, рыхлая, вечно не покрашенная. Видела я ее после выпуска. Иду по нашему Волчедуйску, перед поездкой в Москву прощаюсь с местными достопримечательностями: лужами на главной площади, в которых бульдозер поместится, да алконавтами у магазинов.

А она книжечками торгует с лотка. Сидит такая вся, курточка на ней убогая, двоюродным братом Доширака на коленке сшитая, сапоги потертые, очки, как у Крупской из фильмов про революцию. И из кулечка булочку по кусочку тянет. А рядом пирожками торгуют. А у нее булочка с собой, значит, и на пирожок с бациллами даже не заработала. Но зато личиком в книжку уткнулась. А на обложке знойный мужик с кубиками на торсе грудастую тетку облапил. А моя бывшая однокашница кубики только бульонные и видела. Но все равно на бледной мордахе написано громадными буквами, что весь наш реальный мир для нее существует. Ей бумажного рая за глаза хватает.

А я и не дочка олигарха и не мышь серая. Мне о будущем думать надо. Считать и выгадывать. Для меня любовь выражается в восьми нулях на банковском счету. Я вот рыбка золотого Демидова как увидела – так и влюбилась без памяти в его кошелек. Аж ночью он мне снился, весь из натуральной змеиной кожи и с бриллиантовой монограммой. У кого-то влажные фантазии, а у меня сухие и шуршащие. Как вижу американского президента на зеленом фоне, так у меня пустой кошелек просто дыбом становится и калькулятор на телефоне так твердеет, что хоть дрова им руби!

И как так меня накрыло? Смотрю на этого мужика и в первый раз в жизни не считаю караты на часах. И кончик моего носа хищно не двигается, как у мыши, пытаюсь распознать запах парфюма. Ну это чтобы мысленно прикинуть, сколько он стоит и где куплен. И чертovsky бабочки порхают в животе. Кто придумал эту чушь? Почему в животе? В трусах они у меня. В трусах! Там все сухопутные войска враз стали влажнопутными. Там проснулся мой главный козырь, который я берегла для рыбки. И, кажется, этот козырь сейчас самостоятельно отправится искать приключения на нашу общую голову! Хоть сообщение ему посылай: "Привет, грабли, это опять я!"

Вдох-выдох. Алиса, держись! Пришла беда, откуда не ждали! Сколько я за двадцать лет своей жизни манипулировала этой частью тела у золотых рыбок! И тут она пытается манипулировать мной – расквadrat ее гипотенузу! Что происходит, ушатай меня, Китай? И тут я вдруг ясно поняла, почему меня так накрыло. Азар смотрел мне в глаза. В первый раз в жизни! А я к такому не привыкла. Хотя глаза у меня красивые. Большие и голубые. Я даже айлайнером никогда их не подвожу, потому что они тогда вообще на пол-лица становятся, как у коровы на лугу. Просто тенями мажу и тушью активно – это да. Тушь я люблю. И все равно мужики на мои глаза внимания не обращали, зато сразу быстро ощупывали жадными глазками стратегически важные места: кардашьян, ноги, грудь. И высчитывали, куда им приземлиться! И с какого космодрома их ракета взлетать будет.

Я себя иногда чувствовала чёртовым Байконуром! Потому что у мужиков при взгляде на меня в организме шел такой процесс, точно как по телеку, когда космический корабль взлетает. Взгляд на мою попу – отпала первая ступень. На ноги – вторая. С третьей ступенью обычно отпадал мужской мозг. Фейверк – и пошёл его космический

корабль вертикально подниматься в небо. Да с такой сверхкосмической скоростью, что они, мужики, ножку на ножку клали, или салфетку на колени, или телефон, чтобы свою любовь к космонавтике хоть чем-то прикрыть. А Азар все время смотрит в мне в глаза, словно у меня все другие части тела невидимые. И мягко так улыбается одними уголками губ. Мона Лиза ты моя ненаглядная!

Я так задумалась, что даже не заметила, что девушки уже не танцуют, а что-то высматривают в траве.

– Пойдем, Алиса! – Азар осторожно увлек меня к ним.

Мы с ним опустили на колени.

– Видишь это? – он отыскал в траве серебристый стебелек, украшенный кроваво-алым, как рубин, цветком, похожим на крошечное сердце.

– Какая красота! Никогда такого не видела. Что это, Азар?

– Это трава называется "драконий морок", – он бережно погладил красное сердечко. – Она цветет один раз в год, в праздник богини Макоши. И найти ее может только невинная девушка или тот мужчина, в которого она влюблена. Но только если эта девушка с ним рядом стоит. И от ее сердца жар исходит, пламя любовное, от которого цветочки-сердечки из-под земли выглядывают. Отдашь эту траву Доле. Она тебе все расскажет и поможет сварить зелье.

Он хлопнул в ладоши и девушки со всей полянки потянулись к нему, отдавая охапки травы.

– Возьми, Алиса! – он протянул мне букет.

– Смешно, – улыбнулась я, протягивая руку. – Целый букет сердечек и всё для меня одной. А мне бы и одного сердца хватило.

– Я даже знаю, какое сердце тебе нужно. Оно уже твоё! – он вдруг обнял меня и поцеловал в губы.

Поцеловал очень нежно, но крепко. Я задохнулась, земля поплыла под ногами. Его губы были мягкими, горячими, манящими и при этом требовательными. Они вмиг выкачали из меня весь воздух и не давали вздохнуть, как в открытом космосе. Но я бы в нем плыла и плыла долгие годы, дрейфуя от звезды к звезде, дотрагиваясь руками до метеоритов. И не нужен мне воздух. Мне нужен только его космос! Я обхватила его широкие плечи двумя руками, и... проснулась в собственной кровати.

– Азар! – я скатилась с кровати, запуталась в одеяле и длинном платье, отчаянно пытаюсь освободиться.

– Что с тобой? Приснилось что-то? – дракоша обеспокоенно закружил вокруг меня.

– Не приснилось, – буркнула я, пытаюсь развернуть одеяло и одновременно не порвать платье. – Я была с Азаром. Только не изображай, что ты не знаешь! Нистар, мне надоело твое вранье!

– Сколько раз тебе повторять: я не вижу твои сны. Сны – это очень личная и метафоричная интерпретация событий, которые...

– Сейчас убью! – пообещала я с таким видом, что он сразу поверил и замолчал.

– Давай я тебе помогу, – примирительно сказал он, зубами взял одеяло за краешек и осторожно потянул.

И тут же изумленно замер.

– Это что? – он показал на мои босые ноги, выпачканные травой.

– Дошло, наконец-то, как до жирафа на третьи сутки! – облегченно выдохнула я. – Я же тебе говорю: я была на свидании с Азаром, и это не сон. Он мне даже цветочки подарил. Где же они? – я принялась копаться в одеяле, собирая серебристые травинки с сердечками, забившиеся в шелковый пододеяльник.

– Это же... – при виде травинок у дракоши перехватило дыхание, а глаза буквально на лоб вылезли. – Не верю! Не верю! – он схватил травинку, понюхал и поднес к глазам, внимательно рассматривая.

– О, великий Фатумор! – он метнулся вверх, как вертолет, абсолютно вертикально, и стукнулся головой об потолок.

Запищав от боли, дракоша маленькой бомбочкой рухнул на постель, разметав подушки. Перевернулся на спинку, раскинул ножки, и так и остался лежать, поднеся к выпученным от изумления глазам травинки. При этом его ручки с золотистыми коготками мелко дрожали.

– Эй, Гагарин! Ты связь с землей-то держи! – я вытащила его из постели и пару раз осторожно встряхнула.

Ни разу не видела его в таком состоянии. У него аж глаза закатились, как у припадного. Не то от страха, не то от восторга.

– Ах, великий Фатумор! Ах, великая Судьба и ее милости! Ты даже не представляешь, что держишь в руках!

Как это не представляю. Это цветочки от красивого парня. Тоже мне загадка природы!

– А чего это ты так возбудился, Нистар?

– Да ты не понимаешь! Это же "драконий морок"! Я думал, что его вообще не осталось. Драконы за ним охотились по всем мирам, где он растет, а их немало, поверь мне, и планомерно уничтожали. Даже в книгах по магии "драконий морок" упоминается как исчезнувшее растение. Я глазам своим не верю! – он поднес травинку к мордочке и понюхал. – Да, это он! Не подделка! У него очень специфический аромат. Он пахнет вербеной и ванилью одновременно! Такое подделать нельзя!

Я понюхала травинку. Ну да, запах приятный. Не спорю.

– Но с чего такой ажиотаж? Почему драконы так его боятся?

– Потому что если сварить из этой травки зелье и дать выпить дракону, то зелье останется в его крови в течении тридцати дней.

– И что? Его тридцать дней колбасить будет? Драконы по этой травке тащатся, как удав по пачке дуста, да?

Дракоша завис передо мной в воздухе, возбужденно суча ножками, и прошептал:

– Та, что даст дракону выпить зелье из дурман-травы, получит над ним невиданную власть. Она увидит задраконье так же ясно, как замужикалье.

– То есть, ты хочешь сказать... – у меня задрожали ноги и я с размаху плюхнулась на ковер, – что драконом можно управлять так же, как обычными мужиками, если есть инструменты Судьбы?

– Я хочу сказать, что тебе подарили уникальный шанс выиграть отбор и стать Богиней Судьбы Макошей! Но только в том случае, если ты все сделаешь правильно.

Легко сказать! У меня вот с правильностью поступков как раз таки с детства большая проблема.

– А как зелье варить? – я почесала в затылке. – Есть какой-то рецептик? Что-то вроде кулинарной книги магических рецептов-пятиминуток? Типа, плесните колдовства на раскаленную сковородку?

Интересно, если бы я такое загуглила, живя в Москве, вот бы папа Гугл удивился! Тут у него все серверы и накрыло бы.

– Даже не думай! – дракоша испуганно замахал лапками. – Тут не каждый опытный маг справится! Нужно срочно повидаться с Долей. Я

сейчас! – он метнулся в браслет и скрылся в зеркале.

А я продолжала тупо сидеть на ковре. Нужно хоть переодеться, а то сижу в этом платье, как невеста без места. Едва я приподнялась с ковра, как из браслета брызнули во все стороны золотые нити, сложились в большой кокон, а в нем появилась Доля, держа в одной руке Нистара, а в другой Милокота.

– Дай поглядеть! – Доля протянула руки ко мне, и Милокот с дракошей выпали из ее рук и шлепнулись на ковер друг на дружку, пирамидкой.

Схватив букет травинок, Доля обнюхала их, лизнула и заявила:

– Она, родимая! Дурман-трава для супостата ректора! – в ее голосе послышались нотки ликования. – Вот только кто зелье сварит? Здесь особое искусство требуется. Ошибешься чуток, всего на полщепотки, и все. Пропало ценное сырье.

– Ммммм.... Один всего такой имеется искусник, – промурчал Милокот и вылез из-под дракоши.

– Имеется, – подтвердила Доля. – Один-одиошенек. Вот только девица-то наша из того мира, который он на дух не выносит!

– Это вы о ком? – поинтересовалась я. – И что ему наш мир сделал? В суп плюнул или бизнес отжал?

– Еще нужно заклинание грамотно подобрать, – напомнил дракоша.

– С этим справимся, – отмахнулась Доля. – Отыщем даже на дне моря, главное: зелье сварить. А как нам уломать Пака? Он же упрямый, как черт! Как увидит нашу девицу – так старые обиды всколыхнулся.

– Да о ком вы? – не вытерпела я. – У кого это характер хуже, чем у меня? И кто такой Пак?

Все трое растерянно посмотрели на меня и рассмеялись.

– Ой, не могу! – Доля хлопнула себя по пышным бокам и все ее большое зефирно-сдобное тело заколыхалось. – У нее карахтер! – она так и сказала "карахтер". – Это ты еще Пака не видела! Вот у кого норов так норов! Хуже засохшего медового пряника, что в закромах с прошлогодней ярмарки завалялся. Об стену ударишь – вся изба развалится!

– Он что тоже дракон?

– Он – король лесных эльфов. У этого народа и так характер не сахарный, а Пак даже среди своих славится тяжелым нравом. Шутник

он и охальник, каких мало. Вот только шутки эти только его самого и забавляют. А другим от его потех горько и страшно становится.

Вот те раз! А я-то думала, что эльфы – это такие милые красивенькие существа. В магазинах сувениров такие куколки продаются с заострёнными ушками. А в реальности ничего милого в них, оказывается, нет. Какие же они все сложносочинённые в этих их колдовских мирах! Хотя что меня удивляет? В фильмах и мультиках феечки тоже такие чудесные и распрекрасные, а у наших в академии ножницы, как у Фредди Крюгера, и характер, как у Васгена, что напротив нашего клуба чебуреками торговал, ушатай их всех... Ковер Миров!

– Так что делать будем, красавы мои ненаглядные? – Доля вытащила из кармана сарафана леденцы и раздала всем присутствующим. – Не брать с собой Алису нельзя. Для зелья могут потребоваться волосы той, что охмурять дракона будет. Или еще чего.

Что значит, еще чего?

– Эй, я себя на запчасти не дам разбирать! Так и знайте! – я вжалась в стену.

– Ты нам пока целиком нужна, – хохотнула Доля. – Вопрос: как нам тебя к нему привести, чтобы Пак не осерчал? Морок наложить нельзя. Раскусит. Он сам на кого хочешь наложить морок может. Да такой, что возле дома в трех соснах заблудишься. Надобна нам такая волошба, чтобы эльф ее не опознал. А ну-ка думайте, голубы мои, что не видят эльфы?

– Гриммммм судьбы, – промурлыкал Милокот. – Его только фатуммммы и фаталы видят.

– Ах ты, красавица моя! – Доля подхватила его на руки и поцеловала в нос, отчего Милокот счастливо зажмурился.

– Там в наборе, кстати, есть пластический Грим. Можно налепить лишние части тела. И, например, сделать из нее летайю или арахну. Тогда Пак точно не догадается, что она человек, – подсказал Нистар и быстренько зашуровал к туалетному столику, в ящике которого лежал Грим Судьбы..

– Лучше арахну, – деловито сказал Доля. – Для облика ящерицы ее еще придется в зеленый цвет красить. А так четыре лишние ножки прилепим, и все.

– Ага! – я оглядела их всех, еще надеясь, что они шутят.

Но все выглядело вполне серьезно.

– А в бараний рог не хотите меня скрутить? – поинтересовалась я.

– Нет, ну мало ли! Вы не стесняйтесь!

– Ну что ты завелась? Пара лишних ножек, делов-то! А потом мы их уберем, – Доля сделала шаг ко мне.

– А и правда. Чего это я? – я пожала плечами и прыгнула в сторону.

Доля только успела руками в воздухе махнуть, а я уже была на пороге ванной. Но, в отличии от Доли и ее фамильяра, Нистар мой характер уже успел изучить. Поэтому клювом не щелкал, и когда я дверью хлопнула, успел подставить ножку между дверью и косяком, и буквально ввинтился в щель, просочившись в ванную.

– Не глупи, девка! Супротив Судьбы не попрешь! Ей нужно подсобить, а не сопротивляться, – принялась уговаривать меня Доля.

11 Глава. Когда я вырасту и стану великаном...

Вот если бы я сейчас была прежней и не пыталась перевоспитаться, то так бы им выдала, что весь Ковер Миров дружно рухнул бы в глубокий обморок. Но так как я сейчас барышня, то просто тихо прошипела в замочную скважину:

– Ни за что! Ни хэмингуя – с ударением на последний слог – на мне тренироваться! Прекратите пытки! Сейчас не тридцать седьмой год!

– Да разве же кто над тобой изгаляется, душа моя? – прожурчала через дверь Доля. – Мы же понарошку. Как потешники-скоморохи, что себе красный нос из картохи приделывают. Смоем потом Грим и лишние ножки отпадут.

Мне сейчас очень хотелось ей сказать какие выпирающие части тела отпадут у всех присутствующих, но я мужественно и сдержалась и лишь прорычала через дверь:

– А шнурки вам не погладить?

Дракоша тяжело вздохнул, погладил меня по голове и тихо прошептал:

– Ну и ладно. В конце концов нельзя требовать от людей невозможного. Бедная ты моя слабая девочка. Азар, конечно, с этим своим заданием переборщил. Думал, что ты справишься, рассчитывал на тебя, но ты не переживай! Можно ему потом объяснить, что это слишком тяжело.

Азар. Я вспомнила его глаза и губы. Его руки, что так нежно обнимали меня, когда мы танцевали. И мне стало стыдно. Он, наверное, наизнанку вывернулся, чтобы эту траву "драконий морок" для меня достать. Вон как все удивились, что ему это удалось. А я просто не справилась. Как всегда. Нельзя требовать от людей невозможного? Внутри закипела злость. Это для меня-то невозможно? На "слабо" меня берете? Да я до самого Демидова добралась. А много ли есть девчонок, которым это удалось? Все мечтают о принце. А я не просто мечтала. Я еще до него долетела. Пусть на бреющем полете,

как расхлябанный самолетик- "кукурузник", которой весь на лету разваливается, но летит же!

А дракоша меня в сбитые летчики уже записал. Что-то я в этой академии совсем раскисла. Вот что с людьми бывает, когда больше не нужно каждый месяц за московскую съёмную квартиру платить. Совсем булки расслабила в тепле и сытости. А ну-ка, Алиса, возвращайся в тонус! А то тебя жиры в новую жизнь не пустят. В дверь просто не зайдешь. Вдох-выдох, голову наверх, и пошла!

– Эй, люди, ладно, ваша взяла. Сейчас выйду. А вы главное отойдите в сторону, чтобы вас не зацепило ударной волной моей благодарности, – я решительно толкнула дверь и вышла из ванной.

– Ай, ты моя умница ненаглядная! – Доля счастливо засмеялась.

– Ладно, – я достала из ящичка туалетного столика Грим Судьбы и отдала Доле. – Только расскажите в двух словах, почему этот Пак так люто ненавидит людей. В конце-концов, я имею право знать.

– Потоммммму что один из людей жестоко посммммммеялся над промммммашкой Пака, – Милокот хихикнул и ехидно взглянул на Долю.

– Да ладно тебе! – отмахнулась она. – Это выдумки! Пака просто оболгали.

– Вильяммммм никогда не лгал, ммдаа! – возразил Милокот, смешно морща круглый лобик.

– Еще как заливал! Брехал, как сивый мерин этот ваш зубоскал и скоморох! – разозлилась Доля, и из ее рукава посыпались сухие пряники, дробно застучав по полу. – Не гневи меня, Милокот! – топнула ногой Доля. – Про меня тоже много чего рассказывают. И я обязана всем врачам верить?

– Я сейчас дико извиняюсь, потому что понимаю, что не ко времени, но все же не могли бы вы мне объяснить, о чем речь? – спросила я.

– О глупостях! – отрезала Доля. – А ты голову ерундой не забивай. И вообще любопытной Варваре под мостом нос оторвали! Не встречай, девка, куда не велено!

Ничего себе ее несет! А мне, как обычно, никто ничего не объясняет. Как же меня достали пафосные магические снобы, раскиндык... гхм... как там в списке замен? Ага, их поведение не соответствует моим ожиданиям!

– Не обращай внимания! – прошептал Нистар мне на ухо так тихо, что я едва разобрала, что он сказал. – Это ей Милокот напомнил про очень неприятный казус с Шекспиром.

У меня глаза на лоб вылезли. Ну Вильям Наше Всё тут при чем?

– Доля вообще терпеть не может писателей, – продолжил шептать дракоша. – Поэтому среди них крайне редко встречаются богатые и счастливые. Потому что она их старательно обходит стороной. Только если уж сам Фатумор захочет, тогда Доля им дает удачу. А по своей воле – никогда. А все потому, что они часто пишут о богах судьбы и о самой Доле тоже, и всегда не так, как ей нравится. А насчет Пака и вовсе конфуз вышел. Как-то давно, по-вашему в средние века, послал Фатумор Долю помочь влюбленным. А ей понадобилось зелье для этой пары. Она сама зелья варить не любит, ну и обратилась к Паку. Тот все устроил, зелье не только сварил, но и лично вручил сладкой парочке, и влюбленные счастливо соединились. И прожили в согласии много лет. Только историю эту услышал Шекспир, а он был известным шутником, да и привирал изрядно. Ну, он и написал пьесу "Сон в летнюю ночь", где Пак якобы перепутал зелье и вручил его не тем влюбленным. Весь Ковер Миров смеялся, читая эту пьесу. Даже лишенные чувства юмора гигантские горные тролли. Пак обиделся, поругался с Долей. А она так рассвирепела, что даже решила Шекспиру отомстить, и стерла все свидетельства о его реальной персоне. Потому что самого его убрать не могла – он нужен был Фатумору. Так она придумала скрыть его настоящую личность. Чтобы непонятно было, кому же почести за талант возносить. Но с тех пор писателей она просто на дух не выносит. И крайне редко им свои пряники да плюшки раздаёт.

– Ну что же! Приступим, помоляся! – Доля открыла набор Грима Судьбы и выдвинула снизу крошечный ящичек, который я давно заметила, но открывать побоялась.

Она извлекла оттуда две горошинки бежевого цвета, похожие на желе или...

– Это что силикон? – спросила я.

– Не знаю, какой у вас там филикон, – Доля дунула на горошинки, и они начали расти. – У нас это называется пластический Грим Судьбы. Из него лепят то, что нужно добавить. Девкам да мужикам для

красоты и удачи часто добавлять приходится, – она подмигнула мне и принялась шептать что-то, прижимаясь губами к "силикону".

– Ммммммужикам особенномммммм полезно добавлять, – хихикнул Милокот.

– Молчи, охальник! – зашипела на него Доля. – Ишь, развязал-то язык без костей! Смотри у меня: быстро укорочу, коли понадобится. Так, готово!

Ушатай меня... как же я восхищена! В руках у Доли болтались, постукиваясь друг о друга, четыре вполне симпатичные ноги, обутые в мягкие замшевые сапожки. И, главное, что формой они точь-в-точь походили на мои родные.

Доля подошла ко мне, приложила их к моим бедрам, и... ножки приросли. Я повернулась к зеркалу и у меня Ибица сердце перестало... то есть, моему удивлению не было предела. Я превратилась в арахну. И сама Акавиша сейчас бы не узнала во мне свою двуногую подружку.

Милокот вытащил из браслета Доли золотую нить и начал кружить возле меня. Дракоша запрыгнул мне на плечо. Нас окутал золотой кокон, и... мы вышли посреди лесной чащи. Нас окружали огромные деревья с толстыми стволами. Из-за густых крон, что закрывали небо, в лесу царил полумрак. Лишь каркали вдали вороны и тревожно ухали филины.

Прямо перед нами росло самое большое дерево размером с пятиэтажный дом, и с таким толстым стволом, что у его основания легко поместился домик с ярко-зелеными ставнями и дверью. Задней стеной домику служило дерево. На резном крылечке, уставленном цветочными горшками, сидели какие-то странные зверюшки, похожие на плод любви белок и бурундуков.

Едва мы сделали шаг вперед, как деревья справа и слева от домика ожили. Раздался противный скрип. В стволах прорезались сердитые мужские физиономии. Они вытянули вперед руки-ветки и перекрыли нам дорогу. Одно из них, то, что росло слева от домика, даже сложило пальцы-веточки кукишем и, наклонившись, сунуло нам в нос. Ничего себе прием!

– Неласково гостей встречаете, – пропела Доля. – Хозяин-то дома?

– Хозяин гостей не ждет. И вообще не любит, – злорадно проскрипело дерево, что показало нам дулю. – Его величество король лесных холмов заняты и никого не принимают.

– А ты, полкан, за бари́на-то не решай! – Доля щелкнула пальцами и в ее руках появился огромный поднос, расписанный под хохлому, на котором пыхтел здоровенный ирландский мясной пудинг размером с велосипедное колесо, а рядом с ним стоял запотевший глиняный кувшин с шапочкой искрящейся пивной пены.

– Мы гости желанные, долгожданные да с гостинцами щедрыми. Кликни хозяина – он обрадуется. А не позовёшь – на дрова пущу. И в печку Емели брошу. Она много дров жрет, а Емеле лень рубить, вот и подкину ему подарочек.

– Су́рова ты, Долюшка! – дверь домика распахнулась и на пороге появился Пак.

Росточка он был маленького, с кривыми ножками, похожими на засохшие сучки, а физиономия вредная. Чем-то смахивал на лепрекона, только телосложением тоньше. Из-под зеленого колпака торчали длинные ослиные уши. Он улыбнулся и нос картошкой утонул в округлых щеках. Туда же спрятались зеленые хитрые глазенки.

– Заходи в дом вместе со своей свитой, – он распахнул дверь и скрылся в домике.

– У тебя учусь, Пакушка! – пропела Доля, быстро поднявшись на крыльцо.

Я тоже поднялась на крыльцо, чувствуя себя чертовой Красной Шапочкой. Зловредное дерево напоследок показало мне средний палец. Да ушатай... то есть, покарай тебя Судьба! Деревяшка зловредная! Мне очень хотелось ответить ему тем же, но я мужественно сдержалась, лишь презрительно подняла бровь.

– Молодец, Алиса! Я тобой горжусь, – прошептал Дракоша, оценив мои усилия.

Домик Пака был, по сути, одной большой лабораторией. Единственную комнату почти полностью занимали большие пни, служившие столами, и сплошь уставленные колбами, бутылками, плошками и банками. Вся эта посуда кипела разноцветными жидкостями таких ядовитых цветов, что у меня по спине поползли мурашки.

– Не забыла мои пристрастия. – проворчал Пак, принимая из рук Доли поднос. – Но уверен, что ты не кормить меня пожаловала.

– Умен ты больно! – Доля льстиво улыбнулась. – Ну как тебя на кривой козе объехать, Пакушка?

Грубая лесть! Настолько, что в интернете ее бы назвали толстым троллингом. Потому что звучало это скорее, как насмешка. Тем не менее, круглая ряшка Пака расплылась в широченной улыбке.

– Да ладно тебе! – он смущенно ковырнул деревянным башмаком земляной пол.

– Здравствуйте, – вежливо сказала я, – меня зовут Алиса. Очень приятно познакомиться! – добавила я, натянув на лицо самую очаровательную из всех дежурных улыбок.

– Не волнуйся. Это ненадолго, – проворчал Пак.

– А это кто еще? – он обратился к Доле, предварительно ощупав меня подозрительным взглядом. – Не нравится мне ее мордашка. Смазлива больно. Уж не человек ли она часом? – в его изумрудных глазах полыхнули красные искры гнева.

– Побойся Судьбы, батюшка! Разве я бы позволила себе подобную дерзость? – всплеснула руками Доля. – Арахна она. Паучишка. Не видишь разве шесть ножек?

– Вижу, – Пак вдруг одним прыжком оказался возле меня и дернул меня сразу за две фальшивые ноги.

Нет, ну вот как тут быть интеллигентным человеком и барышней, затарахти его сказку?

– Слышите, вы, Буратино недопиленный, держите свои ручонки поближе к туловищу! – я хлопнула его по руке. – Забодай вас таракан! А то как зафеячу сейчас всеми шестью ножками прямо в главный сучок, так мало не покажется!

Пак расхохотался и примирительно проворчал:

– Забавная зверушка. И тельце ничего так. Ножки симпатичные. Ладно, выкладывай, Доля, как на духу, зачем пожаловала.

– Так потому к тебе и пришла, что только ты пособишь можешь в таком сложном деле. Другие-то и не справятся. Они просто мимозыри, – Доля продолжала лить сироп в уши короля лесных эльфов.

– Мимо кто? – шепотом спросила я Нистара.

– Мимозыри. Разини или неумехи, – пояснил он.

– А ты, батюшка, присядь лучше, а то сейчас как покажу с чем прибыла, так и ноженьки тебя не удержат. Неровен час важный орган повредишь.

Пак недоверчиво улыбнулся и уселся прямо в воздухе, причем так, словно сидел на удобном стуле.

– Ну и? – он нетерпеливо дернул ногой.

Доля вытащила из кармана широкого сарафана букетик "драконьего морока" и помахала перед носом Пака. Тот вытаращил глаза и рухнул на пол с глухим деревянным стуком. Я аж зажмурилась. Ну все! Сейчас он пизанется, как Пизанская башня, то есть... упадет, переломает себе кости и варить зелье будет некому. Но Пак словно не заметил падения. Он жадно схватил букет, обнюхал, лизнул красный цветочек в форме сердечка и прошептал:

– Чтоб мне пива в жизни не видать, это он! Дракониий морок – оприходууй меня тролль!

– А то! – хохотнула Доля.

– Да быть этого не может! Где ты его взяла?

– Не ко времени, батюшка, вопросы задаешь. Ты лучше скажи: можешь зелье сварить?

– Спрашиваешь! – возмутился Пак. – Да я последний в Ковре Миров, кто его в руках держал. – Только за бесплатно-то и прыщ не вскочит, ты же сама понимаешь. Половина букета моя, из твоей половины зелье сварю.

А я-то думала, что жаднее банков никого нет. А этот ёльф – дуболом деревянный, еще хуже, чем кредитный отдел, что разрешение на ссуды подписывает. Половину ему! Ага, сейчас! Только шнурки поглажу.

– А афедрон у тебя не треснет? – ласково поинтересовалась Доля.

– Афедрон – это старинное русское название попы, – шепотом пояснил дракоша.

– Ладно, – легко согласился Пак. – Треть, и три ночи жаркой любви с тобой и девицей, – он кивнул на меня и демонстративно поправил травяной пояс на штанах с таким видом, словно проверял на месте ли бриллиант.

Я аж подпрыгнула от такой наглости, но Доля и бровью не повела. Лишь уперла руки в пышные бока и твердо сказала:

– Четвертушка, и я тебя не огрею оглоблей. Так и быть.

– Ну за перси хоть дайте подержаться, – Пак жадно оглядел меня и Долю и облизнулся.

– За какой еще персик? – шепотом спросила я дракошу.

– Перси – это старинное и литературное название груди, – дракоша закатил глаза и тяжело вздохнул: – Алиса, я тебе еще один

список напишу, с книжками. Срочно закрывай черную дыру в образовании!

– Ну ладно, договорились, – нехотя сказал Пак и протянул обе руки за букетом. – Ждите, – он стащил с головы колпак, бросил его на земляной пол, и из-под пола выскочили пеньки.

Мы сели и принялись наблюдать, как король лесных эльфов колдует над колбами и дымящимися котелками.

– Только не ошибись, как в прошлый... ммммм.... раз, – промурлыкал Милокот.

Пак подпрыгнул и с его ресниц посыпались сухие травинки.

– Я не могу работать в таких условиях! – заявил он. – Когда завистники со всех сторон напоминают о гнусных сплетнях.

– Окстись, Милокот! – гневно выкрикнула Доля. – Это всё глупые пасквили продажных писак, которые за кусок хлеба да за миску похлёбки такого нагородят, что потом весь Ковер Миров диву дается. Не волнуйся, Пакушка, этот мерзавец Шекспир забыт навсегда. Никто никогда не догадается, кем пройдоха был на самом деле.

Кажется, я сейчас могу срубить бабосиков на три списка "Форбс", потому что много раз читала в соцсетях, что какой-то фонд за раскрытие этой тайны обещает миллионы. Я вообще помню все, что связано с большими деньгами.

– А кем он был? – как бы невзначай спросила я Долю.

– Не твоего ума дело, – отрезала она.

Опять мне не удалось сколотить пару-тройку миллионов. Ну ладно, будем держать нос по ветру.

– Подойди сюда, паучишка, – Пак ткнул пальцем в мою сторону.

При этом его палец заскрипел, как сухая деревяшка. – Ты мне нужна для зелья.

– Я, надеюсь, не вся целиком и раздеваться мне не придётся? – осведомилась я.

– Обрадовалась! Это еще заслужить нужно. Передо мной раздеваться – это очень большая честь, – он вдруг быстро и ловко выдернул из моей шевелюры несколько волосков и бросил в котелок с драконьим мороком.

– Больно же! – я ощупала волосы. – Понежнее никак нельзя?

– Нет, – радостно осклабился он. – Для зелья нужны твои неприятные ощущения, – он молниеносно извлек из кармана нож и

легонько ткнул острием в мой палец.

Из ранки выступила кровь. Я и моргнуть не успела, а Пак уже прижал к моему пальцу деревянную ложку, нацедил несколько капель крови и бросил ложку в котелок. Это еще что за ерунда? Так вот для чего Доля меня притащила в эту лесную чащу. Сейчас этот Чикатило ёльфийский меня на запчасти разберет!

– Знаете что? Я на сдачу анализов не подписывалась, ушатай... да покарает вас всех Судьба! – я бросилась к двери.

– Ну что ты, девица, это же не больно совсем! – Доля загородила собой дверь, широко раскинув руки. – Всё-всё! Главное сделано. Теперь только слюна осталась.

– А почки с печенью вам не нужны? – я ломанулась к окну, но Доля моментально оказалась возле него и обняла меня, прижимая к себе.

– Слово Доли! Только поплевать в чашечку, и все, голубушка.

– Алиса, потерпи, дорогая! – дракоша метнулся ко мне, уселся на плечо и обнял крылышками. – Бедная моя девочка! Я с тобой, я здесь, не бойся!

Вдох-выдох. Терпи, Алиса! Тебе нужен дракон. Но все равно бесит, когда вот так, без предупреждения. Почему все, кто связаны с моей судьбой, всегда обманщики? Сначала по головке гладят, а потом кровь выкачивают. А я с детства панически боюсь анализов, поликлиник и всего, что с этим связано!

– Угомонилась? – спросил Пак. – А теперь подойди ко мне и плюнь в котелок.

Я от души плюнула, представляя себе, что плюю в его физиономию. На душе как-то сразу полегчало.

– А теперь молчи и думай драконе, и все молчите. Мне нужна тишина! – бормоча что-то на неизвестном языке, Пак бросил букетик драконьего морока в котелок.

И вдруг я увидела Горала. Причем увидела так ясно, словно он был здесь, в этом лесном домике. Он сидел в своём кабинете в академии и что-то писал, крепко сжимая в руках павлинье перо, и обмакивая его в золотую чернильницу.

Внезапно он вздрогнул и посмотрел прямо на меня.

– Спокойно, – прошептал Пак. – Он тебя не видит.

Из котелка полыхнуло пламенем и вылетела яркая жар-птица, на хвосте которой висел крошечный вампир, крепко вцепившись в яркие перья. И вдруг я впервые обратила внимание, что Горал внешне очень красив. Как-то до этого мне не до того было, когда он в меня огнем харкал. А сейчас у меня была возможность спокойно посмотреть на него со стороны. Он сидел в кресле очень по-мужски, широко раздвинув колени, и задумчиво смотрел на меня. Глаза в глаза. И была в нем какая-то манящая мужская сила. Как говорила наша повариха в детдоме:

– Мущинский мужчина.

– Эй, Алиса, очнись! – послышался над ухом голос Доли. – Слушай, Пак, отец родной, а ты ничего не напутал, а? Что-то наша девка, кажется, сама в дракона влюбилась, а не наоборот.

– Нет, это так всегда в начале бывает, когда мужчину и женщину связываешь зельем, сейчас пройдет, – он бросил в Горала колпак, и все исчезло.

На месте кабинета ректора появилась деревянная стена.

– Готово! – Пак протянул Доле ядовито-зеленую бутылочку из толстого стекла на золотой цепочке. – Носить на шее возле сердца. Добавлять в любую жидкость. Зелье не имеет вкуса и запаха. Держится в крови тридцать дней. Но тут вот такая закавыка: каждый раз, когда нужно соблазнять дракона, зелье придется активировать заклинанием.

– Ну и какое это заклинание? – нетерпеливо взмахнул крылышками Нистар.

– Так у меня его нет.

– Час от часу не легче! – Доля с досадой хлопнула себя по пышным бокам.

– Зато я знаю, у кого есть. Вернее, кто может помочь его найти, – Пак с деревянным скрипом поскрёб в затылке. – Либрусы, книжные черви, они всё знают. Вообще всё, что записано в магических гримуарах. А самый заковыристый умник среди них – Многотоумиус Затрепанный.

– То есть, главный библиотекарь академии? – уточнила я.

– Ну ммммммда, – промурлыкал Милокот.

Боюсь, что мне он не поможет. Учитывая нашу с ним первую встречу! И хотя я извинилась, но вряд ли он поверил в мое

чистосердечное раскаяние.

– Вот, девица, возьми! – Доля сунула мне в руки бутылочку с зельем.

– А мне зачем? – удивленно пожала плечами я. – Это ведь вы должны как-то подсунуть его ректору. В столовой, например, или еще как. У меня это точно не получится.

– Да нет, милая. Я не справлюсь, придется тебе, – вздохнула Доля.

– Ушатай меня... гхм... чудесно. Значит, мне нужно будет пригласить Горала на чашечку кохфе? А и ладно! Сделаем так: врать я ему не буду. Прямо так честно и скажу: уважаемый дракон, разрешите опоить вас приворотным зельем в интимной обстановке. Что говорите? Вы не согласный? Да быть не может! Упс, кажется, я снова не спасла мир!

– Да погоди ты ерепениться, вот дерзкая какая! – всплеснула руками Доля. – Разве я сказала, что тебе придется зельем дракона опаивать? Ты просто передашь зелье мытарю. У тебя как раз завтра урок плетения страхов. А преподаватель – главный помощник Ангела Смерти мытарь Халом-Балагот. И пока ты вопросами сыпать не начала, поясню я тебе, в чем заковыка. Сама я не могу ничего у мытарей брать и им отдавать. Я ведь Доля. Удача то есть, по вашему, по современному. А мытари – слуги страха. Разве может Удача со Страхом дружить? Ты черепушку-то под блондинистой гривкой напряги! В Ковре Миров всё, девица, мудро разделено. Не нами заведено и не нам отменять. Так что бери зелье, повесь бутылочку на шею, под одеждой спрячь. А мытарь сам улучит минутку, чтобы у тебя волшебное снадобье забрать.

– Ну ладно, – вздохнула я, надевая на шею цепочку с бутылочкой.

Как обычно: главное я должна делать сама. И почему меня это не удивляет? Феячь-не феячь, а если на роду написано быть тягловой лошастью, то никуда от этого не денешься.

– Слово какое странное: мытарь. Если он служит Ангелу Смерти, то это считается мытарством? Так ведь? Мол, жизнь у него тяжелая?

– Ах ты, бедняжка! – всплеснула руками Доля. – Сиротинушка моя горькая. Совсем, видать, в школу не ходила, да? Мытарь – это сборщик податей. Ну вроде налогового инспектора по-вашему, потому что мыт – это и есть подать, налог, то есть. Мытари Ковра Миров

собирают налог на страх и передают его Ангелу Смерти, который питается страхом. У людей ведь как: у кого-то страха больше, у кого-то меньше. Оттого и хаос может приключиться. Вот мытари и следят, чтобы страха во всех мирах было поровну. Иногда они дают человеку страх, если он смелый, и отвага его Судьбе мешает. Иногда ведь нужно испугаться и отступить, а он прёт напролом, потому как страха не ведает. И ему боязни-то и не хватает, чтобы он сделал или, скорее всего, не сделал то, что Фатумору нужно. Иногда мытари забирают лишний страх у тех, что шарахаются от каждой тени, тоже когда нужно, чтобы они свои страхи преодолели. И вот так мытари распределяют страх между людьми, а излишки отдают Ангелу Смерти. Без страха Смерть не может существовать. А без Смерти и Жизни нет.

Я почувствовала, как по спине поползли мурашки. Значит...

– Все эти случаи, когда обычные люди вдруг совершали подвиги, это...

– Мытарь, – кивнула Доля. – Это мытарь стал за их спиной и забрал у них страх, чтобы они сделали то, что Судьбе нужно. Потому что за спиной каждого человека всегда стоит невидимый и безмолвный мытарь.

– Но ведь герои обычно погибают, – сухой ком встал поперек горла.

– И становятся новыми мытарями, – тихо ответила Доля. – Поэтому они – единственные существа во всем Ковре Миров, которые не боятся драконов, Смерти и даже самой Судьбы. Теперь понимаешь, почему зелье Горалу может передать только Халом-Балагот? Он ведь дракона не боится. А вот дракон каждый раз испытывает страх, когда видит мытаря. Поэтому, если мытарь его пригласит выпить, то ректор не сможет отказать. А там уже мытарь тихонько подольет зелье дракону в вино. А ты пока при помощи фамильяра будешь искать заклинание, что активирует зелье.

Раскиндык...гхм... меня переполняют разного рода эмоции! Заклинание найди, дракона охмури. Где-то я уже это слышала? Ах, да. Это же Золушка:

Посади среди цветов сорок розовых кустов,
и пока не подрастут, подметай дорожки тут.

Это не Замужикалье нет, это какие-то магические каторжные работы. Эх, Рублевка моя, Рублевочка, где же ты? Все, что о тебе

теперь напоминает — это моя единственная радость в жизни: нормальные трусы. Родные мои бикини вместо растреклятых панталон. И хотя их и не видно под широкими юбками, но мою душу они согревают там, под платьем.

... Студентки академии особой пунктуальностью не отличались. Что неудивительно: часов в академии не было. А главным будильником работал Камцан, регулярно подгоняя всех визгливыми криками, щедро сдобренными матерком. Поэтому на уроки многие студентки опаздывали, и первые пару минут дверь непрерывно хлопала, впуская новую порцию припозднившихся.

Но урок плетения страха был исключением. Мы с Дейной и Акавишей пришли в класс мытаря в разгар перемены и удивленно застыли на пороге. Все студентки чинно сидели за столами. Мы оказались последними. И что примечательно: в классе царила тишина. Изредка она прерывалась тихим шепотом.

— Что-то мне как-то не по себе, — поежилась я, раскладывая на столе учебники. — Прямо не класс, а какое-то смиренное кладбище. Какого иглесиаса? То есть, их поведение не соответствует мои ожиданиям.

Дейна с Акавишей удивленно уставились на меня.

— Что? — я помахала рукой перед их носами.

— Алиса, твоя вежливость нас пугает! — пояснила Акавиша. — Ты себя хорошо чувствуешь? — она обеспокоенно ощупала мой лоб третьей ножкой.

— Лучше всех! — буркнула я. — Ымыдж леди вызывает у меня незаписуемый восторг!

— Мы так и поняли, — хихикнула Дейна.

Она хотела добавить что-то еще, но смолкла, потому что в класс зашел мытарь Халом-Балагот. Откуда-то повеяло ледяным ветром, который с тихим завыванием пронесся по классу. Мытарь не шел, а словно плыл по воздуху. Всю его высокую фигуру скрывал черный, наглухо застегнутый не то плащ, не то балахон. Длинные седые волосы, струящиеся до колен, словно жили отдельной от хозяина жизнью. Они колыхались и приподнимались из-за испуганных лиц и скрюченных рук, что тянулись к нам из-под серебряных прядей.

Шамтара, сидящая в первом ряду, тихо пискнула и спряталась под стол. Ее подружка нырнула за ней. Мытарь улыбнулся одними

губами. Его угольно-черные глаза без зрачка и райка цепко оглядели класс.

– Страх... – вкрадчивым голосом произнес он, – самое сильное чувство на свете. Всё, что мы делаем в жизни, мы делаем, повинуюсь страху. Влюбляемся из-за страха одиночества, учимся из-за страха остаться в самом низу пищевой цепочки, даже заводим друзей из-за страха быть непонятыми и непринятыми, – с этими словами он вскинул руку с браслетом и оттуда выскочило странное существо.

Мохнатое, черно-коричневого цвета, оно было похоже на осьминога. Но на щупальцах вместо присосок покачивались, щелкая зубами, крысиные головы.

Ушатай меня... мама дорогая! Я быстренько пождала ноги и уселась на стуле по-турецки.

Плевать мне на этикет! Если этот крыс членистоногий ко мне подкатится, я или умру от ужаса, или убью его сапогом. С детства панически боюсь мышей и крыс. Даже мультик про Тома и Джерри не могла из-за этого смотреть.

– Какая гадость, раскудри его мышеловку! – прошептала я Акавише. – Ненавижу крыс! Ты погляди, как они зубами щелкают у него на щупальцах. Бррррррр!

– Где ты тттам ввидела кккрыс? – заикаясь от ужаса, прошептала Акавиша. – Там птичьи головы! Это тигриные грифы, что питаются пауками и нами, арахнами. Я так их боюсь, что сейчас умру. Меня в детстве один такой чуть не проглотил!

– Ослепли вы, что ли? – возмутилась Дейна. – Это же волкопсы. В моем мире они уничтожают нас, людей-кошек, чтобы завладеть нашим миром! Ненавижу их! – из ее глаз полыхнули сгустки алого пламени.

А в классе творилось нечто невообразимое. Студентки одна за другой вскакивали на стулья или прятались под столами. А кто-то даже упал в обморок.

– Довольно, Па́хад! – мытарь щелкнул пальцами и крысиный осьминог, запрыгнув ему на руку, исчез в браслете. – Вы все познакомились с моим фамильяром. Его зовут Па́хад. И каждый в его облике увидел что-то свое. Первое правило курса управления страхом: у страха нет лица и четкого облика, потому что у каждой из вас свой страх. И тот, кто поймет, чего вы боитесь, получит невиданную власть над вами. Поэтому сейчас каждая из вас избавится от своего страха

навсегда. Ибо Судьба не ведает страха. Судьба никого не боится. Но для того, чтобы преодолеть свой страх, вы должны вернуться в тот самый момент, когда впервые испугались. Закройте глаза и сосредоточьтесь. Вспоминайте!

— Вспоминай, вспоминай, вспоминай... — зашептали лица под волосами мытаря.

А чего мне вспоминать-то? Я и так знаю, чего боюсь больше всего на свете: нищеты. Я ведь одна, и никто обо мне не позаботится, если сама вовремя кардашьян не подниму. И если со мной что-то случится, и я работать не смогу, то останусь на улице, без куска хлеба, голодная, холодная и нищая. Боюсь, что рыбец мой золотой сразу не женится, а промурыжит меня до тридцатника. И тогда у меня кардашьян поплывет, сиськи опустятся, и останусь я в съемной однушке на окраине Москвы, и буду одеваться с рынка и пользоваться дешевой косметикой. Что может быть хуже, ушатай меня, Китай?

— Ты не хочешь вспоминать, Алиса, — мытарь незаметно подошел ко мне и положил руку на плечо.

— Да нечего мне вспоминать! — я постаралась отодвинуться от него вместе со стулом, и по спине поползли холодные мурашки от его прикосновения.

— Лжешь! — гневно воскликнули лица под седыми волосами мытаря.

— Лжешь! — повторил вслед за ними Халом-Балагот.

Я открыла рот, чтобы возразить, и... оказалась во дворе детдома. Вместе с другими ребятами я бежала за старой колымагой — едва живым "Жигуленком-копейкой". Бежала так, как никогда в жизни не бегала. Потому что там, внутри, был Шарик. Наше маленькое мохнатое чудо. Наша радость. Наш общий щенок. Как я могла забыть? Долгие годы я ни разу не вспомнила о нем, даже когда любовалась щенками, так похожими на него.

Мы нашли Шарика поздней осенью. Возвращались из школы, и вдруг увидели в огромной глубокой луже рыжий шар с толстыми лапами и свалявшейся шерстью. Он тихонько и жалобно скулил, пытаясь выбраться из ледяной воды и грязной жижи. Мы его вытащили, завернули в шарфы и шапки, притащили в детдом. Отмыли в горячей воде, и пока он плескался в мыльной пене — фыркал от удовольствия, как крошечный тюлень, и лизал нам руки. Завернув его

во все, что только можно, мы его закармливали вкусностями. Все котлеты от обеда пошли ему. Никто не притронулся к своей порции. А он ел, смешно чавкая, жмурился от удовольствия и всё лизал нам руки.

Наш завхоз сделал ему теплую будку во дворе. А мы прокрались к ней ночью и забрали Шарика в спальню. И всю ночь передавали его друг другу, строго соблюдая очередь. Дрожа от нетерпения, я дождалась, пока Шарик оказался под моим одеялом. Я прижала его к себе и задохнулась от острого, сумасшедшего счастья. У меня в руках возился, толкаясь толстыми лапками, теплый комочек, и смотрел на меня такими счастливыми карими глазами! Никто и никогда на меня так больше не смотрел! Шарик было все равно, кто я такая и какое у меня шмотье. Он любил меня просто так. И само по себе это было чудом. Нет, не так. Это было ЧУДОМ!

А потом Шарик заболел. Он лежал на кровати, как маленькая тряпочка. Сухой нос потрескался, мохнатый бок вздымался от тяжёлого дыхания. А мы столпились вокруг кровати и рыдали, обнимая друг друга.

— Развели мерлихлюндию! — пробурчал завхоз. — Сейчас все здание потопите в соплях. Вылечу я вашего Шарика. Свезу сейчас к ветеринару, и будет, как новенький. Еще и надоест вам тывканьем. Сами потом его ругать будете.

Он завернул Шарика в одеяло и понес в свою старую машину, которая заводилась только с двадцатого раза, в основном, когда завхоз поминал всех, без исключения, родственников по материнской линии работников завода "АвтоВАЗ".

Мы высыпали во двор вслед за завхозом, который уносил наше маленькое чудо. И когда "Жигуль-копейка" завелся, мы побежали за машиной. Я мчалась изо всех сил. Ноги болели, сердце выпрыгивало из груди, в боку кололо. Пусть мне будет плохо, пусть! Но это поможет Шарик! Ведь он не может не вернуться, если я за ним так бегу. Он не может оставить меня одну! Пусть закончится кислород, пусть откажут ноги, пусть разорвется сердце, но Шарик будет со мной!

И вдруг мой нос чиркнул по холодной земле, скованной первым льдом. Я упала лицом вниз, из разбитого носа пошла кровь. Расшибленные колени невыносимо болели. И вдруг откуда-то из глубины памяти всплыли строки из старого советского фильма.*

Когда я вырасту и стану великаном,

Я все разбитые коленки излечу.

Вот оно! Там, лежа на грязной жиже, превратившейся в лед, я поняла, кем стану, когда вырасту: ветеринаром. Нет, лучше врачом. Чтобы лечить все разбитые коленки и сердца у тех бедных ребят, у которых заболел Шарик. Да нет же, лучше ветеринаром, чтобы лечить самого Шарика. И когда я стану большой, то больше никто не будет плакать. Никому не будет больно. Потому что я вылечу всех!

Шарик так и не вернулся. Наш завхоз приехал вечером смурной, небритый, и, пряча глаза, пробурчал, что Шарик остался в ветеринарной клинике. И через пару месяцев мы его заберем. От него пахло водкой и безысходностью. Были такие дурачки, которые поверили ему и каждый день приставали с расспросами: ну когда же он привезет а обратно? А я не приставала. Я точно знала: он врет. Взрослые вообще всегда врут. И чем больше врут, тем больше пьют. А завхоз пил, не просыхая.

В романе использована фраза из фильма Динары Асановой "Когда я стану великаном":

Когда я вырасту и стану великаном,
Я все разбитые коленки излечу.

12 Глава. Танцы для дракона

И через два дня, плача ночью под одеялом, я вдруг почувствовала, как поднимается где-то внутри меня злость. Колкая, бешеная, она жгла меня изнутри. Как он мог меня оставить? Как Шарик мог от меня уйти? Я закуталась в жёсткое детдомовское одеяло и поняла самую важную вещь в своей короткой жизни: ни на кого нельзя полагаться. Никогда! Ни к кому нельзя привязываться. Все предадут. Все сделают больно. Только один-единственный человек на свете будет любить меня всегда: я сама. Думать нужно о себе. Заботиться только о себе. О теле, чтобы ему было удобно, вкусно и тепло. О сердце, чтобы оно не болело. А сам себе ведь сердце не разобьешь!

– Когда я вырасту и стану великаном, я все разбитые коленки излечу, – шептала я, стоя на расшибленных в кровь коленках во дворе детдома.

– Когда ты станешь Судьбой, то вырастешь и излечишь все коленки, – улыбнулся мытарь, опускаясь рядом со мной на колени. – Первый шаг ты уже сделала: вспомнила самый большой свой страх и вернулась к себе, настоящей. К той, которая не охотилась за золотыми рыбцами, а хотела всех вылечить и всем помочь. А теперь дай мне зелье!

Я сняла с шеи цепочку с флакончиком и отдала ему.

Щедрость слуг Ангела Смерти всегда подозрительна. Мытарь обычно разговаривает со мной сухо и кратко, по делу. Насущные проблемы академии, учебный процесс, разгильдяйки-студентки. Правда, на его курсе самая высокая успеваемость. Наверное, потому что Халом-Балагот вызывает у студентов обоих отделений такой лютый страх, что они из кожи вон лезут, лишь бы преподаватель не рассердился.

Но я, Горал, мытарей не боюсь. Хотя особой симпатии не испытываю, памятуя, кому они служат. Поэтому когда мытарь вдруг пришел ко мне в кабинет с бутылкой дорогого и редкого вина, у меня возник только один вопрос:

– Тебя хозяин послал? У Ангела Смерти на меня планы и ты решил подсластить горькую пилюлю вином?

– Нет, – мытарь изобразил подобие улыбки, нелепо растянув рот.

Я вздрогнул. Никогда не привыкну к этой их, мытарей, странной манере улыбаться: уголки губ ползут вверх, а глаза, в которых клубится тьма, остаются серьезными. Жуткое зрелище!

– Совершенно случайно мне досталась бутылка дивного вина, – Халом-Балагот, не дожидаясь приглашения, по-хозяйски расположился в кресле рядом с моим письменным столом. – А выпить ее не с кем. Лепреконы, напрочь лишенные вкуса к благородным напиткам, хлещут дешевый эль. Феечки моментально хмелеют и пытаются модно и коротко постричь мою шевелюру. И вообще среди преподавателей нет знатоков, способных оценить такой прекрасный напиток. Остаешься ты, Горал. Вкус у тебя отменный, это все знают.

– Ну да, что есть, то есть, – я достал из ящика стола два пустых бокала. – Хорошо, что ты это понимаешь.

– Как не понять! – мытарь откупорил бутылку с вином.

По кабинету поплыл чудесный запах с нотками вербены и ванили. Быть не может!

– Неужели это "Мольба влюбленной девственницы"? – я ошарашенно замолчал.

Лет двести не видел этого вина. Когда-то его изготавливали гномы, собирая слезы невинных влюбленных дев и смешивая их с отменным виноградом из Эстера. Самым лучшим во всех мирах. Всего двести бутылок в год. Это вино стоило состояние. Но беда в том, что девственницы нынче пошли такие практичные, что попусту слез не лили. Да и влюблялись по-настоящему крайне редко. Всё больше по расчёту. Вот вино и перестали выпускать.

– Оно самое, – мытарь разлил вино по бокалам.

– Да где же ты его достал, пройдоха? – я поднял бокал, любуясь дивным оттенком, и рассмеялся.

– Нужно знать места, – ухмыльнулся мытарь и отсалютовал бокалом. – Да будет благословенна Судьба! Первую залпом, – мытарь лихо опрокинул свою порцию.

– Да будет благословенна! – я осушил свой бокал.

Мытарь немедленно разлил по второму бокалу. Он непринужденно болтал. Я не слушал его. Вернее, слушал и не слышал. По кабинету вдруг пополз странный шепоток. В углах заплясали тени.

Одна из них отделилась от стены, скользнула ко мне и превратилась в... Алису. Эту дерзкую и странную девчонку.

– Горал... – прошептала она, и скинула легкое платье, оставшись обнаженной.

Я протер глаза и бросил взгляд на мытаря.

– А я ему и говорю, в смысле, Ангелу Смерти, что так тоже нельзя. Нужно же как-то планировать, а не косить всех подряд, – Халом-Балагот, непринужденно закинув ногу на ногу и развалившись в кресле, потягивал вино, жалуясь на своего непосредственного начальника.

Алиса, тем временем, присела ко мне на колени, и, изогнувшись по-кошачьи, легла. Ноги она забросила на один подлокотник кресла, голову на второй. Длинные белые волосы заструились до пола. Крепкая, небольшая, но высокая грудь, оказалась прямо под моими руками. Розовые соски дерзко качнулись. Что со мной, Великая Судьба? Морок? Быть не может! Мытари искусством морока не владеют. Да и мой фамильяр отгоняет все виды морока, но сейчас он молчит, тихо сидя в браслете. А если это просто безумие? Если я схожу с ума? Но почему так внезапно?

Осторожно, стараясь не коснуться груди Алисы, я взял со стола свой бокал, залпом выпил, но поперхнулся. Вишневая струйка густого вина попала на грудь Алисы и медленно, с ленцой, поползла вниз, сначала к животу, а потом ниже.

– Хочешь слизнуть? – прошептала нахалка и подмигнула, закусив пухлую губу.

Я резко вскочил, сбросив Алису с себя. Ее не существует! Это морок! Сон! Кошмар!

В тот же миг мытарь оказался на ногах.

– Ты что, Горал? – обеспокоенно спросил он.

– Сейчас... вернусь, – я попытался выровнять дыхание, но тщетно.

Одним прыжком оказался возле янтарного книжного стеллажа и нажал скрытый рычаг. Стеллаж отъехал в сторону, открывая проход в ванную комнату. Я отвинтил кран до упора и сунул голову под ледяную воду. Через несколько минут наступило облегчение. Алиса исчезла, но вместо нее пришла ярость. Ни одна женщина не доводила

меня до такого состояния. Ни одной из них это просто не позволено. Поэтому моя месть не заставит себя ждать.

Как хорошо просто спать и никуда не торопиться! Выходной, занятий нет, теплая мягкая постель, раннее утро. По коридорам плывет запах свежей выпечки. Это лепреконы-повары стараются всех удивить и порадовать чудесной сдобой к завтраку. Я перевернулась на другой бок и с головой накрылась одеялом. Вообще сегодня не встану. Совсем. Так и буду валяться. Нет, ну могу я один раз в жизни понежиться? Вчерашний урок страха у мытаря меня полностью выжал. Да и не только меня. Все студентки едва выползли из класса. А кому приятно в свой страх нырять? Тоже мне дедушка Фрейд недовинченный этот мытарь!

– Алиса, вставай! – Нистар взобрался на меня и разворошил одеяло, в которое я завернулась с головой.

– Уйди по-хорошему! – я еще глубже закопалась в одеяло. – Меня будить опасно для жизни!

– Да вставай же ты, засоня! – этот маленький мерзавец вцепился в меня, как клещ. – Нам нужно срочно в библиотеку, заклинание искать. А потом тебе еще нужно к феечкам, костюм померить. Сегодня вечером танцы перед драконом. Забыла ты, что ли?

Вот черт! Ну почему так всегда? Стоит мне только немного расслабиться, как оказывается, что это как раз затишье перед бурей. Первый тур отбора! Ничего так не бодрит с утра, как мысль об огнеплюйном ректозавре, перед которым нужно лебезить и стараться ему понравиться. Теперь понятно, почему лепреконы на кухне так усердствуют. Пытаются горькую пилюлю подсластить булками да плюшками. Ага! Очень это поможет. Так и буду бежать от дракона с булкой в зубах и фонтаном пламени в кардашьяне!

Я кубарем скатилась с кровати и понеслась в ванную комнату. Наскоро привела себя в порядок. Все равно потом феечки будут нас одевать и причесывать. Так что можно особо не заморачиваться.

Едва переступив порог столовой, я буквально кожей почувствовала нервяк и напряжение, которые сгустили воздух до твердого состояния. Только у преподав с аппетитом было все в порядке. Я прошла мимо их стола, автоматически присев в реверансе, и... натолкнулась на взгляд Горала. Яростный, бешеный взгляд, которым он меня сверлил, даже не пытаюсь скрыть свои чувства. Доля,

сидящая по правую руку от него, быстро глянула на меня, на него и опустила глаза, изобразив, что крайне занята едой. Милокот поперхнулся молоком и хотел явно что-то сказать, но Доля хлопнула его по загривку, и он испуганно шмыгнул под стол.

Я застыла, глядя на ректора, как кролик на удава. И не потому, что испугалась. Хотя и это тоже. Но к вечной трясучке перед ним я уже малость попривыкла. Что-то новое было в его взгляде. Незнакомое, странное, не пугающее, нет, скорее... ушатай меня, Китай! В этот самый миг, стоя посреди столовой, я поняла, что написано в глазах дракона: он меня хотел. Как нормальный, не огнеплюйный, среднестатистический мужик. И, видимо, его самого это не на шутку бесило. Вот это чувство мне хорошо знакомо: когда чего-то хочешь, и сам себя за это ненавидишь. Я так в ЦУМе как-то купила сапоги от "Луи Витон". Все деньги, отложенные на еду и ЖКХ на несколько месяцев вперед, на них спустила. Потом реально голодала! Ненавидела себя еще когда возле кассы платила, но все равно купила. Потому что сделать с собой ничего не могла!

– Доброе утро, Алиса! – без тени улыбки произнес мытарь за столом преподав, намазывая на булку густой слой варенья из шоколадных яблок.

Он пристально посмотрел на меня и вдруг быстро и незаметно подмигнул.

– Доброе, – ответила я, выходя из ступора, хотя мне очень хотелось ответить ему: – Не спешите с выводами!

Подмигивание означало только одно: зелье уже в крови дракона. Тогда все понятно. Жалко, что нельзя сварить какой-нибудь уменьшитель бешенства и злости. Потому что несмотря на то, что ректор меня явно хочет, даже не представляю себе, как такую злобу вообще можно охмурить и усмирить.

Я шмыгнула за стол рядом с Дейной и Акавишей. Они рассеяно поздоровались со мной. Дейна вообще ничего не ела, лишь прихлебывала красное какао. Но Акавиша меня поразила в самое сердце: обычно она метала за двоих, а сегодня вяло отщипывала крошечные кусочки от своего любимого блюда: мясного паштета из хвосторогого попрыгунчика.

Я огляделась. Студентки, едва пригубив напитки и богатые яства, поспешно вставали и покидали столовую. Все были нервные, бледные,

дёрганые. Даже Шамтара позеленела больше обычного, и ее хвост, свешиваясь со стула, мелко трясся.

– Да ладно вам, девочки, хорош труситься! – я взяла с блюда ароматную булочку, с румяными бочками и из воздушного теста.

Булочка сама раскрылась у меня в руках, открывая сердцевину, густо намазанную свежайшим сливочным маслом летающих вендельпупских коров. Густо намазав булочку икрой холостых русалов, которая по вкусу очень напоминала черную икру, распробованную мной на пафосных вечеринках олигархов, я от души откусила. И промычала с набитым ртом:

– От еды плохо не будет, только хорошо. Поели бы вы нормально, девчонки, а то на нервы действуете, вот честное слово!

– Ах, Алиса! – Акавиша прижала к груди все шесть ножек, – завидую я тебе. Ну хоть что-нибудь на всем свете может испортить тебе аппетит? Сегодня же первый тур отбора: танец перед ректором! Это так волнительно, что я всю ночь не спала! Как можно есть в такой день?

– Согласна, – глаза Дейны тоскливо полыхнули синим пламенем, что означало крайнюю степень тоски. – Я вообще не способна думать сегодня о еде. Только движения танца мысленно повторяю все время. А вдруг дракону не понравится?

– А мне и повторять не нужно. Я свой экзотический танец столько раз танцевала на разных крутых вечеринках, что он у меня на печени выбит, – я еще раз от души куснула булку. – Каждое движение вспомню даже, если меня кулаком по башке стукнут и я сознание потеряю. Но меня другое волнует: а как вообще узнать, что ему понравилось? – я дожевала булку с икрой и осторожно потянулась за пирожным, каждую минуту ожидая, что сейчас вылезет какая-нибудь магическая харя садюги-диетолога. – Он что оценки будет ставить?

– Если ему понравится, то он полыхнет огнем, – Дейна отпила еще глоток красного какао, и, поморщившись, отодвинула чашку.

– Надеюсь, не в сторону танцовщицы? – я едва пирожным не подавилась.

Да что же такое-то? Нравится ему – огнем плюется. Не нравится – тоже. Зашить бы ему огнедышло, наконец! Или прицепить пожарную машину на постоянной основе. Чтобы он харкнул, а они ему из шланга сразу всё и залили.

– Нет! – Акавиша торопливо встала из-за стола. – Просто драконы непроизвольно извергают пламя, когда сильно возбуждены. Они огнем плюются под шквалом эмоций. Если он полыхнул пламенем, значит, девушка получила высший балл и прошла в следующий тур отбора. Так, я побежала. Всем удачи! Еще увидимся!

Ага! Так вот в чем дело, значит. Ну, если суммировать все те ситуации, когда он в меня огнем плевался, то я, получается, у него такое торнадо эмоций вызываю, что можно всю матушку-Землю смыть. "Титаник" нервно курит в углу.

Я раскинула руки, как та девушка из фильма "Титаник", и, мурлыкая песенку Селин Дион, направилась в библиотеку. Перед дверью в храм знаний моя прыть как-то малость поугасла. Ой, как не хочется морду червяка-библиотекаря видеть! Но никуда от него не деться.

Гора книг передо мной росла, как на дрожжах, а Многотомиус Затрепанный, главный библиотекарь академии, все таскал и таскал пыльные тома, под завязку набитые заговорами. Причем доставляя очередной том, он с садистским насаждением со всего размаха грохал им об стол. Взметалось в воздух облачко пыли, и мы с Нистаром дружно чихали.

Я, тоскливо подперев голову рукой, смотрела на эту бумажную могилу. А дракоша жадно хватал очередной том, и быстро пролистывал, напевая:

Если не сведут с ума римляне и греки,
Сочинившие тома для библиотеки,
Если те профессора, что студентов учат,
Горемыку школяра насмерть не замучат*

– Извольте получить еще одну порцию знаний, так необходимых вашему скудному разуму, – Многотомиус с ехидной усмешкой шваркнул на стол очередной фолиант весом с мои грехи, вместе взятые.

– Аааапчхи! Может, хватит? – шепотом спросила я без особой надежды, и не ошиблась, потому что Многотомиус плотоядно оскалился и уполз за очередной порцией гранита науки.

– Алиса, давай ищи, не увиливай, – возмутился дракоша. – Вот здесь посмотри, – он подцепил золотыми коготками увесистый том и

пододвинул ко мне.

Зевая так, что аж челюсть хрустнула, я открыла книгу. Она оказалась сборником статей разных светил, которые соревновались в глубоких, как моя тоска, знаниях о драконах. "Сказания славного рыцаря Родопупского о незабываемых сзади и спереди встречах с драконами" – простите, господин рыцарь, кажется, сзади ваши встречи были настолько запоминающимися, что нужно было не писать, а зарисовывать. Потому что дар изложения у вас после этого явно пропал вместе с даром речи. Или, как сказала бы я, прежняя:

– Ёбица сердце перестало!

Нечитаемая белиберда! "Особенности огнеплевания у драконов в брачный период" – тоже ничего, по нулям. "Увидела дракона? Беги, идиотка! Да не к нему, а от него!" – мудрый автор, явно знал, о чем пишет. "Пособие для непорочной девы. Как покорить дракона в самое сердце и прочие интимные органы без ручного вмешательства, лишь биением сердца ея, аки излучающей свет в пучине мрака драконьего одиночества. Автор: очень скромный, но великий и непревзойденный никем гений Графоманиус Чумовой-Подстрочный". О! Я перевернула пару страниц и наткнулась на красочную иллюстрацию алого дракона, рядом с которым приплясывал еще один. Но какой! У него было тело дракона, голова петуха и куриные ноги. Если бы такая избушка ко мне передом повернулась, я бы не отмахалась.

– Это ж с какого бодуна надо было такое намалевать? – я пододвинула книгу дракоше. – Как говорил наш физрук: "где ж ты так нажралась, милая, шо смотришь искося, низко голову наклоня?"

Но мнение дракоши с моим явно не совпадало. Он подпрыгнул на столе и возбужденно потер лапки:

– Так это же василиск! Фамильяр нашего дракона. А вот... Алиса, вот оно! Смотри: здесь ясно все написано!

Неужели мы нашли? Я едва не расплакалась от счастья, и, главное, от мысли, что сейчас выйду из этой книжной могилы. Но строка, на которую тыкнул коготком дракоша, меня сразила наповал. Так вот как можно им, драконом, управлять!

– Всё настолько просто? Быть не может! – прошептала я.

– Все гениальное всегда просто! Значит, легенды не лгали. Тадам! – ликующе завопил дракоша в полный голос, но тут же испуганно закрыл лапками рот и нервно оглянулся.

– Прикрой меня! – Нистар взялся за краешек страницы.

Я разлеглась на столе, полностью закрыв его собой, и для верности громко и с надрывом закашлялась. И в этот момент дракоша вырвал нужную нам страницу из книги и спрятал под крыло. А Многотомиус подполз ко мне, буравя круглыми глазками.

– Дико извиняюсь за оркестр! Приболела, – я выразительно шмыгнула носом и потеряла горло.

– Идите болеть в свою комнату, – взвизгнул Многотомиус. – Иначе ваши бациллы глупости разлетятся по всей академии.

– Уже ухожу, – елеиным голосом заверила его я, сгребла дракошу в охапку и пулей вылетела из библиотеки.

Нет, конечно, иногда читать книжки – это очень полезно, но все же лучше делать это пореже. В коридоре меня окружила целая стайка феечек. Из-под их воздушных платиц слышался жуткий лязг ножниц.

– Вот она где! – Флора Яфейфия зависла перед моим носом, бешено вращая крылышками. – Отбор вот-вот начнется. А у тебя костюм не подогнан, макияжа нет, и это при том, что с тобой работы вообще невпроворот из-за твоего ужасного вкуса.

Ушатай ее... мымра она вредная, а не феечка! Тоже мне Зверев с Дольчей и Габаной наперевес! Вкуса у меня нет. Можно подумать, что у нее есть. Как бы это так интеллигентно сформулировать, чтобы не обидеть ее? Додумать я не успела.

– Крошки мои, берем это кошмарное создание в свои волшебные ручки! – скомандовала Флора.

И феечки набросились на меня со всех сторон. Они подхватили меня и по воздуху потащили в свое царство: Мастерскую Красоты.

– Я сама! Не нужно! Сдаюсь! Да пойду я! Отпустите! – я сучила ногами в воздухе, пытаюсь нащупать пол.

– Пощадите! – у дракоши от страха глаза в буквальном смысле вылезли на лоб, потому что его потащили вместе со мной. – Я вообще ни при чем! Я – фамилляр, и, кстати от природы прекрасен и чертовски обаятелен! Отпустите! Красивый я, красивый!

– Да кому ты нужен? – пожала плечами Флора, и дракоша шлепнулся на пол.

При этом на нервной почве он забыл, что его место в моем браслете, и побежал было по коридору, опустившись на все четыре лапы для скорости. Но вовремя опомнился, взмыл в воздух, пулей

влетел в браслет, ловко проскочив между цепкими феечкиными руками, и с пронзительным визгом спрятался в зеркале.

Использованы слова "Песенки студента" на слова неизвестного студента 13 века из рукописного сборника *Carmina Burana* и музыку Давида Тухманова. Песенку можно прослушать на ютьюбе в исполнении Максима Леонидова.

Феечки крутили меня, как куклу, вправо-влево. Вжик-вжик – лязгали ножницы. Фьиить-фьиить – тихо шуршали швейные иглы. Я закрыла глаза, чтобы не видеть жуткий хоровод из мини-Фредди Крюгеров, которые летали вокруг меня, подрезая, подбивая, подшивая, удлиняя, или, наоборот, укорачивая.

– Теперь волосы, – Флора дернула меня за прядь.

– Больно же! Аккуратнее, – взмолилась я, открыла глаза, наткнулась на сверлящий, как бор-машина, взгляд Флоры, и заискивающе улыбнулась: – Пожалуйста!

– Судьбу нужно было умолять, – отчеканила фея. – Чтобы она тебя сделала хоть чуточку привлекательнее. Не понимаю, как это может быть, чтобы один и тот же Фатумор создавал таких прекрасных созданий, как я: утончённых, красивых, талантливых. И таких ужасных неуклюжих великанш, как ты.

– О, великая Судьба! – пропищали феечки хором, обмахивая мое лицо сразу пятью кисточками с разными оттенками душистой пудры.

Ну все! Терпение лопнуло. Сколько можно оскорблять? Сейчас я им пропишу клизму, как слону, на десять вёдер. Я открыла глаза, и... застыла в изумлении. Нет, я, конечно, из себя на лицо не поганая, а вполне даже красотка. Но я же не думала, что настолько! Из зеркала на меня смотрела прекрасная незнакомка в ярко-алом экзотическом танцевальном костюме. Как бы дракона раньше времени Кондратий не хватил от такого счастья! Потому что у меня самой Ибица сердце перестало.

– Последний штрих, – Флора приколола мне на бедро номер.

Двадцатка – ай, как это плохо! В отборе всего двадцать девушек. Значит, я танцую последняя. Когда все уже устанут от зрелищ, а дракон в первую очередь, и мне придется перебить впечатление от всех предыдущих участниц. А я все надеялась, что меня поставят в серединку. Так лучше всего. Я это помню по конкурсам красоты в

родном Волчедуйске. Чтоб его разорвало этого лепрекона Камцана проклятого, который определял порядок выступления. За что он меня так не любит? Что я ему сделала?

Приподнимая полы длинной юбки, я быстренько посеменила в зал торжеств. И успела вовремя. Дейна и Акавиша приберегли для меня свободное местечко, и как только я уселась в первом ряду рядом с другими участницами, свет погас, и на прозрачную, словно стеклянную сцену, выбежала Шамтара в нежно-розовом обтягивающем трико. Розовый цвет на фоне зеленой морды – ну ничего так, неплохо. Вспыхнул золотистый свет, освещая сцену. Дракон, сидящий напротив сцены, в ярко-алом кресле, установленном на высоком постаменте, улыбнулся и махнул рукой, разрешая начать танец.

На сцене откуда-то выросли гигантские цветы ядовито-малиновых оттенков, зазвучала музыка с рваным ритмом, похожим на африканский, и Шамтара принялась бегать по цветам, высоко задирая хвост. Акробатка из нее, конечно, знатная. Она цеплялась ногами за лепестки, свешивалась головой вниз, совершала головокружительные кульбиты, и при этом не забывала улыбаться и встряхивать золотой гривой, щедро усыпанной заколками виде букашек из драгоценных камней. Ушатай меня... то есть, я поражена, что сапфиры на заколках были настоящие. И изумруды с бриллиантами тоже. Я подлинник от подделки на раз-два отличаю. У меня вообще на богатство особый нюх.

– А чего она хвост все время задирает, как будто у нее там блоха кусается? – шёпотом спросила я у Дейны.

– Это у летайев означает сексуальный призыв, – едва слышно ответила она. – Ты на ректора посмотри: ему этот язык тела явно очень нравится.

Горал умилительно глядел на крокодилицу, едва не облизываясь, и даже пристукивал ножкой в такт музыке. Куда ж ты смотришь, огнеплюйная моя конфетка? Я же твоя вишенка на торте! Что ж ты снизу ложкой-то сухой бисквит скребешь? Ты подожди, пока до сливок с кремом дойдет, до меня то есть.

В конце танца Горал изрыгнул длинный столб пламени и зал взорвался аплодисментами. Причем ладошки студенток старательно били одна об другую, а на мрачных физиономиях было явно написано:

– Ах ты ж сучка зеленомордая!

Как только Шамтара откланялась, на сцену поднялась Акавиша. И вот тут-то я реально забеспокоилась. И не потому, что всё пространство над сценой заволокло золотой паутиной, по которой арахна скользила, изгибаясь под немыслимым углом. Не потому, что танец паука-охотника был завораживающе красив. Нет, дело в другом. Она испуганно смотрела на дракона и плакала. Даже Нистар, который тихо подглядывал за танцами из зеркала на браслете, прошептал:

– Беда, Алиса, ой, беда! Драконы обожают страх. Они его пьют, как воду в жаркий полдень. Посмотри на Горала: он сильно польщен.

Я и сама это заметила. Горал неотрывно сверлил взглядом Акавишу, явно упиваясь ее страхом и слезами. Не знаю, как насчет драконов, но даже на обычных мужиков женская слабость в наш век оголтелого феминизма, производит неизгладимое впечатление. При виде беспомощной красотки у них включается режим защитника, который в обычном состоянии спит. Природа ведь не дура! На черта защищать женщин, которые сами могут и в горящую избу и коня на скаку? Тут бы самому мужику вовремя ноги унести и под раздачу не попасть, пока супер- женщина стреляет с двух рук одновременно, и при этом правой ногой варит борщ, а левой укачивает ребенка, попутно попой набирая текст на мониторе компьютера.

Помню, была у нас в клубе одна девчонка. Ничего особенного, средненькая такая. Не дурнушка, не красавица – голимый стандарт. И на гламурных вечеринках эта хитрюга – раскиндык ее гипотенузу... гхм, то есть, чтобы Судьба вовек не дала ей милости, каждый раз проворачивала один и тот же трюк. Как только она замечала, что крутые золотые рыбки на нее не смотрят, зато прилипают глазами к другим девчонкам, она ломала каблук. Притом каждый раз один и тот же. Была у нее такая дежурная пара обуви. Падала, якобы ушибив коленку, и заливалась горячими слезами, сидя на полу. А голос у нее был, как у полицейской сирены. Как заведет свой плач Ярославны, так даже музыку перекрикивала.

И, главное, на каждого проходящего мимо мужика она бросала взгляд, полный такой мольбы, что они аж в лице менялись. Тут же забывали, с кем пришли, бросали обалдевшую от удивления половинку, и пока та хлопала ресницами, пытаясь вкурить, что

произошло, как наседки били крыльями вокруг бедняжки со сломанным каблуком и ушибленной ножкой.

Каждый тут же становился профессиональным сапожником. Вернее, дизайнером – Кристиан Лабутен от злости подавился бы своими знаменитыми красными подошвами. Каждый мужик задумчиво крутил туфельку в руках, присобачивая каблук обратно. Потом бегал за льдом, прикладывал к ушибу и млел от счастья, когда эта лиса, сидя на полу, глядела на него снизу вверх полными слез и восхищения глазами, и шептала:

– Благодарю вас, мой верный рыцарь!

Вот загнула, а? Не "спасибки, котик"! Не "ой, спасибо, от души"! А " благодарю вас, мой верный рыцарь"! Бинго! Мужик после этого вздрагивал, как от выстрела, сначала не верил своим ушам, а потом был готов разорвать в клочья замок, построить дракона и ускакать с этой хитройгой в закат на белом коне.

И сейчас Акавиша использовала тот же прием. Это нечестно!

– Ты гляди, что она вытворяет. Вот поэтому я всю жизнь недолюбливаю тихонь. А еще подругой прикидывалась, – прошептала я на ухо Дейне.

– Ты о чем? – удивилась она.

– А ты не понимаешь, нет? Она перед ректором нюни распустила. Овечкой прикинулась. И ей все равно, что она нас, своих подруг подставляет.

– Да перестань ты, она такая и есть: нежная, чувствительная. Чуть что глаза на мокром месте. Кроме того, ей дракон давно нравится. Ты разве не замечала?

Ах вот оно что! Теперь мне понятно, почему она ко мне в подруги напросилась. Всё возле меня крутилась с первого моего дня в академии. Под контролем держала, значит. Ну что ж, умно!

– Не замечала, – сквозь зубы процедила я.

Дейна развернулась ко мне всем корпусом. Полыхнула пламенем из глаз и медленно, растягивая слова, произнесла:

– Да ты, кажется, ревнуешь!

– Кто? Я? – у меня от возмущения аж дыхание сперло. – Ты с ума сошла? Не знаешь, что я его терпеть не могу, это ректозавра огнеплюйного?

– Не знаю, – хитро улыбнулась Дейна. – На ненависть это мало похоже. Но ты забыла главное: Акавиша – наша подруга. Мы должны за нее волноваться и радоваться. И если она считает, что так правильно, и ей нужен дракон, то так тому и быть. Все честно, Алиса.

Я открыла было рот, чтобы ей ответить, но в этот момент Акавиша закончила свои акробатические упражнения и дракон полыхнул огнем. Причём столб огня был еще выше, чем после танца Шамтары. Единственная радость – крокодилица зеленая закусил губу от досады. А Акавиша легко спрыгнула со сцены, подбежала к возвышению, на котором сидел дракон, и присела в глубоком реверансе. Ее ножки сплелись в немыслимом узор, а голову она, наоборот, подняла, глядя на дракона полными слез глазами.

А он склонился к ней, и, улыбаясь, долго и пристально смотрел на нее. И даже со своего места я видела, как горят его глаза. Как внимательно он рассматривает всю ее фигурку, затянутую в черный с золотом костюм. И вдруг я ясно себе представила их вдвоем, наедине, и сама чуть не харкнула огнем, как дракон. Нет, это не ревность, просто дракон – мой. Даже, если я его не хочу. Даже, если он меня бесит и ни капельки не нравится. Но отбор должна выиграть я. И вообще в этом шоу я – главный персонаж. Не люблю. Когда. Трогают. Мои. Вещи!

Акавиша выбежала из зала, поминутно оглядываясь.

– Дейна! – выкрикнул лепрекон.

Дейна вскочила с места и легко запрыгнула на высокую сцену, минуя ступеньки. С потолка спустились горящие алым огнем обручи, и Дейна, скользя по ним, поднималась все выше к потолку. Огненный танец девушки-кошки с огненными глазами. Красиво, черт побери! Но даже эта пламенная красота не смогла перебить застывшую перед глазами картинку: Акавиша, плача от счастья, изгибается в объятиях Горала. А он целует ее, скользит губами по ее телу. Ушатай тебя, Китай, Алиса! Выдохни уже! И сосредоточься на танце.

– Алиса, ты вся горишь, – прошептал Нистар, высунув любопытную мордочку из браслета. – Успокойся, пожалуйста! Тебе еще танцевать! Да что с тобой? О, великая Судьба! Неужели Пак, действительно, что-то напутал с зельем и ты влюб...

– Заткнись, мелочь пузатая! – прошептала я и хлопнула его по темечку, загоняя в браслет.

– А я ведь предупреждал Долю, – дракоша снова высунулся из браслета, – что люди просто так говорить не станут. Нет дыма без огня. Ой, беда! – он прижал лапки к щекам.

– Не гони пургу! И вообще скройся! Не до тебя сейчас! Что за бред? Я не могу влюб....гхм... заинтересоваться Горалом. У меня есть... ну, ты знаешь кто.

Вдох-выдох! Так, что происходит, Алиса! Чего ты так завелась? У тебя есть Азар. Его руки, его губы, его глаза... ушатай меня, Китай! Не работает! Ни черта не помогает! Я сейчас взорвусь от бешенства! Да что со мной? Неужели дракоша прав и этот ёльф долбоносый напутал что-то в своём зелье? Да нет! Я его, Горала, ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу! Мне от него, как от золотого рыбака нужно только одно: выиграть отбор, и все. С "Форбсом" не вышло – так хоть здесь свое урвать. Он просто рыбец. Золотой, такой же, как Демидов, ну ладно, почти, как Демидов. А разница-то небольшая: тот деньгами швырялся, этот огнем плюется. Но оба же мужчины! А мужчины мне нужны только для одного: вывести меня из грязи в князи. Чтобы ракетой в светлое будущее рвануть. Фууууух! Отпустило. Я глубоко вздохнула. А это даже хорошо, что меня колдыбает. Прости меня, дракоша, за мой волчедуйский язык! Не до замен мне сейчас! Не стать мне леди на все сто процентов. Зато танцевать я умею лучше всех.

– Алиса! – выкрикнул лепреккон.

Вдох-выдох! Пошла! От бедра, мелкой семенящей походкой, чтобы под длинной юбкой казалось, что я не иду, а плыву над землей. Чтобы золотой пояс на бедрах слегка позвякивал побрякушками, задавая ритм еще до того, как я начну свой танец змеи. На пальцах, легко, не опускаясь на всю стопу, я взлетела на сцену, и замерла боком к Горалу, выставив одну ногу вперед. Ты меня хорошенько рассмотри, моя огнеплюйная конфетка. Пока у тебя глаза на лоб еще не вылезли. Потому что от моего танца живота, который я сама назвала танцем восточной змеи, у всех, без исключения, мужчин, глаза всегда вылезали на лоб.

Нужно отдать должное феечкам, что они постарались на славу, и точно схватили главную идею танца, выразив его в костюме. Алый шелк, длинная юбка с огромными разрезами низко сидит на бедрах, оставляя обнажёнными все стратегически важные для женщины места: живот, бедра, ноги. Алый лиф, украшенный затейливым

золотым позументом, подчеркивает грудь. И золотой пояс, что держит юбку и слегка поднимает мой плоский от природы живот, округляя его.

Горал стиснул подлокотники кресла, неотрывно глядя на меня. Где-то за сценой дробно зазвучал восточный барабан дарбúка.

Он призывал меня начать двигаться медленно, тягуче, с паузами, как в прелюдии любви. Я закрыла глаза и поймала драйв. Всё куда-то ушло. Отпало ненужное. Забылось всё: и главное, и второстепенное. Осталась только музыка, мое тело и мужчина. Единственный на всем белом свете мужчина. Потому что танец живота нельзя танцевать для всех даже в полном зале. Его всегда танцуют только для одного. И это главный секрет этого танца.

13 Глава. Почему мне никогда не попадают нормальные мужики?

– Тук! – глухо выдохнул барабан.

Алиса резко вскинула обнаженное бедро и так же резко бросила его вниз. Ее нежный, слегка округлый живот вздрогнул и дёрнулся. И это движение разлилось горячим огнем по моим бедрам. Словно я только что одним толчком вошел в нее, повинуюсь рваному ритму одинокого барабана. В горле пересохло. А она повернулась и повторила движение с другой ноги. И вдруг упала на живот, приподнялась на полу на вытянутых руках, выгнувшись назад, как змея. Ее длинные светлые волосы скользнули по спине, струясь белой волной. Высокая крепкая грудь напряглась. Я запомню эту позу, дерзкая девочка. Я заставлю тебя ее принять, стоя позади тебя, когда мы останемся наедине.

Она перевернулась, поднимаясь на ноги, и пошла вперед, к краю сцены, тягучей походкой верблюда. Только тот выгибает горб, а она под каким-то немыслимым углом изгибала талию и бедра. Глядя на меня из-под длинных ресниц, она упала на колени и склонилась вперед. Снова распласталась на полу, по змеиному подползла к самому краю сцены. Еще минута – и она упадет. Я невольно подался вперед, чтобы успеть подхватить разгоряченное ритмом гибкое тело. И под этим предлогом на миг прижаться к нему. Урвать незаметно, невзначай, на глазах у всех краткий миг горячечной близости. Сладкое мгновение обладания этой дерзкой, и оттого такой притягательной девчонкой, которая выбила у меня почву из под ног. Я сейчас сам не понимаю чего хочу больше: уничтожить ее или обладать ею. Скорее всего, и то и другое вместе.

Но она не упала со сцены. Наоборот, ловко перевернулась спиной ко мне, балансируя на самом краю, и резко откинулась назад. Светлая волна волос свесилась с высокой сцены в пустоту, ее голова запрокинулась, шея напрялась, и Алиса посмотрела на меня сверху вниз, замерев на самом краешке. Пухлые губы приоткрылись в улыбке. Словно шепча:

– Не поймаешь!

И вдруг Алиса резко вскочила на ноги, одновременно отпрыгнув от края сцены. Снова вскинула бедро и резко сбросила. Выбежала на середину и стала в центре серебристого круга света. Барабан вдруг замолчал, и девушка замерла в полной тишине. Подняла одну руку вверх, вытянув указательный палец.

– Тук-тук? – словно спросил барабан.

Она кивнула, разрешая. И барабан взорвался неистовой дробью, задыхаясь от собственного бешеного ритма. А она стояла посреди сцены, и ее живот мелко трясся. Так, что под влажной кожей были видны все мышцы, затвердевшие в этом рваном ритме. Она неотрывно смотрела мне в глаза.

Ритм, тряска живота. Хриплый вскрик, не похожий на ее обычный высокий голос. Зал исчез. Я оказался в своем кабинете. Свет, такой же красный, как ее костюм. Зыбкие тени по углам. Шепот. Барабан. Шепот. Барабан. Тяжелое дыхание. Она сидит на моих коленях обнаженная. На бедрах золотой пояс с побрякушками, которые тихо звенят. Бешеные толчки, тряска живота, ее мокрое тело – чувствую каждое движение крепких мышц. Она откидывается назад, выгибаясь дугой, светлые волосы полностью ложатся на ковер. Я пытаюсь удержать ее, хватаю за бедра, наклоняюсь вперед, утыкаясь лицом в дрожащую от напряжения крепкую высокую грудь с дерзко торчащими сосками. Но оно не подчиняется ни мне и никому другому. Только ритму барабана.

Я отпускаю ее, не в силах справиться с этой пламенной природой истинного дракона. Ее фамильяр был прав: она настоящий дракон. Яростный, огненный, никому не подчиняющийся. Как сама Судьба. Я хватаюсь за подлокотники кресла. И они ломаются.

Я снова оказываюсь в зале. Ко мне прикованы сотни испуганных взглядов. Что это было? Морок? Безумие? А она все стоит на сцене. Даже барабан уже задыхается и начинает сбиваться с огненного ритма. А она нет. Тряска живота продолжается, и в ее горящих от возбуждения глазах плещется торжество. Не в силах больше сдерживаться, я вскакиваю на ноги, отбрасываю в стороны отломанные подлокотники кресла, и извергаю столб пламени, который бьет в потолок. Она победила. И в первом туре отбора и в этой схватке со мной. Следующий ход мой.

Я не удержалась и тихо прошептала заклинание, активирующее приворотное зелье в крови дракона. И увидела Замужикалье ректора. На плече Горала сидел его фамильяр василиск, невидимый ни для кого, кроме меня.

И испуганно наблюдал за бешеным кругом из джиннов, которые, как пчелы, вились вокруг ректора. Джинны – это мужское вожделение и похоть! Ничего себе его накрыло! Нет, конечно, танец живота – это шедевр соблазнения, проверенный временем, но чтобы так? Целая толпа джиннов вместо одного? Они крутились в воздухе, трясли бедрами в широких шелковых шароварах, и глумливо хихикали. Даже страшно подумать, что сейчас творится в душе дракона. Вернее, не совсем в душе. А если быть абсолютно точной, то намного ниже. По-моему, я перестаралась. Или он хочет нас всех? То есть, всех десятирех девушек, что получили у него высший балл? И поэтому джиннов так много.

– Алиса, что ты застыла? – прошептал дракоша, высунув мордочку из зеркала.

– Любуюсь Задраконьем, – так же шепотом ответила я. – Ты бы видел, какой здесь кордебалет! Тысяча и одна ночь нервно курит в углу.

– Ты с ума сошла! – едва слышно пискнул Нистар. – Зачем это делать при всех?

– Так все равно же никто не видит, – пояснила я. – Зато я привыкаю к богатому внутреннему миру нашего ректора. Только одно непонятно: почему джиннов так много? На всех уроках всегда был один. Как скидочный купон: один джинн в одни руки. А тут их целое стадо резвится.

– Ээээ.... не хотел тебе говорить, – промямлил Нистар, – но драконы невероятно любвеобильны и очень сильны в мужском плане. Даже сильнее, чем оборотни, которые славятся своими сексуальными подвигами.

Ибица сердце перестало... то есть, я просто потрясена услышанным! Теперь понятно, чего он такой бешеный. Это тестостерон или что там у них вместо этого? А еще говорят, что рептилии хладнокровные. Ага! У него, похоже, в жилах вместо крови действительно огонь.

Вдоволь налюбовавшись, как мою огнепльную конфетку одолевают сексуальные порывы, я повернулась в сторону выхода и вдруг натолкнулась на сверлящий взгляд Шамтары.

Не знаю, как крокодилица Шамтара не подавилась собственным ядом, когда увидела сломанный подлокотник в руках ректора. У нее аж челюсти свело, а глаза, наоборот, совсем на лоб выкатились. Привыкай, хозяйка медной горы, каблук от Лабутена тебе в говэрло!

Половина претенденток выбыли. И только десять из двадцати, включая меня, получили высший бал. Что автоматически означало, что мы прошли в следующий тур отбора. Шамтара сжала кулаки, словно готовясь броситься на меня. Но ее подружки предусмотрительно окружили ее, создавая живой забор между нами. Я ехидно улыбнулась, подмигнула ей и пошла к выходу, нарочито качая попой так, чтобы звенели бубенчики на золотом поясе. Чтобы этот звон ей ночью снился, крокодилице кривоногой.

Постель – вот лучший на свете мужчина. Особенно после такого долгого и волнительного дня. Всегда согреет, укутает в мягкое одеяло, успокоит и ничего не попросит взамен. Едва коснувшись подушки, я заснула. Но счастье было мимолетным. В закрытые глаза вдруг ударил яркий свет. Убить они меня, что ли, хотят? Есть досыта не дают, спать тоже. Это не академия, а какие-то нескончаемые половые работы. Половые в том смысле, что затр... авили они меня совсем.

– Ну что еще там? – сонно пробормотала я.

Приоткрыла глаза, и... оказалась на той самой лужайке, где Азар подарил мне "драконий морок". Только на этот раз поляна была пуста. Ни девушек, ни костров, ни песен. Лишь я и Азар. В глаза лезли какие-то острые листики, потому что я лежала на траве. А рядом сидел он, мой прекрасный принц. И улыбался, глядя на меня.

Я села, одернув подол длинной ночной рубашки, и поправила волосы. Хорошо, что феечки нам выдавали такие ночнушки, что они вполне могли сойти за гламурное коктейльное платье. Раскиндык... то есть, как же я неосмотрительна! Надо было на ночь духами опрыскаться. И напудриться немного. Вообще это жуть: ни на минуту не расслабишься. Приходится даже спать ложиться при полном параде, потому что во сне может случиться мужчина. То есть, бигуди на ночь – это точно не вариант. И крем для лица веселенького зеленого цвета тоже.

Азар нежно провел ладонью по моим волосам, и все мысли тут же веселой стайкой вылетели из головы. Остался только он. Вот Азар наклоняется ко мне, я чувствую его горячее дыхание. А почему горячее, кстати? – мелькает на задворках сознания одинокая мысль. Он прикасается щекой к моей щеке, скользит ниже, к губам. Я зажмуриваюсь и подставляю губы. Сердце одним скачком оказывается в горле. Но он меня не целует. Ну почему? Почему? Мне так хочется почувствовать его мягкие, но требовательные губы. Не самой же к нему лезть! Это как-то неприлично даже для меня. Может, с кем-то другим я бы себе и позволила порулить романтическим процессом в целях сокращения долгого пути к светлому будущему. Но с ним всё не так. С ним всё... я даже сама не знаю как. Знаю только, что у меня в крови электричество. Двести двадцать вольт. Только теперь я начинаю понимать героинь всех этим пафосных книжек про девятнадцатый век типа Тургенева и прочей скукотни, которые меня жутко бесили на уроках литературы. Где героиня половину книги страдает оттого, что ее принц на нее не смотрит. Исписывает три тетрадки дневников, а потом засушивает между страничками этого дневника подаренный любимым на прогулке цветочек. Я бы тоже "драконий морок" засушила, если бы этот дуболом Пак из него зелье не сварил.

– Ну целуй же меня, Азар! – мысленно взмолилась я.

Но он лишь убрал упавшую на мое лицо прядь и сказал:

– Ты сегодня так великолепно танцевала! Ты невероятно красива, Алиса! – он взял меня за руку и поцеловал в раскрытую ладонь.

Откуда он знает? На меня словно ведро ледяной воды вылили.

– Откуда ты знаешь, Азар? Тебя ведь там не было! Или... ты был, да? Был? Скажи мне! Не молчи!

Но он не ответил. Лишь зарылся лицом в мои волосы. Потом отстранился, посмотрел мне в глаза, щелкнул пальцами, и... я снова оказалась в своей постели. Но на этот раз она меня не радовала и не успокаивала. Потому что где-то там, внутри, медленно поднималась волна холодной злости. Я ощущала запах Азара. Тепло его рук. Поцелуй на своей ладони. Но бурлящее бешенство не давало мне усидеть на месте. Я вскочила с постели и забежала по комнате туда-сюда.

– Он с тобой играет, – шепнул Доктор Чуйка.

– Знаю! – огрызнулась я. – Дура! Какая же я дура! Ну почему мне никогда не попадаются нормальные мужики?

– С кем ты разговариваешь, Алиса? – дракоша, свернувшийся клубочком на постели, проснулся и потер передними лапками глаза.

– С умным человеком, с собой!

– Да что с тобой, Алиса?

Что со мной? А и вправду, чего это я? В первый раз в жизни я влюбилась. Неужели я решилась признаться в этом самой себе? Да, решилась. Сколько раз твердила, что нельзя и вообще мне никто не нужен, и что любить нужно только список "Форбс" и себя саму. И вот расплылась, как дура. Словно мне подсунули приворотное зелье, как ректору. Стоп!

Я замерла посреди комнаты от ужасной мысли. А что если меня Азар приворожил так же, как я дракона? Еще при первой нашей встрече там, на огромном цветке? И подарил мне он цветочек аленький. А кто мне сказал, что это не какая-то дурман-трава спецом для таких дур, как я? Если есть приворот для дракона, то почему бы не быть привороту для нас, людей?

– Меня приворожили, Нистар. А скажи мне, пожалуйста, как можно снять приворот?

– Тебя? Это исключено! – дракоша сплел лапки на пузе. – Для этого у тебя есть я. Магический защитник для того и существует, чтобы тебя не смогли приворожить, околдовать и обмануть.

– У дракона тоже есть фамильяр! Но тем не менее, его зелье вон как разобрало! Своими глазами видела!

– Ну ты сравнила, – фыркнул дракоша. – "Драконий морок" выращивали лучшие маги как защиту от произвола драконов. Кому нужна такая защита от людей? Вы же слабые! Магией почти не владеете, кроме тех, у кого отец из фатумов, как у тебя. Так вас всех в академию забирают. И ради кого стараться? Фатальям и фатумам зелья не нужны. Ну для приворота людей так точно. У них другие инструменты. Так что успокойся. Никто тебя не приворожил. Просто...

– он запнулся и замолчал.

– Договаривай! – потребовала я.

Он тяжело вздохнул и сказал:

– Твоя беда в том, что ты все пытаешься просчитать, выгадать и проконтролировать. Включая собственные чувства. А они ведь

контролю не поддаются. Как бы ты не закрывала свое сердце от любви, в один прекрасный день она придет, сядет напротив тебя и предъявит счет. Длинный такой счет, со множеством нулей.

Нистар говорил очень тихо, спокойно и даже убедительно. Но моя злость не отступала. Любовь-не любовь, но крутить собой я больше не позволю! Я ему задаю вопросы, а он молчит. И Доля инфу выдает дозированно, как доктор слабительное.

– Вот вы у меня где все сидите с вашими играми престолов! – я рубанула ребром ладони по горлу. – С Долей ничего сделать не могу, а вот Азара заставлю всё рассказать. Хотите, чтобы я помогала? Положите все карты на стол. Если Азар видел мой танец, то он должен быть в академии. Что вполне логично. Как говорил один мудрый сенсей из американского боевика:

– Самое безопасное место при торнадо в его центре. Когда все сносит к чертям, внутри этой сумасшедшей воронки есть крошечное тихое местечко. Азар в академии, дракоша. Я чувствую.

– Я, конечно, не спорю, что влюбленные обладают повышенной чувствительностью и интуицией. К примеру, возьмем Шекспира, Ромео и Джульетту.

– Не грузи меня интеллектом! Иначе я тебя нагружу гравитацией! – зарычала я, надвигаясь на него, и замахнулась.

– Обойдёмся без травматизма! – взвизгнул Нистар и затрепетал крылышками, взлетая под потолок.

Я вскочила на кровать и подпрыгнула, а прыгаю я хорошо! Поэтому мне удалось зацепить его хвост и дернуть вниз.

– Ты меня завтра же проведешь в Зафеминье! Это единственно место в академии, где можно спрятать мужчину! В нашем Замужикалье они все на виду. А там он вполне может прикинуться студентом. Или ветошью.

– В Зафеминье? – дракоша закатил глаза и попытался хлопнуться в обморок.

Но я его хорошенько встряхнула и он быстро пришел в себя.

– Ни за что! – решительно сказал он и гордо вскинул подбородок, сложив лапки на груди. – Я не допущу, чтобы тебя наказали ссылкой в необитаемый мир на веки вечные! Ты забыла, что это строго запрещено? Все проходы между отделениями заблокированы, чтобы фатумы и фатальи друг в друга не влюбились по молодому делу, и не

начался бы хаос в судьбах. И без влюбленных богов судьбы во всем Ковре Миров кавардак. Лучше убей меня сразу! Тогда обо мне будут слагать легенды и песни. Я войду в историю как пример неисчерпаемого мужества и преданности фамильяров. И, может быть, рыцари даже создадут Орден имени меня, – он всхлипнул и утер одинокую слезу, скатившуюся по щеке.

В этом маленьком существе было столько решимости защитить меня, что вся моя злость со свистом улетучилась, как воздух из проколотого надувного мяча. Я ослабила хватку, поцеловала его в нос и прошептала:

– Ты ж моя радость! Ну пожалуйста! На десять минуточек. Я наложу Грим Судьбы, как там, на экскурсии в мире ящериц, и никто не узнает.

– А если ты нарвешься на Недолю или Горала? – вскинулся дракоша. – Им Грим Судьбы нипочем!

– А я остороженько и быстренько. И потом ты же будешь с мной. Я-то туда точно одна не проберусь. А ты подскажешь, посоветуешь, ты же у меня умница! – я пощекотала его животик.

– Нет! – он скинул мою руку с живота.

Ладно, пойдём ва-банк! Эх, пропадать – так с музыкой!

– А я книжки буду читать из того списка, что ты мне составил. Раз в неделю, честно-пречестно! Клянусь "Форбсом"! – я посмотрела на него самым правдивым взглядом из своего большого запаса на все случаи жизни.

Взгляд был опробован на московских коллекторах и промашки не давал. Дракоша колебался. Он искоса глянул на меня и сказал:

– Каждый день чтения, по полчаса перед сном. А чтобы исключить возможность жульничества, будешь пересказывать, что запомнила. Начнешь с Шекспира и прочтешь его полностью.

– Ибица сердце перестало... то есть, как же я напугана! Ты что меня убить хочешь? Одну книгу для ознакомления, и хватит.

– Всё собрание сочинений!

– Половину, – неохотно уступила я, тяжело вздохнув.

– Три четверти полного собрания сочинений, и дальнейший торг неуместен, – дракоша поджал губы, что у него означало крайнюю степень решимости.

– Ладно, садюга. Три четверти.

– Продано! – в лапках Нистара появился крошечный золотой молоточек, которым он стукнул по воздуху, словно заправский аукционист. – Нам нужен гениальный план действий.

Судьбоносный этикет считался самым скучным курсом в академии. До меня доходили слухи, что руководительница курса странная, но я не думала, что настолько. Столы в классе этикета были сдвинуты в круг. Я села между Дейной и Акавишей, стараясь на нее не смотреть. После отбора отношения между нами ухудшились. Я с трудом выносила ее. А она хлопала глазами, изображая невинность. И всё пыталась мне угодить. Знает, паучишка, чью муху пытается сожрать! Просто конфликтов не любит. В тихом омуте иногда зубастые крокодилы водятся.

Прямо напротив меня расположилась Шамтара в окружении подружек. Вся эта зеленомордая компания буравила меня взглядами и беспрерывно шепталась, громко и глупо хихикая. Я демонстративно скривилась и едва сдержалась, чтобы не показать рептилоидам язык.

Дверь класса вдруг распахнулась, и в проеме показался огромный сундук, который тащили по воздуху два домашних гоблина каждый размером с трехлетнего ребенка. Надрываясь от натуги, они трепетали огромными ушами и шмыгали длинными носами.

Вслед за ними в класс влетело белое облачко, зависло в воздухе, вспыхнуло искорками и превратилась в полупрозрачную старушку, одетую в строгий английский костюм и изящную шляпку. У меня аж дыхание сперло.

– Это что с ней такое? – шепотом спросила я Дейну. – У нее папа рентгеновский аппарат?

– Она призрак, – едва слышно ответила Дейна. – И... – договорить она не успела.

– У меня великолепный слух! – отчеканила преподавательница. – Так что давайте я сама расскажу вам некоторые подробности своей биографии, дабы избежать ненужных вопросов. – Меня зовут Миссис Пампкинс, и я – призрак. Прежде, чем стать таковой, я жила в Букингемском дворце и воспитала два поколения английских королей. Но меня погубила любовь к вишневым пирогам. Я умерла, подавившись косточкой. Мой опыт в воспитании был так велик, что Ангел Смерти, отобрав у меня земную жизнь, оставил мне ипостась привидения. И мои огромные знания не пропали. Будучи призраком, я

воспитала еще десять поколений британских монархов. После чего заслужила от Ангела Смерти повышение в должности и была переведена в академию, так как в Букингемском дворце меня донимали ужасные сквозняки, – она замолчала, оглядела класс и щелкнула пальцами.

Крышка на сундуке резко откинулась, и сидевшие на ней гоблины, с визгом шлепнулись на пол. Из сундука вылетели тарелки, бокалы, чайники, ложки, вилки и прочие столовые принадлежности. Вся эта утварь плюхалась на столы перед нами, выстраиваясь в строгом порядке: маленькие закусочные тарелочки на больших блюдах для горячего, вилки и ножи, как дворцовый караул, с двух сторон от тарелок. Последними посреди каждого стола гордо приземлились высокие бутылки из фиолетового стекла.

– Итак, – миссис Пампкинс взвилась под потолок и удобно устроилась в воздухе, выпрямив спину и сдвинув колени, словно сидела на стуле с высокой спинкой. – Сядьте так же, как я, ибо это поза истинной леди. Воспитанные девушки не кладут ногу на ногу и не раздвигают колени. Вам придётся присутствовать на дипломатических приемах и сидеть рядом с королями, президентами и султанами. И во всех, без исключения, мирах Ковра Судьбы, любой дипломатический прием начинается с дегустации умного вина Великих Эльфийских Луговых Королей.

Фиолетовые бутылки, что стояли на столах, по-гусарски выстрелили пробками в потолок. Гоблины с визгом влетели в сундук и захлопнули крышку. Бутылки наклонились над бокалами и плеснули в них синей жидкости. Я поежилась. Очень какой-то неаппетитный цвет. Вот так хлебнешь этих чернил – и кирдык-хана... то есть, Судьба прервет мою линию жизни.

– Кто мне может сказать, для чего подается это вино? – миссис Пампкинс изящным движением приставила к глазам монокль в золотой оправе и внимательно оглядела студенток

– Для того, чтобы выявить истинные намерения участников приема, – шепотом подсказал мне Нистар, высунув мордочку из зеркала на браслете.

– Чтобы узнать, о чем, в действительности, думают дипломаты, – громко выпалила я.

– Хорошо по сути, плохо по форме, – покачала головой Миссис Пампкинс. – Леди не кричат. Они разговаривают тихо, поэтому их внимательнее слушают. Но в целом верно. Вино улавливает ложь, поэтому его так ценят дипломаты. Хотя если вспомнить все конфузы, причиной которых послужил этот благородный напиток, вреда от него больше, чем пользы. Но не нам менять устоявшиеся веками традиции. Теперь каждая из вас поднесет вино к губам и скажет мне, хочет ли она стать истинной леди под моим чутким руководством. Начинаем по кругу, Акавиша первая, – она махнула в сторону Акавиши появившимся в руках черным зонтиком.

Акавиша поднесла вино к губам, тихо сказала:

– О да! Я хочу быть истинной леди, – и пригубила вино.

Я напряглась, но ничего не произошло.

– Вкусно, – улыбнулась Акавиша и чинно промокнула губы салфеткой, сделанной из нежно-голубых фиалок.

Дейна подхватила эстафету и выпила немного вина, прошептав предварительно, что мечтает стать настоящей леди. Теперь моя очередь. Ну и не страшно совсем. Все пьют и ничего. Проверено: мин нет. Я поднесла к губам бокал и в этот момент дракоша снова высунул мордочку из зеркала и шепнул:

– Скажи, что ты не хочешь быть истинной леди!

Я округлила глаза и скорчила рожицу, показывая ему, что он совсем свихнулся. Может, у него там в зеркале наливают, а закусь не дают? Я как раз таки хочу.

– Не спорь! – зашипел Нистар. – Слушай меня, я знаю, что делаю.

Он меня под монастырь подведет! Но зачем-то же ему это нужно? Вдох-выдох! Ладно, придется послушаться моего занудного наставника. Я поднесла бокал к губам и тихо сказала:

– Я не хочу быть истинной леди!

Изумленный вздох пронесся по классу. Шамтара ехидно хихикнула и прошипела:

– Умная дворняжка знает свое место! Кстати, бокал тебе не нужен. Собачки любят с пола лакать, – она высунула язык, сложила руки, как цирковая собачка лапки, и тявкнула.

Студентки покатались от смеха. Вот сейчас не удержусь и втащу ей в зеленую физиономию, как истинная леди: пяткой в нос. А вино

вдруг забурлило, фонтаном поднялось над бокалом и превратилось в лицо эльфийки с длинными изящными ушками и миндалевидными глазами.

– Лгунья! – прожурчала эльфийка. – Спишь и видишь, как бы превратиться в леди, потому что твой Аз...

Всё! Сейчас эта волшебная сивуха меня заложит. Если она произнесет имя Азара, то мне конец. Убью дракошу! Убью! А пока нужно заткнуть этот жидкий детектор лжи – забодай его тролль! Я двумя руками с силой стукнула по эльфийской физиономии. Лицо распалось на синие струйки и окатило меня до пояса, расцветив чернильными пятнами белую блузку и выкрикнув напоследок:

– Хамка!

Миссис Пампкинс, как коршун, бросилась на меня с потолка. Ткнула в меня зонтиком, и тут выяснилось, что у призрачной леди зонтик как раз таки настоящий. Я схватилась за уколотый зонтом живот и согнулась в три погибели.

– Извольте выйти вон из класса! – взвизгнула она так пронзительно, что электропила удавилась бы от зависти. – И не возвращайтесь, пока не приведете в порядок свою одежду, а главное: растрёпанные мысли!

– Ну спасибо, Нистар, мелкий ты гад! – прошипела я в браслет, вылетев из класса. – Доволен?

– Да! – дракоша вылез из браслета и устроился на моем плече. – Ты хотела улизнуть в Зафеминье? И как ты собралась отпроситься с уроков? Сама знаешь, сколько разрешений нужно получить, чтобы не пойти хотя бы на одно занятие. А так тебя официально выгнали. И учитывая, что судьбоносный этикет – это всегда две пары, то у нас полно времени для экскурсии в мужское отделение академии. Давай-ка быстрее беги в свою комнату переодеваться.

Оказавшись в своей комнате, я быстро стащила с себя блузку. Не глядя, вытащила из шкафа другую, молниеносно переоделась. Осталось нанести Грим Судьбы. Я открыла набор с Гримом и привычно обмакнула кисть в серые и прозрачные тона. Снова мне придется стать серой мышкой, как тогда в мире людей-ящериц. Нистар вытащил из моего браслета золотую нить, обвил ее вокруг моей талии, и, строго сдвинув бровки, сказал:

– Ты должна слушаться меня во всем, и вести себя тихо, как мышка. Не застывать столбом, не спорить и делать только то, что я скажу, и когда скажу.

– Да, мама! – я скорчила кислую мину.

И в ту же минуту меня затащило в браслет. Я ухнула в пропасть ногами вперед и на удивление мягко приземлилась в коридоре, который ничем не отличался от нашего коридора в Зафеминье.

– Нам повезло. Сегодня лучший день, чтобы увидеть всех студентов сразу, – прошептал дракоша, высунув голову из браслета. – Половина Зафеминья в спортзале, половина на судьбоносных торгах. Так что не придется бегать по всем классам. Иди вперед, там спортзал.

Я пошла по коридору. И вдруг из-за угла вылетел лепрекон Камцан. Я замерла. Бух! Сердце подскочило к горлу и застряло там. Кардашьян сжалась, явно собираясь последовать за сердцем вверх. Я задержала дыхание. Камцан уставился прямо на меня невидящим взглядом, потом озадаченно посмотрел в бумаги, крепко зажатые в руках.

– Опять скидки пропустим, если ректор сегодня заказ не подпишет, – он сдвинул цилиндр на лоб и почесал затылок с громким скрипом. – Как жрать, так все, а как деньги считать – так никто! – озабоченно нахмурившись, лепрекон побежал по коридору, громко стуча башмаками.

– Фууух! – выдохнула я.

Спортзал мне даже искать не пришлось. Громкие крики доносились из конца коридора и я пошла на звук. Затаив дыхание, я приоткрыла дверь, заглянула в зал и ахнула.

Яркий солнечный свет ослепил меня так сильно, что пришлось зажмуриться. Вместо зала я увидела стадион с изумрудной травой и бирюзовым небом, куполом нависавшим над ним. Прямо с неба к траве спускались толстые золотые канаты. А на них крутились студенты. Моя нижняя челюсть едва не упала на пол с громким стуком.

Высокие, ловкие, накачанные красавцы, все, как на подбор, студенты были одеты в широкие черные шелковые шаровары, которые не скрывали, а подчеркивали рельефные попы. Торсы у всех были обнажены, и на них сверкали капельки пота. Ушатай меня... весь список замен из головы вылетел. В жизни никогда не видела столько красивых парней сразу!

Из шока меня вывел физрук – высокий арахн в черных широких брюках и с голым торсом подбежал почти к самой двери, и, мельком взглянув на меня, выкрикнул:

– А теперь отжимания от пола!

Красавцы, ловко спрыгнув с канатов, упали на траву и принялись отжиматься. Через минуту я поймала себя на том, что моя голова опускается и поднимается в ритме их движений.

– Может, ты, наконец, прикроешь рот? – прошипел дракоша из браслета. – А то ты его так раззявила, словно рыба, вытащенная на берег!

Я захлопнула рот так поспешно, что клацнули зубы.

– Ну что? Есть среди них кто-то, похожий на Азара?

– Нет! – с трудом переводя дыхание, ответила я, продолжая любоваться красавцами.

– А чего тогда стоим? Пойдем в класс, где преподают судьбоносны торги. Там несколько групп собралось.

С трудом оторвавшись от потрясающего зрелища, я прошла дальше по коридору, и, услышав многоголосый шум, остановилась. Шум доносился из-за закрытой двери. Затаив дыхание, я слегка потянула дверь на себя и она приоткрылась. Ушатай меня... гхм... Великая Судьба, как такое возможно?

Даже дыхание перехватило от увиденного! Вместо класса за дверью находилось помещение размером со стадион. Наверху, под потолком висел экран, на котором настолько быстро мелькали разные картинки, что у меня даже голова закружилась. Все помещение было от пола до потолка затянуто золотыми нитями, словно здесь резвилась целая стая вконец укуренных пауков. По нитям, как по рельсам, ездили стулья, на которых сидели студенты. Каждый держал в руках пухлые стопки золотых и черных карточек. А посередине застыл в воздухе Горал.

Он поднял руку и студенты замерли, глядя на него.

– Начинаем судьбоносные торги! – выкрикнул ректор, и, подпрыгнув в воздухе, превратился в огромного дракона.

Ибица сердце перестало! Какая мощь! Тело Горала было алым, и по крупной чешуе пробегали золотые искорки. Он подлетел к экрану и ударил по нему могучим хвостом. Экран вспыхнул огненной рамкой и

на нем появился пухлый младенец: голубоглазая девочка с ниточками складок на запястьях.

– Лот номер один. Новорожденная, имени пока нет, судьба не выторгована, место рождения: Россия, городок Сонномухино. Интеллектуальный и физический потенциал огромен: сто из ста. Начинаем торговать ее судьбой, – прорычал Горал и изверг столб пламени.

– Девочка красива, поэтому повышаю стоимость акций замужества до брака с принцем Монако! – выкрикнул высокий блондин и бросил золотую карточку в экран.

Карточка приклеилась к блестящей поверхности экрана, ее втянуло внутрь и у ног младенца появился маленький золотой столбик диаграммы.

– Это как? – спросила я дракошу, который высунув голову из браслета, с любопытством поблёскивал бусинками глаз. – Она что может за принца замуж выйти?

– Если он продаст кому-то эти акции, то да. Предупреждая твой вопрос: именно так серые мышки выходят замуж за принцев. Потому что при их рождении какой-то фатум ловко выторговал им судьбу.

Я, конечно, знала об этом и раньше. Но одно дело теоретически. И совсем другое самой наблюдать, как фатумы торгуются за судьбу крошечной девчонки из такого же Волчедуйска, как и я. А она, бедняжка, сопит миниатюрным носиком и даже не догадывается, что всё уже отмерили, взвесили и решили.

– Дайте вероятность развития событий! – Горал повернулся к блондину.

– Девочка поступит на биофак, закончит его с отличием, займется разработкой лекарства от рака, приедет на ежегодную конференцию по проблемам онкологии в Монако и познакомится с принцем.

– Поддерживаю! – выкрикнули еще несколько фатумов, швыряя золотые карточки в экран.

Блестящая диаграмма удачи на экране у ног малышки заметно выросла.

– Понижаю! – выкрикнул леталец с такой же противной зеленой мордой, как у Шамтары. – Основное качество лота: лень. Блестящие способности здесь не помогут, – он швырнул в экран черную карточку, и у ног малышки появился столбик диаграммы угольного цвета.

– Вот гнида! – прошептала я дракоше. – Что ему жалко, чтобы девочке достался принц?

– Подожди волноваться! – шепотом ответил Нистар. – Сейчас главное, чтобы как можно больше фатумов сыграли на повышение акций малышки. Тогда золотая диаграмма удачи перевесит черную диаграмму неудачи, и малышка станет Золушкой в финальном этапе, когда она все-таки вышла замуж за принца.

– Повышаю! – выкрикнул тот же блондин, швыряя очередную золотую карточку в экран. – У девочки доброе сердце, а доброту нужно награждать.

– И это минус! – выкрикнул парень-паук. – При такой доброте и совести весом в полторы тонны напрочь отсутствует способность идти по головам. А блестящего успеха достигают только такие, кто способен через всех переступить. Ей просто совесть не позволит!

– Поясни причину и обоснуй вероятность развития событий, – Горал ударил хвостом по нити, на которой стоял стул арахна, и тот едва не свалился в пропасть, в последний момент зацепившись всеми шестью лапками за нити.

Жалко, что эта паучья гнида не упала! Доброта – это, видите ли, у него минус.

– Отец малышки бросит семью, мать заболеет и окажется не в состоянии содержать саму девочку и ее младшую сестренку. Девочка, обремененная слишком большой ответственностью, рано пойдет работать, времени и денег на учебу не будет. Она так и останется неучем, – он швырнул в экран черную карточку, и диаграмма неудачи у ног малышки угрожающе поползла вверх.

У меня сжались кулаки. Сейчас не выдержу и вцеплюсь ему в физиономию!

– Поддерживаю понижение акций лота! – закричали еще несколько студентов и бросили черные карточки в экран.

Диаграммы опасно сравнялись. Черная слегка коснулась пятки младенца и девочка радостно заулыбалась. Мне так захотелось прижать ее к себе! Погладить маленькую ножку и шепотом рассказать, что все будет хорошо.

– Когда я вырасту и стану великаном, я все разбитые коленки излечу, – прошептала я.

– Не переживай! – дракоша высунул из браслета лапку и погладил меня по запястью. – Если ты станешь Макошей, Судьбой, то все исправишь.

А черные карточки одна за другой летели в экран, как черные вороны, которые в сказках всегда приносят беду.

14 Глава. Наедине с драконом

– Покупаю на понижении и повышаю! – закричал блондин. – Малышка умна. Поэтому, чтобы найти применение своему таланту, сама освоит программирование, напишет гениальную программу, откроет стартап, заинтересует богатого спонсора вложить в нее деньги. Программа принесет большую прибыль, а спонсор влюбится в девушку и она выйдет замуж за миллионера, сама при этом будучи успешной.

– Протестую! – закричал зеленомордый ящер. – На предыдущих торгах до конца нынешнего календарного года исчерпан лимит счастливых случаев.

Вот сволочь! Никак не уймется!

– Это он сейчас о чем? – тихо спросила я дракошу.

– В каждом из Миров Ковра есть определённый лимит невероятно счастливых случаев, разрешенных каждый год. Например, в твоём мире в этом году есть только две провинциалки, которые вышли замуж за богачей. Или только три бедняка, которые своим трудом стали миллионерами.

– Вот жлобы судьбоносные! – возмутилась я. – Им что жалко, что ли?

– Это закон великого равновесия Судьбы, – вздохнул Нистар. – Все не могут быть счастливы. И если кому-то где-то прибыло, то кому-то должно, наоборот, убыть.

– Да, но она же не могла подгадать родиться до того, как всю удачу уже раздали. Что же ей теперь делать?

– Терпеть и тянуть свою лямку, – скорбно прошептал дракоша.

– Да ну к черту! – с досады я стукнула кулаком по двери.

– Тише! – пискнул дракоша. – Ты нас погубишь, Алиса!

А ящер, тем временем, принялся швырять черные карточки в экран. Остальные фатумы последовали его примеру. Блондин с несколькими друзьями сражались, как львы, пытаясь выторговать малышке хоть немного счастья. Но тщетно!

Черная диаграмма все росла и росла. А малышка все улыбалась. Беззаботно, как умеют смеяться только дети. И все, что досталось

нашей девочке – это обычная нормальная жизнь. Тихого непьющего мужа блондин все же ей выторговал. И двух деток. А также маленький домик, ипотеку, поездки в Турцию раз в два года и даже небольшой выигрыш в лотерее. Просто чтобы подсластить пилюлю.

Вся ее жизнь прошла передо мной на экране. С первого до последнего дня. Я даже видела, как она с мужем и детьми едва не села в самолет, захваченный террористами. Хорошо, что блондинистый фатум ее от этого уберег, с пеной у рта доказывая, что бедняжке и так почти ничего не досталось, поэтому такого поворота судьбы она не заслужила.

И вдруг на экране появилась шикарная яхта. На ее белоснежной палубе нежилась в лучах предзакатного солнца миниатюрная хорошенькая девушка, в которую превратилась наша малышка. А рядом заботливо нарезал для нее фрукты прекрасный принц в белоснежном костюме.

– Это что? – не поняла я.

– Сны о чем-то большем, – дракоша, не отрываясь, глядел на экран. – Судьба дает нам утешение в снах. Показывает ту непрожитую жизнь, которая могла бы у нас быть, и которую мы проиграли на судьбоносных торгах.

– Утешение? Да это садизм! Все равно что показать голодному кусок мяса. Или кусок торта девушке, сидящей на жесткой диете.

– Но мы же не знаем, что это наша непрожитая жизнь. И во сне мы ныряем в сказку!

– Итак, продано! – Горал полыхнул пламенем. – Торги по лоту номер один закрыты. Следующий лот...

Лот! У нее еще даже имени нет. А они с ней обращаются, как с вещью. Сволочи!

– Гады! – я больше не могла сдерживаться.

– Алиса, успокойся! – взмолился Нистар. – У нас будут неприятности! Хватит! Уходим! Нет здесь твоего Азара.

А я все стояла возле этой двери и не могла сдвинуться с места. Всё смотрела на экран. Вот так живешь, стараешься, планируешь, куда-то бежишь. Иногда не то, что лбом – рогами железными пытаешься пробить эту глухую стену неудач. И все окружающие тебе бодро твердят фальшивыми голосами, что всё будет хорошо. Нужно только стараться. Без пруда не выловишь рыбку из труда. Да, именно

так, а не наоборот! И ведь веришь всей этой ерунде! Потому что не знаешь, что когда-то на торгах твои акции оценили слишком низко.

– Сволочи! – я изо всех сил стукнула кулаком по двери, и... треклятая дверь вдруг широко распахнулась.

Я даже икнула от неожиданности. А Нистар, тихо пискнув, скрылся в браслете. Горал повернулся, увидел меня и застыл. А вместе с ним застыли на золотых нитяных рельсах студенты. Мне показалось, что даже очередной младенец на экране, за судьбу которого здесь принялись торговаться, тоже удивленно посмотрел на меня.

– Вот это да! – пронесся по рядам тихий шепоток. – Фаталья из Замужикалья! Разрази меня гром! Забодай меня тролль!

Где-то на задворках сознания промелькнула мысль, что меня почему-то видят студенты, хотя на экскурсии по миру ящериц одnogруппницы в упор не замечали меня, загримированную под Серую Мышь. В горле пересохло. Да так, что аж голос сел. Поэтому я сдавленно просипела:

– Извините! Я тут...эээ... заблудилась! Уже ухожу. Прошу прощения за беспокойство ... – закончить фразу я не успела.

Горал, кувыркнувшись в воздухе, жажнул столбом огня в мою сторону и ринулся к двери. Я отпрянула назад и упала на спину. Раскиндык! Как больно! Рядом полыхнуло, опалив подол юбки. Ох ты ж Спилберг с парком Юрского периода тебя, ректор, задери! Я перекатилась на бок, отползая от огня. Но с другой стороны тут же полыхнуло снова. Когда ж у тебя фитиль-то перегорит? Бомбит, как фашистская сволочь! Без перерыва! Я вскочила на ноги и понеслась по коридору. Сзади бухало и полыхало.

– Прошу поддержки с воздуха! – выкрикнула я в браслет на бегу. – Нистарушка, помоги! Хьюстон, у нас проблема! Да где же ты, скотина мелкая?

– Войска союзников на подходе! – пискнул дракоша из браслета.

– Где? – заорала я, резко свернула за угол, но заложила слишком крутой вираж и упала на одно колено.

– Я ж говорю: на подходе! – раздалось из браслета.

Я вскочила на ноги, и вдруг взмыла вверх. Что это? Белая с золотом лепнина, украшавшая потолок, оказалась прямо перед моими глазами.

– Мама дорогая! – заорала я во все горло.

Невидимая сила подбросила меня в воздух, и, перевернувшись, я увидела прямо перед собой драконью морду. Дракон держал меня в зубах и два огромных золотистых глаза, сузившись от злости, глядели на меня.

Ибица сердце перестало! Я замерла, боясь пошевелиться. Сейчас он меня подбросит вверх, откроет пасть и я туда свалюсь. Нет, это не пасть. Это поддувало размером с меня!

– Иииииииии! – вдруг донесся откуда-то пронзительный визг.

И в ту же секунду я с ужасом поняла, что визг исходит из моего горла. Меня тряхнуло. Да что ж ты делаешь-то? Хорош на центрифуге крутить, как космонавта! Тошнота подступила к горлу. Я закрыла глаза, и... со скоростью кометы полетела вниз. Все! Сейчас раздастся удар. Шмяк-шлёп- бамс – и от меня мокрого места не останется! Я выбросила руки вперед, пытаюсь хоть как-то смягчить удар от падения с высоты на пол. И вдруг оказалась в железных тисках.

Открывать глаза или нет? Я уже в пасти? Меня уже жрут? Или отдирают с пола? А зачем знать такие подробности? Нет, не нужно. Мне и так хорошо! Ничего не болит. Вроде бы.

– Как ты посмела? – от тяжелого дыхания моя челка взметнулась вверх.

Я приоткрыла один глаз. Горал, принявший человеческий облик, крепко держал меня на весу обеими руками на уровне своего лица. При этом мои ноги болтались в воздухе.

– Я... я... заблудилась, но все могу объяснить!

Боже мой, боже мой, боже мой, боже мой! Что мне придумать? Этот момент мы с дракошей как-то упустили из виду. Кстати, где эта мелкая скотина? Почему он мне не помогает? Нужно было заранее изобрести железное оправдание моего визита в Зафеминье. А сейчас мой мозг в ужасе бежит с чемоданом по шпалам впереди кардашьяна.

– Неужели? – Горал сощурился и нехорошо улыбнулся. – А ну-ка, полюбопытствуем, – он щелкнул пальцами и мы оказались в его кабинете.

Причем я с размаху плюхнулась на ковер, потому что дракон выпустил меня из рук. Горал подошел к минибару в виде драконьей головы, сделанной из чистого золота. Нажал на драконий глаз – бар открылся, ошестинившись частоколом бутылок разных форм и

размеров. Горал взял бокал и принялся возиться с пузатой бутылкой, откупоривая ее.

При этом он повернулся спиной ко мне. Отлично! На ноги подниматься не будем. Чтобы каблуки не стучали по полу. Хотя ковер вроде должен звук заглушить, но лучше не рисковать. Перекатившись с попы на четвереньки, я скоренько так, но очень тихо поползла на коленках к двери. Три шага до выхода, два шага, один – чую запах свободы!

– Ааааа! – я заорала от досады, потому что почувствовала горячие пальцы ректора на воротнике блузки.

– Опять заблудилась? – язвительно процедил дракон, сгреб меня за шиворот, поднял в воздух, как щенка, и, пронеся несколько шагов, бросил в кресло возле стола.

Сам он уселся напротив меня на стол, широко раздвинул ноги, так, что мои колени оказались между его ног. Одну ногу, обутую в изящный ботинок из рыбьей чешуи, он поставил на сиденье кресла, чуть ли не уперев ее в мое бедро, словно боялся, что меня снесет ветром вместе с мебелью. Другую ногу он вытянул и поставил на пол. Отхлебнул глоток багрового напитка и вкрадчиво сказал:

– Я весь – внимание.

Помирать – так с музыкой! Я открыла было рот, но язык буквально присох к нёбу.

– А можно водички? – просипела я. – А то так пить хочется, что аж переночевать негде.

– Что? – обе драконьи брови от удивления выстроились в домик.

– Извините! Неудачно пошутила. Я когда нервничаю, всегда шутю, то есть шучу невпопад. И смеюсь тоже. Так что вы не обращайтесь внимание.

– Еще в начале учебы мы, преподаватели, неустанно повторяли вам, студенткам, что за незаконное проникновение на территорию Зафемины мы без всякой жалости исключаем из академии. Но не спешите радоваться: домой, в свой мир ты не вернешься. Потому что слишком много знаешь. Поэтому мы бросим тебя в одном из необитаемых миров Ковра Судьбы, и там ты медленно умрешь. Но сначала одичаешь, потом заболеешь, сильно оголодаешь – а я лично позабочусь о том, чтобы тебя забросили в такой мир, где кроме камней, ничего нет. Ни единой травинки, ягодки или капли воды!

Поэтому сначала я хочу знать, почему ты нарушила строжайший запрет на визиты в Зафеминье, – глухо произнес он и покраснел.

Ой, беда! Он всегда краснеет перед тем, как харкнуть огнем. А я же прямо напротив него! И в голове вообще ни одной мысли. Нет, одна есть, вернее, не мысль, а вопрос: почему студенткам академии не выдают портативный огнетушитель? А лучше сразу пожарную машину! Что мне придумать? Не правду же говорить! Стоп! Правда – она ведь всегда лучший вариант, особенно, если ее малость приукрасить. Ну совсем чуточку!

Я опустила глаза, для правдоподобия ковырнула каблуком ковер, старательно изображая смущение, и прошептала:

– Мне очень нравится один мальчик, который учится в Зафеминье. Да, я знаю, что нам с ними запрещено встречаться, но просто хотелось хотя бы одним глазком посмотреть. Хотя бы издали, – я осторожно подняла глаза на ректора.

В принципе, и не так уж я соврала! Ну, разве что Азар давно не мальчик. Но и не девочка же! Я вообще не знаю, сколько ему лет. Выглядит лет на двадцать пять. Но Горал тоже выглядит примерно на столько же. Вопрос в том: сколько ему в действительности лет?

Ректор молча смотрел на меня. Ох, не нравится мне его молчание! Лучше бы бесился, честное слово! Тогда хотя бы знаешь, как реагировать.

– А как ты с ним вообще познакомилась? У вас даже совместных уроков еще нет!

– В Кладовой Судьбы! У нас был урок Счастливого и Несчастливого Плетения с Долей и Недолей. И нас отправили за инструментами в Кладовую Судьбы. А там же есть вход в Зафеминье. Вот я пока искала Бабу-Ягу, дверь на мужскую половину приоткрылась, и я увидела этого мальчика.

Горал молча пил свою кровавую настойку, не сводя с меня глаз. А лицо его все краснело. Ну, скажи же хоть слово, моя огнеплюйная конфетка, ушатай тебя, Китай! Можешь хоть до завтра сверлить меня взглядом, но я же не вру. Ну почти. Так и было, когда я впервые увидела Зафеминье вблизи. Только вместо мальчика там был Азар. Но все остальное правда!

Горал медленно вытянул руку и поставил стакан на стол. Движение было такое нарочито ленивое и спокойное, что я вдруг

поняла: он меня сейчас просто убьет. Мой Доктор Чуйка проснулся где-то там внизу, в районе трусиков и испуганно пискнул:

– Алиса, беги!

Горал вдруг медленно наклонился ко мне. Я вжалась в спинку кресла, по спине побежали мурашки. Минус сорок. Нет, минус пятьдесят! Кто сказал, что у взгляда не бывает температуры? Это вы просто не видели глаза Горала: они были холоднее Арктики, и ушатай меня Китай, если я не разглядела там громадные айсберги среди вечных льдов.

– А ведь это конец, – буднично сказал Доктор Чуйка.

И я с ним мысленно согласилась. Нет ничего страшнее, чем холодное бешенство. Пока он огнем плюется, еще есть надежда, что изобразив Хиросиму локального масштаба, отойдет и успокоится. А в таком состоянии он и плевать не будет. Просто тихо придушит. Кто сказал, что огненный дракон – это страшно? Ледяной дракон – вот настоящий ужас! Горал протянул ко мне руку и я зажмурилась. И в этот момент дверь с треском распахнулась и в кабинет влетел Камцан. Не здороваясь, он подлетел к Горалу и бесцеремонно сунул ему под нос большущие, густо усеянные чернильными кляксами, листы пергамента.

– Если вы сейчас это не подпишете, то нам завтра придется брать продукты и ткани по полной цене! Потому что скидки у поставщиков заканчиваются сегодня вечером, – завопил лепрекон и нервно почесал под цилиндром, сдвинув его на затылок.

– Вон отсюда! – заорал ректор, выхватил из рук Камцана листы и швырнул в его физиономию. – Я запрещаю врываться в мой кабинет без стука!

– Ах так? – леприконт гневно затопал, – тогда сами тащите на горбу все хозяйство академии! А с меня хватит! Я вам не студентка! – он тыкнул в меня пальцем. – Я – вольнонаемный работник и у меня есть права! И бюджет, выверенный не до последней золотой монеты, а до последней золотой пылинки! Я за вами целый день гонюсь из-за одной паршивой подписи. Волнуюсь как бы успеть закупить все сегодня, пока дешево. А цены опять выросли! А запросы у вас, как у Роберпупского королевского двора, где даже туалетная бумага из золота! Одни ваши феечки с их нарядами сколько денег жрут –

половину Ковра Миров можно одеть! – леприкон резко развернулся на каблуках, высекая искры из ковра, и полетел к двери.

Его зеленый цилиндр остался висеть в воздухе.

– Стоять! – ректор схватил цилиндр и бросился за своим Камцаном.

Они вылетели в коридор. До меня донеслись их вопли. Через полуприкрытую дверь я видела все, что происходит в коридоре.

– Я тебя не отпускал, Камцан! – ректор щелкнул пальцами, и золотые нити вырвались из его браслета, коконом опутав лепрекона.

– А мне начхать, забодай вас тролль! Как жрать – так все! А как платить – так никто! – Камцан выхватил из кармана ножницы и быстро обрезал нити, освобождаясь из плена.

Я вскочила с кресла и бросилась к двери, надеясь на то, что они хотя бы на несколько метров отошли от кабинета. Тогда я проскочу, проползу, зарююсь под пол, пролечу под потолком, проплыву по канализации – я сейчас от страха такое могу, что любой ниндзя себе сразу бы сделал харакири от зависти! Но если не везет, так уж не везет до упора: Горал спорил с лепреконом прямо возле двери, опираясь рукой о косяк. То есть, если я только приоткрою дверь, то толкну его.

Что делать? Я бросилась к столу ректора. Если мне не удалось улизнуть, то нужно хотя бы найти какое-то средство для самообороны. Нож, кинжал, да хоть дырокол! Хотя откуда у них дыроколы? А им, кстати, можно здорово по башке приложить. Я до упора выдвинула верхний ящик стола. Бумаги, чернильные ручки разных форм. Потрогала острие одной из них – нет, таким не уколешь. О! Чернильница! Тяжелая причем. Это хорошо. Вот стукну дракона по лбу, и бежать. В глубине ящика что-то блеснуло. Я отодвинула кипу бумаг и вытащила массивный, размером с куриное яйцо, медальон из какого-то странного металла. Вроде похоже на золото, но раза в три тяжелее. Как раз сойдет, чтобы Горалу в лоб впечатать! Я подкинула медальон на ладони, примеряясь, как лучше бить, и он вдруг раскрылся. Ибика сердце перестало! С искусного, хоть и миниатюрного портрета, на меня смотрел Азар.

– Ты что там делаешь? – за спиной раздался громоподобный рык дракона.

Чертовы феечки! Как назло в сегодняшнем наряде ни одного кармана! И в стол обратно медальон не бросишь, он точно увидит.

Осталось только одно место, где его можно спрятать. И откуда удобно будет доставать даже лежа.

– Ничего! – пользуясь тем, что Горал стоял по ту сторону стола, я оттянула вниз широкий пояс юбки и попыталась засунуть медальон за резинку трусов.

– Ты что там возишься? Украла что-то, да? – одним прыжком Горал перепрыгнул через стол и схватил меня за запястье той руки, что нырнула под пояс юбки.

Медальон успел скользнуть за резинку трусов, упал вниз и обжег холодком кардашьян. Это вообще-то логично! У меня всё в жизни происходит через это место, так что если что и прятать, так только там. Моя удача там уже давно живет. И мечты тоже. И золотой рыбец с Рублевкой и "Форбсом". Главное: не выдернуть руку! Иначе резкое движение только укрепит дракона в его подозрениях. И тогда он просто отберет у меня мое оружие.

– У меня проблема с.... трусиками, – пролепетала я.

Жалко, что я не умею краснеть на заказ. Это сейчас было очень кстати!

– Покажи, что взяла!

– Да ничего! Я же говорю: белье поправляю!

– А я проверю! – Горал еще сильнее сжал мою руку и потянул ее вверх.

Ушатай меня, Китай! Всё! На этот раз точно кирдык-хана!

– Вы же ректор, а не хам! – завопила я. – И мужчина к тому же! Уберите свои руки от моего нижнего белья, будьте джентельменом!

Горал отпустил мое запястье, но из его ноздрей вдруг появилась тоненькая струйка дыма. И глаза налились красным. Пора! Сейчас нужно одним движением задрать юбку сзади, потому что доставать медальон через пояс нет времени. Быстро выдернуть медальон из трусиков и звездануть его в лоб. А после этого помчаться к двери, пока он будет приходить в себя. Правда, выхода тогда у меня не будет никакого. Поймают и точно убьют! Или сошлют в заброшенный мир и убьют медленно. Шутка ли: нападение на ректора! Но не могу же я сейчас задрать перед ним лапки кверху! Мне это все равно не поможет. Жаль, что я не успела поучиться подольше. Сейчас бы как нафеячила, чтобы ему тяжеленая люстра на голову свалилась! Но такие заклинания мы еще не проходили. Стоп! Заклинание! Какая же я

фееричная дура! Как я могла забыть, что в крови дракона приворотное зелье, а у меня есть заклинание, чтобы его, зелье, активировать! Ушатай меня, Китай!

Я сосредоточилась и едва слышно прошептала заклинание. И вдруг из моего браслета вырвался целый клубок золотых нитей. Они окутали дракона. Он вздрогнул, на миг выпустил меня, покачнулся и нервно огляделся по сторонам. А у меня челюсть со стуком упала на пол! Нет, я много раз видела Замужикалье на уроках. Но в Задраконье ожидала увидеть злость, ярость, смерть – да всё, что угодно, но только не то, что увидела.

Во-первых, джинн. То есть мужское вожделение. Он уцепился за штаны Горала в самом пикантном месте и повис на них, показывая мне язык. Нет, он не дразнился. Это был очень эротический жест. Значит, приворотное зелье Пака сработало и Горал меня хочет. Ты ж мой мармеладный огнеплюй! Этого я и ждала. Но второе чудище, что скалило длинные и острые, как иглы, зубы, сидя на плече Горала, повергло в шок. Химера! Ревность! Страшная, аспидно-черная, с тремя головами: льва, козла и орла. С хвостом, который заканчивался змеиной головой, жадно развешивающей голодную пасть. С мощным мускулистым телом. Она молча сверкала кроваво-красными угольками глаз.

Химера расправила огромные крылья и взвилась в воздух. Сложив крылья, камнем упала вниз, и, зацепившись за лацканы черного шелкового сюртука ректора, полоснула его по сердцу длинными когтями. Мне едва удалось сдержать крик, грозивший вырваться из горла. А Горал побледнел и вдруг схватил меня за плечи. Химера, гнусно ослабившись, разинула пасть, вывалив длинный раздвоенный на конце язык, и пристально посмотрела на меня.

– Кыш отсюда, гнида трехголовая. Раскудри тебя, тролль! – мысленно заорала я.

Словно услышав мой вопль, химера медленно подняла лапу, вонзила когти прямо в сердце дракона и несколько раз провернула их в ране. В этот же миг Горал опрокинул меня на стол. Я попыталась вырваться, но он крепко ухватил мои руки, заломил их наверх, вцепившись в запястья, и я застыла в нелепой позе морской звезды. Единственное, что мне удалось: свести вместе ноги и крепко сжать колени, на которые он навалился животом.

Вот она – истинная причина непокорности, которую я принимал за игру строптивницы. Мне казалось: Алиса дразнит меня, набивая себе цену. Показным равнодушием пытаюсь выделиться среди длинного ряда студенток, которые ловят каждое мое слово, и готовы всё отдать, лишь бы занять место на троне Фатумора рядом со мной. Но прежде, естественно, занять это место сначала в моем сердце, а потом в постели.

А она не играла. Ей просто все равно, потому что она любит другого. И любит настолько сильно, что готова была рискнуть всем, лишь бы увидеть его! Разве много на свете женщин, которые поступили бы так же? Ответ: нет. Мне такие не попадались ни разу. И эта тоже мысленно не моя. В сердце ее живет другой. Кто? Разве может какой-то студентка сравниться со мной?

Да как она посмела хотеть кого-то другого, если я обратил на нее внимание? Ее подруга Акавиша рыдала бы от счастья, окажись она на месте Алисы. Шамтара уже склонилась бы передо мной, высоко задрав хвост и умоляя взять ее здесь и сейчас. А эта лежит передо мной на столе и мечтает только об одном: оказаться сейчас как можно дальше от меня и моего кабинета. И хотя я крепко держу ее за руки, и она понимает, что спасения ждать некуда. Не в этот раз, нет! Она все равно не сдается. Губы упрямо сжаты, глаза сужены, светлые волосы разметались по столу. Все тело дрожит, но при этом от него веет холодом и таким пронзительным арктическим равнодушием, что даже мое пламя отступает, пораженное этим айсбергом, что скрывается внутри, там, под теплой кожей.

И именно этот лед, соединяясь с моим пламенем в диссонансном аккорде, неправильном, уродливом, жутко звучащем, который взрывает слух, и дает мне это невероятное наслаждение властью над ней. Потому что такого я не испытывал ни с кем и никогда. Ее сопротивление дарит мне неимоверную сладость от победы, которая блаженной дрожью пронизывает все мое тело. Ведь победа над покорными – это такая невыносимая скука! Особенно для того, кто так долго живет.

Но одного я не потерплю: соперника. Никогда! Никакого. Ни единого. В радиусе трех обитаемых миров. А лучше всех миров Ковра Судьбы. Ты, Алиса, моя сладкая девочка. И я знаю, что ты из упрямства врешь сама себе. Я видел, как сузились в гневе твои глаза,

когда Акавиша танцевала передо мной, слезами вымаливая благосклонность. Я видел, как ты смотрела на меня там, на сцене, танцуя только для меня одного. Ты просто не в силах признаться сама себе, что этот мальчик, за которым ты пошла в Зафеминье, нужен только для того, чтобы обмануть твое упрямство. Ты точно такая же, как я. Мы одной крови. Два упрямых, невыносимых, жадных дракона. Но даже самой себе ты не признаешься, что я давно поселился в твоих девичьих мечтах. Ведь признаться – это означает уступить. А драконы не уступают. Ты из упрямства придумала себе, что любишь другого. Сама в это поверила, и продолжаешь лгать. А я лгу, что мне все равно. Кто-то из нас двоих должен уступить первый.

Я принял истинный облик. Она закричала от ужаса. В ее мире драконов нет и привыкнуть к ним непросто. Я подхватил ее на руки и взмыл к потолку, гребнем на спине открыв спрятанную в потолке кабинета пружину. В широко распахнутых глазах Алисы мелькнул ужас напололам с восхищением.

Алое небо все ближе и ближе. Я лечу к черным облакам, расправив крылья. Лечу к драконьей скале. Стекланный паучок академии все дальше. Под нами проносятся каменные леса, травянистые изумрудные горы, жемчужные пески, сухие моря, в которых волнами перекачивается бирюзовый песок. Драконова скала ждет меня среди белоснежных мраморных скал. Я опускаюсь на самый пик скалы, на крошечную площадку, на которой едва могут поместиться два человека. И поэтому складываю крылья и принимаю человеческий облик. Крепко держу Алису в объятьях и спрашиваю, перекивая свистящий вокруг ледяной ветер, который скрепляет, как печатью, драконьи клятвы:

– Хочешь упасть вместе со мной со скалы? Только не разбейся, моя девочка! Драконы умеют летать, ты – нет.

Она молчит. Вниз старается не смотреть. Я чувствую ее страх. Она боится высоты, я знаю. Этот страх заставляет ее все крепче прижиматься ко мне.

Она боится сказать "да". И боится сказать "нет". В пронзительно голубых глазах, обрамленных черными ресницами, застыли слезы..

– Ты хочешь, Алиса, я знаю!

– Нет! – она с трудом разлепляет пересохшие от ветра губы.

– Тогда почему ты играешь со мной?

– Я... не иггrrраю... простите, – она дрожит.

Но что-то мне подсказывает, что это не только страх.

– Что ты делала там, в Зафеминье? – я слегка ослабляю объятия, и она балансирует на краю Драконьей скалы, под которой разверзлась глубокая пропасть.

Под нашими ногами в пропасти плывут облака, потому что скала выше неба и выше радуги. Зато она очень близко к Божеству. Алиса испуганно хватается за меня, крепко обнимая за плечи.

– Что ты делала там? – я трясую ее так сильно, что ее голова запрокидывается.

– Тебе нравятся все эти мужики с голыми торсами? Да? Они тебя возбуждают? Ты думала о них? Ты мечтала? Ты трогала себя? Отвечай мне!

Эта мысль, что она может желать, пусть даже из упрямства, кого-то другого, сжимает мне горло. Мешает дышать, словно чудище, что длинными и острыми когтями рвет сердце.

– Нет! – удивлённо распахнутые глаза темнеют от гнева. – Я искала одного парня. Я вам говорила!

– Зачем? Кто он?

– Я...

– Что ты? – встряхиваю ее еще раз.

– Я люблю его! – кричит она, и тут же испуганно замолкает.

Молча всматриваюсь в ее глаза. Глупенькая, маленькая, запутавшаяся девочка. Не его ты любишь. Когда любят, то не боятся и не сомневаются.

– А меня любишь?

Она молчит. Она опускает глаза. Смелая девочка Алиса дрожит на ледяном ветру в моих руках.

– Я... вас... боюсь... Горал.

– Любишь его? А теперь посмотри мне в глаза и скажи, что тебе все равно. Что тебе наплевать на меня. Ну скажи. Я тебе ничего не сделаю. Клянусь честью! Просто посмотри мне в глаза.

Она поднимает на меня полные слез глаза и молчит. Выдыхаю, успокаиваюсь и тихо говорю:

– Обещаю, что ничего тебе за это не сделаю. Я хочу это слышать. Ну же, скажи: "Горал, мне наплевать на тебя". Это очень легко произнести, если, действительно, чувствуешь.

Она молчит. Она глубоко вздыхает, я напрягаюсь. Ее губы приоткрываются, но она закусывает губу, и, не мигая, смотрит на меня. Слова остаются где-то там, внутри. Но я их слышу. Мне не нужно слезливых признаний. Мне достаточно невысказанного, невыдохнутого. Правда – это просто не произнесенная ложь. Я услышал тебя, Алиса. Не меня ты боишься, а себя. Пропать вниз зовет. Жадно шепчет, разевая зубастую от осколков скалы, пасть:

– Упади с ней вниз, Горал, и произнеси клятву, на веки вечные связывающую вас.

Не сейчас! Драконы, которые решили быть вместе, должны, сложив крылья, упасть со скалы. Туда, в зияющую пропасть. И если они действительно любят, то за минуту до падения их крылья сами раскроются. Потому что Фатумор хранит истинно любящих. Клятва, произнесенная на Драконьей Скале свяжет мне руки. Я буду вынужден защищать свою девочку сильнее, чем себя самого. Дороги назад не будет. Я не смогу обмануть ее и причинить ей боль. А жизнь без боли и лжи она пока не заслужила. Поэтому мне нужно подготовить Алису к клятве. Научить ее кое-чему. Обломать невыносимый драконий характер. Такой же несносный, какой был у меня в ее возрасте. Один из нас должен уступить. И это точно не я.

Принимаю истинный облик, забрасываю Алису на спину и взмахиваю крыльями. Драконы умеют летать. А ты, девочка, нет. Я шепчу на древнем драконьем языке, который Алиса не понимает:

– Не разбейся, моя девочка!

Что это было? Невероятный полет над чужим и прекрасным миром. Его дыхание, его слова:

– А теперь посмотри мне в глаза и скажи, что тебе все равно. Что тебе наплевать. Ну скажи мне это!

Почему я смолчала? Почему не сказала ему, что мне наплевать на него? Словно чья-то огромная рука сжала горло. Я ведь люблю Азара. Но губы не смогли это выговорить. Страх? Нет, дракон дал слово чести меня не трогать. А к чести в этом зафеяченном мире относятся так же трепетно, как в моем мире к деньгам. Так почему?

Мы вернулись в кабинет и я бессильно упала в кресло. Ноги мелко дрожат – ужасно боюсь высоты. Но с ним полетела бы еще раз. Никогда в жизни не чувствовала себя так спокойно и надежно. Какой бред я несу! Как вообще такое может быть: одновременно бояться и в

то же время чувствовать себя так спокойно в чужих руках? Если хватку драконьих челюстей вообще можно считать руками.

Не спрашивая разрешения, я встала, взяла со стола ректора тяжелый бокал, вырезанный из цельного кристалла, очень похожего на дымчатый топаз, и налила себе воды из графина. Горал молча сидел на столе и буравил меня взглядом. Из-за его спины снова выпорхнула химера-ревность и хищно клецнула зубами. Да когда же его отпустит-то? Вот бешеный мужик!

И вдруг из браслета Горала вылез василиск и зашипел:

– Зачем страдать, владыка? Возьми ее! Прямо здесь и сейчас! Никто не узнает, а если и узнает, то кому до этого дело? Ты – ректор. Ты – почти Судьба! Тебе все можно!

Ах, вот кто его накручивает! Ах ты ж змеюка пернатая!

– Она подглядывала за студентами, и ей это нравилось, – в унисон с фамильяром забубнила химера-ревность в ухо Горалу. – Она с ними мысленно спала. С красивыми, молодыми, полуголыми мужиками. Хочешь, я покажу тебе, как это было?

Вот скотина! Когда это такое было? Брехло страхолудное! Чтоб тебе все три хари перекошило! Я опустила глаза, чтобы скрыть чувства. Горал не должен догадаться, что я вижу всё, что с ним происходит.

– А тебя она к себе не подпускает! Корчит невинность, чтобы цену набить. А с другими... – тут химера взмахнула лапой и в воздухе развернулся плоский экран.

А на нем – ушатай меня, Китай! – была я в окружении полуголых фатумов. Они терлись об меня, трогали за грудь, а я закатывала глаза от наслаждения. Вранье! Я едва не выкрикнула это вслух. И тут один из фатумов резко развернул меня к себе, задрал мою ногу на свое бедро, и завозился с гульфиком, расстегивая его.

Этого я стерпеть не могла! Озабоченная трехголовая гнида! Ничего себе фантазии! Тебе в порнушке цены бы не было. "Оскар" тебе в три глотки сразу! Или как там называется приз за лучшее кино для взрослых? Горал при виде этого зрелища, которое ревность транслировала онлайн прямо в его воспаленный мозг, вскочил со стола, не вытерпев накала страстей, и бросился ко мне.

Ревность осталась на столе. Вот это ты открылась, скотина! Ну, держись! Я с размаху швырнула тяжелый бокал прямо в трехголовую сволочь. Горал быстро пригнулся. Ох, хорошая у него реакция. Бокал

угодил в ту голову, что была как раз посередке, и застрял в раскрытой пасти льва. Химера булькнула, заклокотала и опрокинулась на спину, накрывшись лапами. Получи, фашист, гранату! Гол! Вместе с химерой со стола слетела Большая Печать академии и с грохотом покатила по полу в дальний угол кабинета.

— Извините! — я, как ни в чем не бывало, поправила задревший манжет блузки. — У вас там мышка на столе сидела. Ненавижу мышей!

15 Глава. Наказание строптивой

И тут на моих изумленных глазах из Большой Печати академии вылез крошечный, размером с грецкий орех, эльф в судейской мантии и парике, топнул ножкой, упер руки в бока и грозно заорал:

–Требую уважения к главному символу власти академии. Что здесь, к троллям, происходит? Я буду жаловаться в большой академический совет Ковра Миров! Это злостное надругательство над Большой Печатью! Меня еще никто и никогда не швырял на пол! Какое фееричное хамство!

Раскиндык... то есть, как я взволнована и удивлена! Здесь, оказывается, есть целый скрытый мир, который мы, студентки, не видим! И печать тоже живая, оказывается. Горал молча поднял эльфа вместе с печатью и аккуратно и бережно водрузил на стол, старательно укрепив печать на массивной подставке. Пока он едва слышным шепотом пререкался с эльфом, фамильяр Горала вспорхнул на его плечо и завопил на весь кабинет:

– Возьми ее грубо, жестко и властно! Накажи строптивую! Научи покорности!

Вот зараза! Это же он его всё время науськивал на меня, а я даже не видела и не знала. Ага, сейчас! Стань в очередь, петух ты крашенный. Там до тебя куча народа стоит и не жужжит. В него стакан не бросишь, потому что он на плече у Горала сидит. На миллиметр промахнусь – залеплю в лоб ректору. Что делать? И вдруг я почувствовала, как меня что-то кольнуло в запястье. Сдерживаясь, чтобы не поморщиться, я мельком посмотрела вниз. Из браслета показался коготок дракоши, к которому была прицеплена золотая нить.

Я осторожно потянула нить, заглянула в зеркало на браслете и увидела то, что, по мнению автора той самой заветной книги, что я откопала в библиотеке, умирят василисков. Главное, чтобы автор заумной книги не ошибся. Если василиск этого существа не боится, тогда мне никогда не усмирить его. А вместе с ним и Горала. А учитывая, что невидимый для всех фамильяр, как выяснилось, регулярно науськивает ректора против меня, меня тогда ждет пиз... анская башня в падении прямиком на мою блондинистую голову.

– Я знаю, какое наказание будет наиболее действенным для такой строптивницы, как ты, – Горал медленно повернулся ко мне и сделал эффектную паузу.

Он сел в кресло, откинулся на спинку и улыбнулся. Лучше бы огнем плюнул! У меня от его улыбки мороз по коже пошел.

– Какое? – пискнула я севшим голосом.

– Я просто отберу у тебя заработанные на отборе баллы, – Горал погладил василиска по ярко-алому гребню. – Из чего следует, что ты неизбежно выбываешь, – он сложил ладонь лодочкой и послал мне воздушный поцелуй.

С его руки сорвался кораблик, поплыл по воздуху к янтарным стеллажам, ударился о них и рассыпался на части.

– Это нечестно! – выкрикнула я. – Так нельзя! Я была лучше всех и честно заработала свои баллы!

– Почему ты так взволнована, если влюблена в другого? – ехидно осведомился Горал – Ты, наоборот, радоваться должна, что избежишь горькой участи быть с ненавистным тебе мужчиной. И воссоединишься с возлюбленным, ради которого рисковала собой! Бедная, самоотверженная, влюбленная девочка!

Я почувствовала, как на глаза навернулись злые слезы. Держаться! Не плакать! Такого удовольствия я ему не доставлю.

– Или нет? – Горал внезапно взвился в воздух и одним прыжком перепрыгнул через стол, оказавшись рядом со мной. – Не все равно, да? – он взял меня за подбородок.

Я попыталась отвернуться, но его сильные пальцы держали крепко.

– Так да или нет, Алиса? Скажи это сейчас, и, возможно, я передумаю. А возможно, и нет. Зависит от твоего ответа. Не вздумай лгать, я почувствую. И тогда кара будет жесткой и неотвратимой.

– А у вас разве бывает по-другому? – процедила я сквозь сжатые зубы. – У вас же шаг вправо, шаг влево – попытка к бегству, прыжок на месте – провокация. Какая разница, что я отвечу? Вы для себя уже все решили.

– Я жду ответа, – его голос низким рокотом прокатился по кабинету, пальцы покрылись драконьей чешуей, а ногти превратились в когти.

– Отпустите! Иначе вообще ничего не скажу! – завопила я. – Я не могу разговаривать и думать, когда вы на меня навалились!

Пальцы Горала разжались, и я попятилась. Вот так! На расстоянии в несколько шагов оно как-то спокойнее. Горал присел на краешек стола напротив меня и сложил руки на груди.

– Накажи! Брось на ковер, овладей ею и усмири! – завизжал василиск, беснуясь на плече Горала.

Всё, конец пути. Полет завершен. Экипаж лайнера прощается с вами и желает дальнейших успехов! Или я в эту минуту переломлю его, или он меня. Вдвоем мы в этой академии не поместимся. И во всем Ковре Миров тоже. Ладно, сейчас и проверим: врут или нет магические гримуары. Если врут, из этого кабинета мне в целости и сохранности не выйти. Ну давай, вывози меня Судьба моя, кривая да нелёгкая! Вдох-выдох! И... я выдернула из браслета символ невинности и чистоты – единорога, привязанного к золотой нити.

Если верить магическим гримуарам, единорог – это единственное существо, которого боится василиск. Причем боится панически. Причину страха в книжке объяснили очень странно: мол, единорог весь из себя невинность и чистота, и василиску от этого страшно. Тогда было бы логичнее посыпать василиска стиральным порошком. Но про порошок в гримуаре ничего не было. Поэтому будем работать с тем, что есть.

Я раскрутила нить, на которой держался единорог, и швырнула в василиска. Белый конь приземлился на плечо Горала и поднялся на дыбы перед василиском. Тот испуганно взвыл. Отлично! Кажется, работает. И тут единорог наклонил голову и боднул василиска рогом. Фамильяр испуганно забил крыльями и попытался взлететь. Но единорог взвился в воздух и боднул его еще раз. Василиск кувыркнулся в воздухе, шлепнулся на пол, приложившись петушиной головой об ножку кресла Горала и тихонько поскуливая, пополз под стол. Получи, фашист, гранату!

Горал поежился. Он никак не мог видеть ни единорога, ни нашу безмолвную схватку с василиском. Он сейчас был не Судьбой, а обыкновенным человеком, к которому применили инструмент фатумов и фаталий. Но он что-то почувствовал. Точно так же, как простые люди чувствуют, что вокруг них что-то происходит. Я сама не раз ощущала,

как в пустой комнате вдруг колыхнется воздух, словно за моей спиной кто-то стоит.

– Нервы, усталость, стресс, – успокаивала я себя.

Тогда я еще не знала, что невидимые боги судьбы колдуют за моей спиной. Это что же вообще получается? Когда мужик нам мозг выносит и не сдается, даже если мы на него в атаку идем с бронебойным лифчиком наперевес, то это не потому, что он вредный, а потому что его какая-то тля тихо накручивает? Ладно, у обычных людей фамилльяров нет. Но у каждого среднестатистического мужчины в Замужикалье целый зоопарк беснуется. И кого там только не встретишь! И джинны, и львы, и змей с яблоком, и химера.

И вся эта шушера жужжит ему сразу в оба уха. А мы, женщины, не понимаем, почему мужик не сдается. Себя виним: не сексуальная, неинтересная собеседница, котлеты жарить не умею, вот и не идет принц в мои сети. А у принца и своего мнения нет. Вместо него судьбоносная гопкомпания все решает.

Эх, мне бы такой инструмент в Москве! Чтоб мужик весь, как на ладони! Чтобы точно знать, кто ему сейчас на ушко шепчет, и этому шептуну – да по башке! Какая бы у нас женщин сладкая жизнь началась! Никаких нервов, никакого недопонимания! Глянула в Замужикалье, а там ревность-химера, сразу скромницей прикинешься, чтобы благоверного успокоить. А если он на чужую женщину возбуднет, так хватаешь молоток, и джиннам, что на мужниных штанах висят, по башке, чтоб не вожделяли. А то мы, женщины, вечно себе голову ломаем, что там наш мужчина думает и чувствует. А у большинства мужиков лицо непроницаемое, как у Чингачкука. Пойди разберись, какой бульон под черепушкой варится! И все мужчины ненавидят этот коронный женский вопрос:

– Милый, о чем ты думаешь?

У них аж челюсти от него сводит. Нет, это нужно менять. Вот стану Судьбой и подарю женщинам все чудесные инструменты. И открою мир Замужикалья для простых женщин. Живите счастливо, девочки, мне не жалко

– Я жду ответа, – повторил Горал намного спокойнее.

Без своего фамилльяра он уже не казался таким неистовым психом.

– Мне... не... все... равно, – медленно сказала я.

– Почему? – Горал слегка наклонился вперед, заглядывая мне в глаза.

А зачем врать? Правда – она всегда лучше всего! Хочешь знать? Ладно, это, собственно, и не секрет.

– Да потому что каждая из фаталий хочет стать Макошей. Разве это непонятно? – я пожала плечами.

– Не каждая. Есть много студенток, которых вполне устраивает жизнь простой фатальи. И они даже не хотят участвовать в отборе, – улыбнулся Горал.

Причем улыбнулся не ехидно, не зло, а тепло и по-человечески. Поэтому я осмелела:

– Многие девушки из моего Волчедуйска хотят замуж за бухгалтера Васю. Это их предел мечтаний. Чтобы не пил, не курил, и в субботу возил банки с соленьями с маминой дачи. А я хотела замуж за олигарха с Рублевки. И поэтому из Волчедуйска приехала в Москву. И если бы не ваша магическая гопкомпания, я бы сейчас попивала коктейли на собственной яхте. Вы меня от олигарха насильно оторвали? Оторвали! В академию меня притащили? Притащили! Вот теперь я хочу бóльшего. Стать Макошей это все равно, что жить с олигархом на Рублевке.

– Свежо предание, но верится с трудом, – Горал встал и подошел ко мне. – И больше ничего? Не лги, Алиса!

– И больше ничего! – твердо произнесла я.

Он вдруг схватил меня и прижал к себе. Одну руку Горал положил мне на затылок, под волосы, отчего моя голова запрокинулась. Второй он крепко обнял меня за талию. Наклонившись с высоты своего роста, он заглянул мне в глаза, коснулся губами моих губ, и прошептал:

– И больше ничего?

Как странно! Я приготовилась переждать острый приступ тошноты от близости ректора. Но вместо этого вдруг почувствовала легкое приятное головокружение. Наверное, потому что голова была запрокинула вверх. Руки Горала были горячими, дыхание обжигало. Мои колени дрогнули, ноги подогнулись, и я безвольно повисла в его руках.

– Почему мне не противно? – испуганной птицей билась в мозгу одинокая мысль.

Все остальные мысли куда-то убежали. Нужно сосредоточиться. Не расслабляй батоны, Алиса! У тебя есть Азар, и ты сделаешь всё, чтобы быть с ним вместе. А этот огнеплюйный ректозавр пусть катится ко всем чертям в пекло! Ну да, это все правильно и логично. Только вот почему-то мне сейчас внезапно остро захотелось покатиться в ад вместе с Горалом. И я замерла от внезапной настигшей меня догадки: я – прости, Господи, как говорила наша детдомовская повариха. В смысле: девушка легкого поведения. Я пошла по рукам! Какой ужас!

Азар меня прижимает к себе, и мне приятно. А теперь еще и Горал тискает. И опять приятно. А должно быть противно. Я – шлюшка! Ну как же так? Сколько раз меня пытались в клубе прижать клиенты во время танцев. Наш хозяин заведения не зря построил клетки для танцовщиц гоу-гоу. Чтобы распаленные спиртным и музыкой мужики не лапали девчонок. Так они, козлины, после пяти коктейлей все равно свои грабки в клетку засовывали, и пытались за попу ухватить. Или просто поелозить по груди. И как же было тошнотворно! Аж челюсти сводило от омерзения. У меня поэтому и парня никогда не было. А зачем? Если все равно заканчивается всё одинаково. Так в клубе хоть деньги платили. И олигархов там цеплять было удобнее всего. Вот женится – тогда пусть и руками елозит. Сначала по мне, а потом и я по его "Форбсу".

А в этой академии при ее строгих нравах меня совсем понесло. Нужно ответить Горалу. Он ждет. Тогда и выпустит меня из рук. Нужно ответить и сразу бежать в дальний угол кабинета. Пока огнем не харкнул. Я мысленно дала себе пощечину и разлепила губы:

– И больше ничего!

– Я так и понял! – спокойно сказал он и вдруг крепко прижал губы к моим губам.

В этот же миг я почувствовала, как его горячий язык проник в мой рот. Это было странно. И... у меня в животе вдруг что-то вспыхнуло. Я потянулась к нему, сама того не желая. Нет! Так же нельзя! Но мое тело вдруг меня предало, и мой язык обвился вокруг его языка. Да ушатай меня Китай! Это точно морок какой-то! Я не знаю, кто эту ерунду нафеячил: Пак или сам Горал, ведь он тоже сильный маг, но баста, карапузики, кончились танцы! Я тебе не Шамтара. И не

Акавиша. Да овощ тебе в помощь! В смысле: хрен тебе, Горал! Я – вишенка на торте, а ты ее своим поведением не заслужил.

Горал убрал руку с моего затылка и, приподняв подол моей юбки, скользнул под нее. А где мои руки? Просыпайся же, размякшая тушка! Я положила обе руки на его грудь и почувствовала железную рельефную мускулатуру. Он что качается? Не отвлекайся, Алиса! Толкай! Иначе это плохо закончится. Его горячая рука поползла вверх по бедру.

– Ты что без нижнего белья? – удивлённо выдохнул Горал и его рука полыхнула нестерпимым жаром

Ну конечно! Он же ожидал нащупать у меня под юбкой бабушкины панталоны с начесом, которые выдают целомудренные феечки. А у меня там купленные Азаром бикини.

– Я вообще вся сплошной сюрприз! – я изо всех сил толкнула его в грудь.

Горал отлетел от меня и врезался в стол. А я быстро рванула в дальний угол кабинета, и, сорвав с дивана покрывало, быстро им накрылась. Вот теперь пусть плюется огнем. А я в домике! Но струи жидкого пламени не последовало. У нашей зажигалки бензин закончился? Я осторожно выглянула из-под покрывала. Зная драконий хитрый норов, можно предположить, что он как раз этого и ждет. Чтобы я открылась. Но он по-прежнему сидел на краешке стола, куда я его оттолкнула. И... смеялся. Причем смех был не ехидный, не противный, а вполне обычный.

Я осмелела, сбросила покрывало и тихо спросила:

– А что смешного?

– Твоя борьба с собой, – Горал встал, подошел к бару, достал оттуда бутылку с ярко-алой жидкостью и бокал. – Единственный человек, которого тебе удалось обмануть – это ты сама, – он налил полный бокал, приподнял его, учтиво кивнул и выпил. – Но наказать тебя все же нужно. Я отбираю у тебя половину заработанных баллов. И если ты хочешь пройти в финал отбора, а ты этого очень хочешь, то тебе придется во втором туре получить самую высокую оценку. Аудиенция окончена.

Едва оказавшись в своей комнате, я бросилась на кровать и яростно пнула подушку. Азара я не нашла, зато нарвалась на Горала. И теперь мне придется из кожи вон лезть, чтобы вернуть честно

заработанные баллы. В таком глубоком кардашьяне я давно не оказывалась.

– Алиса, ты как? – Нистар вылез из браслета и устроился на подушке.

– Тебе какая разница? Трусло! Где тебя, мелкая скотина, носило? Ты даже не попытался защитить меня от ректора! – я схватила его за шкирку и пару раз от души встряхнула.

– Пусти! Больно! Попрошу без рукоприкладства и травматизма! – заверещал дракоша, трепыхаясь в моих руках. – Я единорога искал в Кладовой Судьбы. И если бы не я, тебе бы никогда не удалось усмирить василиска. Знаешь, как сейчас тяжело найти единорога? Это самый редкий инструмент Судьбы, потому что невинности и чистоты почти не осталось во всех мирах Ковра Судьбы! Сначала я долго стоял в очереди, пока он появился. А потом мне даже пришлось драться с другим фамильяром. Он мне чуть когти не оторвал. Вот! – дракоша помахал перед моим носом правой лапкой с полуоторванным золотым коготком. – А еще он мне хвост обгрыз. Посмотри! – он задрал хвост, усеянный кровоточащими следами от зубов, и разрыдался.

У меня даже сердце ёкнуло, так мне его стало жалко.

– Ну ладно, что ты, – я погладила его по голове и прижала к груди. – Пойдем, бедолага, в ванную. Там в аптечке полно разных мазей. Я тебя вылечу! Защитник ты мой!

Я наложила мазь на раны дракоши и перевязала бинтами, сделанными из крыльев вечноживущих гигантских мух. Нистар немного успокоился, и как кошка, потерся о мою руку.

– Не грусти, Алиса! – прошептал он. – Сейчас беги обедай, а потом сразу к Доле. Она проводит урок подготовки ко второму туру отбора. Вот увидишь: мы вместе справимся!

– Меня другое удивляет, – я подставила под кран руки, по которым ползали капельки заживляющей мази. – Где Азар? В Зафеминье его тоже нет. Тогда откуда он знает обо всем, что происходит в академии? И почему он мне не помог? Ведь дракон меня мог убить!

– Если не помог, значит, он не здесь, – дракоша поправил бинт, который тихо жужжал, заживляя раны.

– Не складывается тут что-то, нет. Почему-то у меня все время такое впечатление, что он где-то совсем близко. А ты же знаешь, что

мой Доктор Чуйка никогда не ошибается.

– Тебе кажется, Алиса! Ты просто переволновалась. И эта твоя уверенность – всего лишь иллюзия. Интуиция, по природе своей, это атавизм. Всего лишь способность подсознания анализировать...

– Хватит! – закричала я. – У меня от твоих заумностей мигрень начинается. Нет, я свою чуйку знаю. Она меня никогда не подводит. Я тебе говорю: он рядом. Вопрос только: где?

Наскоро отобедав, я побежала на инструктаж к Доле, в ее кабинет. Прошедших во второй тур было всего двадцать. Они сидели на стульях, сдвинутых кругом. Я хотела было сесть подальше от Акавиши, но едва переступила порог кабинета, как она крикнула:

– Алиса, садись, – и похлопала по сиденью свободного стула рядом с собой. – Я тебе место заняла.

Ну ладно. В конце концов, мы всё еще подруги. Хотя каждая и борется за свое счастье, но это же не повод, чтобы воевать друг с другом! Акавиша – нужно отдать ей должное – ведет себя достойно. И это приятно.

– Молодец! – шепнула мне Дейна, когда я уселась между ней и Акавишей. – Худой мир лучше доброй ссоры. Нам нужно держаться вместе.

Доля вкатилась в кабинет, держа в руках корзинку, наполненную сладостями. У ее ног крутился Милокот. Доля бросила ему корзинку, и он, ловко подхватив ее, побежал по кругу, раздавая сладости девушкам. При этом каждая студентка, выхватив из корзинки конфетку, тут же тянула руки к фамильяру.

– Спасибо! – вежливо поблагодарила я, доставая из корзинки плитку мармелада из подводного манго, которое выращивали русалки.

И немедленно схватила Милокота на руки, прижавшись щекой к теплому круглому лобику.

– Пжал... ммм...ста! – промурлыкал Милокот, обхватив меня за шею пухлыми лапками.

По кабинету пронесся завистливый вздох. Студентки, забыв про отбор, закурлыкали и замурлыкали, глядя на рыжее пушистое счастье, от которого исходило тепло и волны покоя.

– Так, девочки, сосредоточимся! Алиса, отпусти фамильяра, минутка нежности окончена. Милокот, будешь мешать – выгоню! – шутливо нахмурилась Доля.

Милокот нахмурил бровки, с тяжелым протяжным вздохом слез с моих коленей и покатился под ноги Доле.

– Итак, девочки, Судьба должна быть шутницей и затейницей. Без этого никак. Заскучают наши подопечные-касатики, коли мы их вовремя не развеселим. Правда, злые языки часто хают юмор Судьбы. Говорят: мол, жестока затейница не в меру. Всё бы ей над честным народом потешаться. Но без этого как? – Доля развела руками и покачала головой. – Тем более, что вы, фатальи, все больше с мужчинами работаете. А юмор у мужчин – это что?

Студентки молчали.

– Вот непонятливые! Головушки-то напрягите, дубинушки мои стоеросовые, – возмутилась Доля. – Юмор и ирония – это главное оружие мужчин. Можно сказать: колюще-режущее. Им испокон веков пользовался как раз таки сильный пол. И часто это оружие было направлено на нас, женщин, – в руках у Доли появился длинный меч с рукоятью, украшенной затейливыми рунами. – И как можно обезоружить молодца с таким мечом-кладенцом?

– Воспользоваться таким же оружием? – неуверенно спросила Дейна.

– А чего робеем? – пропела Доля. – Все правильно. Если юмор – это меч, то супротив одной доброй шутки мы должны выставить другую, еще краше. И тогда, девочки, мужское-то оружие – ррраз! – меч в ее руках съёжился и усох на глазах.

Студентки расхохотались.

– Сами видите, что с мужчиной добрая шутка делает, – улыбнулась Доля. – А теперь серьезно: рассмешить дракона очень сложно. Он не просто мужчина. Он, почитай, без пяти минут Божество Фатумор. Живет на свете долго, повидал столько, сколько вашим прекрасным очам и не снилось. Да и с чувством юмора у драконов не очень хорошо – натура у них такая, шибко сурьёзная, к зубоскальству и потехе не склонная. Поэтому думайте, девицы красные, крепко думайте, чем дракона можно потешить да развеселить. До вечера у вас есть время. Идите и придумайте забористые шутки да искрометные веселушки. И да будет к вам милостива Судьба!

Из кабинета Доли я сразу помчалась в библиотеку.

– Что-то вы к нам зачастили, – проворчал Многотомиус Затрёпанный, шелестя страничками бумажного тела.

– У меня проснулась тяга к знаниям, – тяжело вздохнула я. – Вот прям покоя не дает. Я даже кушать не могу, так учиться хочется.

– Ужас! – закатил глаза Многотомиус. – Подобные метаморфозы вызывают у меня тяжелейший когнитивный диссонанс.

– Сама в шоке, – тяжелый вздох вырвался из моей груди.

– А не подскажете ли вы, мудрейший и просвещенный из просвещенных, где бы нам раздобыть сведения чрезвычайно деликатного свойства о том, как рассмешить дракона? – Нистар вылез из браслета и подключился к лизанию филейной части книжного червя.

– Как рассмешить дракона? – Многотомиус задумался. – Даже и не знаю, чем вам помочь. Драконы почти напрочь лишены чувства юмора. И я даже не припомню, где бы могли содержаться подобные сведения.

– Как же? Быть не может, чтобы вы чего-то не знали! – дракоша в волнении прижал лапки к груди. – Ваша глубочайшая мудрость стала притчей во языцех...

– Притчей в чем? – шепотом переспросила я.

– Помолчи! – прошипел дракоша. – Притча во языцех – это то, что всем известно. Так о чем это я? Ах, да! Ваша мудрость неисчерпаема и настолько глубока...

– Да ладно вам, – плоская физиономия Многотомиуса покраснела от удовольствия, а бумажная ножка принялась активно ковырять мозаичный пол библиотеки. – Вы преувеличиваете!

– Да что вы! Я преуменьшаю! – воскликнул дракоша.

– Ну ладно! Есть у меня пара десятков фолиантов, в которых, возможно, содержатся, нужные вам сведения, – он шустро пополз к книжным стеллажам.

Ибица сердце перестало... гхм, как же я поражена и обеску... обескураж.... тьфу ты! Вот мне дракоша слов в список замен накидал – без поллитры и не выговоришь. Обескуражена, ушатай меня Китай!

– Пара десятков фолиантов? – простонала я, всхлипывая.

– Спокойно! – Нистар погладил меня по руке. – Вместе мы справимся!

Первый пухлый том, второй, третий – с каждой перевернутой страницей мое настроение падало всё ниже. И, наконец, затаившись в районе кардашьяна, затихло. Может, я бы и заплакала, понимая, что

отбор проигран, потому что во всех этих мудрых книжках были подробные инструкции как убить дракона, но нигде пока не встретилось наставление, как его рассмешить. Но как только слезы навернулись на мои глаза, веки сами собой закрылись. Шутка ли? Такой длинный день, наполненный разными событиями! Я положила голову на руки, облокотилась на стол. Пять минуточек подремлю, всего пять...

— Алиса! Просыпайся, красавица моя! — послышался над ухом вкрадчивый голос.

Я проснулась на той же самой поляне, которая стала постоянным местом свиданий с Азаром. Я лежала на траве. Он сидел рядом, глядя меня по волосам. И как только мои глаза приоткрылись, он наклонился, пытаясь поцеловать, но романтики не случилось. Нет, не в этот раз!

— Ты? — я вскочила на ноги. — Отлично! Я за ним по всей академии гоняюсь, меня ловит дракон, чуть ли не насилует, а он цветочки нюхает на полянке, пока я там парюсь!

— Что с тобой, Алиса? Почему ты так агрессивно настроена? — Азар растерянно посмотрел на меня.

Он к такой Алисе не привык, потому что раньше в его присутствии я стекленела и превращалась в чистый раднык и нежный цветок, как говорил Вазген, у которого я покупала чебуреки. Но от всего пережитого меня переклинило, и я вернулась к настоящей себе.

— А ты думал, что я — наивная дуручка, да? Хочу немедленно получить ответы на все вопросы. Откуда ты всё знаешь? Где прячешься? Почему темнишь? Что вообще происходит?

— Я все расскажу в свое время! — Азар попытался меня обнять.

— Сейчас расскажи! Или я больше не играю в эти игры! — я вырвалась из его объятий.

— Послушай меня, времени на это все нет. Я ничего не могу тебе пока рассказать, потому что если ты будешь знать, где я прячусь, то Горал сможет это из тебя вытащить. И тогда нашим планам конец. А я пришел помочь. Ни в одной книге ты не найдёшь сведений о том, как рассмешить дракона, потому что у них, то есть у нас — я ведь тоже дракон — очень специфическое чувство юмора. Но я знаю точно, что рассмешит Горала. Вот послушай! — он обнял меня, наклонился с высоты своего роста и горячо зашептал в ухо.

– И все? – пожала плечами я. – Но это ведь не смешно. Причем совсем не смешно! Я точно вылечу с отбора. Тем более, что половину баллов Горал у меня отобрал.

– Это не смешно для тебя. А Горал, по моим расчетам, должен просто покатиться со смеху. Поверь на слово: когда-то мы были друзьями. Я знаю его лучше всех.

– Не уверена, – гнев потихоньку начал отступать.

Черт их знает, этих драконов, что им смешно, а что нет. Но выбора у меня все равно нет. Не анекдоты же мне ему травить?

– Успокойся. Ещё немного, и мы будем вместе, – Азар прижал меня к себе и крепко поцеловал.

Я потянулась к нему всем телом, и... проснулась. На губах еще осталось его горячее дыхание. Но что-то было не так. Что? Я и сама не могла понять. Задумчиво листая фолиант за фолиантом, я все пыталась ухватить это ускользающее чувство.

– А может, ему шутку про бабочек рассказать? – дракоша ткнул золотым коготком в красивую картинку на странице. – Это очень смешно, – он захихикал.

Бабочки! Вот оно! Бабочки в животе – их больше нет. И мурашек по спине тоже. А ведь они были раньше, когда Азар целовал меня. Когда гладил по волосам. И вдруг все исчезло. Может быть, я к нему привыкла? И мне нужно нечто большее? Вернее, не нечто, а конкретно кое-что? То есть, близость? Пришло время поговорить с умным человеком, с Доктором Чуйкой.

– Да ты и сама знаешь, – немедленно отозвался Доктор Чуйка. – Себе-то не ври! И мне тоже. Бабочки улетели к Горалу.

– Он же сволочь! – возразила я. – Ректозавр огнеплойный!

– Но как целуется, подлец! – не уступил Доктор Чуйка.

Я вдруг вспомнила объятия Горала, его голос, его язык в моем рту. И бабочки горячей стайкой заматались в животе. Только этого мне не хватало!

Раскиндык... то есть, ушатай, то есть Машу вать! Ну нет! Только не это! Только не он! Скорее Пизанская башня пизанется окончательно, но этого рептилоида я любить не буду. Никогда! Главное: взять себя в руки. Сосредоточимся. Вдох-выдох. Азар, Азар, Азар, Азар! Ничего. Температура минус сорок. Как в чертовой Арктике. И вместо бабочек стая белых медведей. Вот я попала – так

попала. Мне нужен скальпель, чтобы вырезать Горала из памяти. А еще лучше молоток, чтобы по башке себе вдолбашить. И как идти на отбор в таком раздрае чувств? Ладно, как говорил наш школьный физрук:

– Будем переживать неприятности по мере их поступления.

И в этом туре отбора мне не повезло с порядковым номером. Снова последняя. Из всех претенденток я единственная была без костюма. Остальные карнавалили напропалую. Горал с непроницаемым лицом сидел напротив сцены, на возвышении. И в нетерпении барабанил пальцами по подлокотникам кресла, сделанного в виде драконьей головы аспидно-черного цвета. Сам ректор был в белом сюртуке, ярким пятном выделяясь на угольном фоне. Судя по его выражению лица, смеяться ему не хотелось. И настроение у меня упало куда-то под пол. Потому что если так продолжится, то к моменту моего выступления Горал уже будет в бешенстве.

Студентки старались, как могли. Только вот ректор их усилия явно не оценил. Ни одну из них он не удостоил мощным столбом пламени. Всё больше тоненькими струйками, без всякого энтузиазма, а большинство из девушек вообще заработали вялый пых дыма из одной ноздри. Шамтаре, правда, повезло чуть больше других. Она использовала Грим Судьбы, превратилась в маленького дракончика, долго гонялась за огромной, размером с кошку, мухой. А потом сожрала ее. Спазм тошноты сжал мое горло, но Горал слегка полыхнул пламенем, и улыбнулся. Вот сядюга! Что здесь смешного? Меня, конечно, предупреждали, что у драконов специфическое чувство юмора, но я не думала, что настолько.

Разочарованная Шамтара вернулась на свое место, едва сдерживая слезы. Злорадство всколыхнулось было в моей душе, но быстро отступило. Акавиша и вовсе не удостоилась даже струйки дыма. Она долго и очень нудно рассказывала скучные анекдоты, стоя посреди сцены в клоунском костюме, который скорее пугал, чем смешил. Таких клоунов с застывшими гримасами улыбки на белых масках обычно снимают в фильмах ужасов. Во время ее выступления Горал в нетерпении несколько раз переменил позу и все время отворачивался. А под конец демонстративно зевнул. Акавиша тут же прервала выступление и выбежала из зала, громко рыдая и трагически заламывая ножки.

Наконец, подошла моя очередь. Я встала, но ноги предательски дрогнули, и я чуть не плюхнулась обратно на стул. Давай, Алиса! Двум смертям не бывать, как говорится. На сцене мне делать было нечего, поэтому я подошла к Горалу и поднялась на постамент, на котором стояло его кресло, больше похожее на трон. Ну что, ваше огнеплюйное величество? Или я тебя сейчас рассмешу, или ты мне сделаешь секир-башка. Бровь Горала удивленно поползла вверх, когда я подошла к нему и спросила:

– Можно мне вам кое-что шепнуть на ухо?

Ректор сразу проснулся. Скука мигом улетучилась из его глаз. И в них даже мелькнуло неподдельное любопытство.

– Попробуй, – ответил он и чуть подался вперед.

– Вы не можете быть Судьбой, – прошептала я. – Вы слишком добрый для этого!

Ну все. Я сказала то, чему меня научил Азар. Теперь можно выйти из зала и отправиться в свою комнату рыдать из-за проигрыша. Горал опешил, удивленно взглянул на меня, вздрогнул, словно получил бандитскую пулю в спину, прошептал:

– Я – добрый?

И вдруг захохотал. Но как! Он бил себя по коленям, пристукивал по подлокотникам кресла, а потом и вовсе согнулся напополам, громко всхлипывая от смеха. В зале наступила гробовая тишина. Мне показалось, что я даже слышу как в желудке Шамтары бьется сожранная ею муха. А Горал все повторял сквозь слезы:

– Так меня еще никто не называл! Я... добрый! О, Великая Судьба, никогда в жизни так не смеялся!

Она меня рассмешила, эта забавная девочка. Увидеть во мне доброту! Во мне! Она меня воспринимает не так, как все. Но я с ней, действительно, какой-то другой. Разве простил бы я иной студентке прогулку в Зафеминье? Нет, а ей да, простил. Отобрать у нее половину баллов в такой ситуации не наказание, а милость. И пора признаться самому себе в том, что мне нравится быть не собой рядом с ней. Быть кем-то другим, кем-то, кого никто не знает. Это как игра. Драконы обожают играть. Но я не знал, что люди тоже.

Я никогда не чувствовал себя так ни с кем. Да, это очень смешно, что она считает меня добрым. Тем более сладко причинять ей боль. Скучно мучить тех, кто готов страдать. А вот увидеть удивление и

страх в ее глазах, а потом надежду и снова страх – это будет интересно. Я стану ее личной судьбой. Ее наказанием и наслаждением. Каждый человек свою судьбу то проклинает, то восхваляет. Но даже ругая, любит. Как самых родных людей. Потому что те, кого мы любим, и есть наша судьба. Не блестящая, но уж какая есть. Но я не человек. Я и есть Судьба. Дракон. Вечный, почти бессмертный, всегда голодный, жадный до страданий, кусающий свой хвост, как символ того, что всё всегда возвращается на круги своя.

А может ли у Судьбы тоже быть Судьба? То есть, может ли Алиса стать моей Судьбой? И я тоже буду любить и проклинать девочку, покорившую дракона? Бред! Я не способен любить! Любовь – это ерунда, сказка, утешение для слабых. Но одно я знаю точно: никому и никогда не удавалось так меня рассмешить. Я – добрый? Ты еще увидишь мою "доброту", девочка!

Продолжая хохотать, Горал полыхнул такой мощной струей пламени, что она столбом ударила в потолок.

– Да! – я не выдержала, подняла руки вверх и побежала по залу, как футболист, забивший пенальти. – Да! Да! Да!

Шамтара, к великому изумлению всех присутствующих, тоже получила высший балл. Наверное, чтобы мне не скучно было в финале. Ну ладно, живи пока, крокодилица. Мы еще посмотрим, кто кого. А теперь отдыхать. В постельку! Нежиться под одеялом и ни о чем не думать. Эх, сейчас бы фильм в интернете посмотреть, прижимая к груди большое картонное ведерко попкорна! И как они тут живут без интернета? И без воздушной кукурузы?

Зайдя в комнату, я бросилась на кровать в одежде. Потом приму ванну, а сейчас подремать малость и обмозговать во сне, что дальше делать. Но как только я закрыла глаза, в дверь постучали. Кого там еще черти несут? Я распахнула дверь. На пороге стояла Акавиша, прижимая к носу кружевной платочек. Я открыла было рот, чтобы извиниться и объяснить, что очень устала, а потому к общению ну никак не расположена. Но Акавиша трагически заломила две ножки, прижала их к груди и прошептала:

– Я ненадолго! Очень нужно поговорить! Ведь ты моя подрууууга, – она заревела, как маленькая.

И почему я такая добрая? Вот золотое сердце у меня. Оттого и страдаю. Я молча отодвинулась, открывая проход. Акавиша порывисто

влетела в комнату, в волнении обежала ее по стенам, и, спустившись на пол, уселась на кровати. Я села рядом.

– Даже не знаю, с чего начать, – арахна трубно высморкалась.

– Лучше начать с главного.

– Тут сразу так и не сформулируешь, Алиса, – она взяла меня за руки.

Вот терпеть не могу, когда так делают, но и вырываться как-то неприятно. Слишком грубо и нарочито обычно получается. Хотя если бы я заранее знала, чем это закончится, то не побоялась бы быть очень грубой.

16 Глава. Я не отдам тебя Ангелу Смерти!

– Ты – такая красивая, чудесная, яркая, талантливая, – Акавиша в волнении прижала к груди все свои ножки.

– Подожди, я сейчас тебе списочек дам, чтобы легче было перечислять. У меня там немного, пунктиков пятьсот моих достоинств, – скромно сказала я.

– И еще и остроумная, – улыбнулась Акавиша. – Ты себе еще найдешь такого принца, что все ахнут от зависти.

– Это ты к чему?

– Отдай мне его, – Акавиша прижала мои руки к своей груди. – Уступи мне Горала. Я его люблю. Жить без него не могу! И к тому же в твоём мире тебя никто не ждёт, и никто даже не догадывается о Судьбе, академии и прочем. А в моём мире вся моя большая семья дожидается, когда я стану Макошей. И мне не простят, если этого не случится. Нас подвергнут презрению и гонениям. Мне никак нельзя вернуться домой неудачницей. В нашем мире этого не прощают.

– Представь себе, что в моём тоже, Акавиша!

– Он не нужен тебе, Алиса!

Вот хитрюга! На жалость давит, тихушница.

– Не тебе судить, что мне нужно, а что не нужно, – я попыталась выдернуть руки, но она вцепилась в меня, как клещ.

– Вы все равно вместе не уживётесь.

– Акавиша, тебе лучше уйти. И отпусти меня, пожалуйста.

– Ему нужно подчиняться, уступать, а ты не сможешь. Ты другая по натуре. А ему нужна такая, как я: тихая и покладистая. Нас с ним Судьба свела вместе.

– Да отпусти ты меня! – я рванула руки, но она держала крепко. – Уступи! Что за бред? Он же не игрушка, которую можно тебе подарить! Хватит! Разговор окончен. Считай, что его не было.

Акавиша замолчала. Из ее глаз потекли слезы.

– Прости меня, – прошептала она.

– За что? – я сначала не поняла.

Но ровно через минуту вопрос оказался лишним. Из ног Акавиши вдруг выросли серые клочья паутины. Они в мгновение ока опутали меня, сдавили грудь, забили в рот. Я попробовала сплюнуть серую, пахнущую пылью гадость, но паутина скользнула в горло. Я захрипела и рванулась, пытаюсь вскочить с кровати. Но чем больше я билась, тем сильнее меня опутывал серый кокон.

А Акавиша все рыдала, повторяя:

– Прости! Прости! У меня нет другого выхода! Мне он нужнее. Горал – мой!

Воздух закончился. Я упала на спину, ударилась головой о спинку кровати. Всё! Конец! Бред какой-то! Этого быть не может! Вот так все и закончится? В глазах потемнело. И вдруг в последний миг, когда я уже балансировала на грани потери сознания, из браслета маленькой алой пулей вылетел Нистар и полыхнул огнем в арахну. Акавиша пронзительно закричала. Запахло паленым.

– Алиса, очнись, пожалуйста! – донесся издалека голос дракоши.

Я приоткрыла глаза и увидела, что Акавиша схватилась двумя руками за лицо и с громкими воплями раскачивается из стороны в сторону.

– Я сейчас. Я быстро! – Нистар коготками разодрал паутину, и засунул лапки мне в рот, доставая оттуда серые клочья. – Плюй! Ну же! Выплюнь эту гадость!

Я от души плюнула.

– Хорошо. А теперь попей воды, – дракоша поднес к моим губам стакан с водой.

– Больно! – громко простонала Акавиша, отняла руки от обожжённого лица и бросилась к двери.

Но наткнулась на кровать и чуть не упала на меня. Я вскочила на постель и испуганно прижалась к стене. А Нистар снова полыхнул огнем в сторону арахны. Она завизжала, ударилась об стену, наконец, нашла дверь и вылетела в коридор.

– Да что здесь происходит, ушатай вас всех Китай? Совсем обалдели? – просипела я, выплевывая остатки паутины. – А ты тоже хорош! Фамильяр называется. Где тебя носит все время? Почему ты меня не защищаешь?

– Да если бы не я, она бы тебя задушила! Кто в нее огнем плюнул? Не ты ведь, – обиженно надулся дракоша. – Я примчался на

помощь, как только смог.

– Спасибо тебе, терпинатор, что вспомнил о своей крутости! А почему ты все время где-то шляешься? Мне тут заливали, что фамильяр – это наставник, который неразлучен с подопечным. А тебя вечно нет рядом. Ты не фамильяр, а химический элемент!

– Это, конечно, очень лестно, что ты под моим чутким руководством выучила такие сложные слова, – язвительно прошипел дракоша. – Но нельзя ли пояснить, что конкретно ты имела ввиду?

– А то, – заорала я, вскакивая с кровати, – что если бы ты был химическим элементом, то тебя бы называли "кондомиум" или "мерзилиум"! Всё у меня не так, как у людей: фамильяр в астрале гоняет, когда меня убивают. Лучшая подруга сейчас попыталась задушить. Любимый мужчина вообще где-то в космосе на орбите вращается, Гагарин недовинченный! Отстой вселенского масштаба эта ваша академия. Лучше бы я к троллям попала. Они хотя бы не прикидываются. Просто молча жрут всех подряд. И знаешь, это честнее. Достали меня все эти ваши секреты!

– Тебе сейчас нужны нежность и сочувствие, – Нистар попытался меня обнять.

– Лучше автомат Калашникова и три полных магазина к нему, – отпихнула его я.

– Понимаю: у тебя сильный стресс, – вздохнул дракоша. – И, как следствие: вспышка гнева. Может даже начаться реактивная депрессия. В смысле: как реакция на цепочку тяжелых событий. Но я предлагаю поднять тебе настроение, – он вдруг нырнул в зеркало на браслете.

– Не нужно поднимать! – рявкнула я. – Пусть на полу валяется!

Нистар вынырнул из зеркала, пряча что-то за спиной.

– Алиса, – торжественно начал он. – А как бы ты отнеслась к редкой, но вполне закономерной в данной ситуации возможности приподняться над обыденностью, прочистить чакры и заняться развитием души? – с этими словами дракоша вытащил из-за спины запотевшую от холода бутылку белого "Мартини".

Самого настоящего! Точно такого же, как подавали у нас в клубе. Ушатай меня... гхм... как же я взволнована! Не то чтобы я часто злоупотребляла, но иногда для разрядки просто необходимы эти

пресловутые пять капель! Неужели смогу хоть ненадолго забыться? Какое счастье!

– У меня такое впечатление, что вы, уважаемый фамилляр, предлагаете мне нажраться в зюзю, – я хищно цапнула бутылку.

– Упаси меня Судьба! – испуганно пропищал дракоша, взлетая с бутылкой под потолок. – Ровно по пять капель для снятия напряжения! – он спланировал на ковер, схватил пустой стакан из-под воды, налил его до краев и прошептал: – Это первая капля. Давай за то, чтобы тебе повезло. И чтобы характер у тебя стал хоть немного легче, – дракоша спланировал на кровать, отхлебнул вино, радостно чихнул и передал мне стакан.

– Характер у меня тяжелый, потому что золотой! В нем каратов много. За то, чтобы Судьба меня, наконец, начала любить. Ушатай ее Китай! – я отпила лекарство от бед и зажмурилась от удовольствия.

По желудку разлилось приятное тепло. Всё! Сегодня никаких уроков, учебников, библиотек, секретов и дурных воспоминаний. Я иду в рай, где любую девушку можно достать из самого глубокого кардашьяна и вернуть к жизни. То есть, в СПА. Пора заняться собой, любимой. Даже к зеркалу подходить не нужно, я и так знаю, что выгляжу сейчас ужасно. И назло всем этим паукам, ящерицам и прочему зоопарку, приведу себя в порядок. Пусть застрелятся от зависти!

Я надела купальник: бирюзовые шортики, вышитые белыми морскими звездами, и такую же маечку-лифчик. Сверху набросила пушистый халатик. Сунула ноги в тапки из белого водоотталкивающего меха ируканских жаб и отправилась в СПА.

Ах! Одним этим словом можно выразить всю прелесть СПА академии. Это чудесное заведение с лихвой компенсировало недостатки суматошного учебного заведения. Звучала дивная музыка. Три феечки играли на большой арфе и пели высокими чистыми голосами. Аромат масел и трав витал в воздухе. Я сбросила халатик и погрузилась в теплую воду джакузи, сделанного из цельного куска зеленой бирюзы в форме огромной раковины. Неслышно скользя в воде, подплыли два русала. Они принялись делать мне массаж. А стайка золотистых рыбок, облепив меня со всех сторон, занялась маникюром и педикюром.

Дурные мысли и переживания ушли куда-то далеко, блаженная дрёма обняла меня мягкими лапами. Всё равно. Будь что будет. Мне сейчас так хорошо, что даже крокодилица Шамтара, которая ехидно усмехаясь, шепчется с подружками в соседнем бассейне, не может нарушить этот чудесный душевный покой, который так давно был необходим моей измочаленной нервной системе.

Спать, спать, спать, не видеть сны.... меня разбудили чьи-то крепкие объятия. Три мускулистых фея с обнаженными торсами и завитыми крупными локонами, как у пуделя, челками, подняли меня и осторожно перенесли по воздуху на мраморную скамью, покрытую травяным ковром. Щедро намазав меня цветочным маслом, они принялись делать массаж. В жизни бы никогда не подумала, что у крошечных феев могут быть такие сильные руки. Я снова задремала. Мне снился Горал.

– Спи, моя девочка, – шептал он. – Спи! – и гладил меня по волосам.

Маленькие язычки пламени, перетекая с его рук, обжигающей волной разлились по всему телу.

– Тебе снится Горал? Не Азар? – Доктор Чуйка бесцеремонно вторгся в мой сон. – Ах, Алиса, Алиса! Что с тобой не так?

– Да уйди ты, кайфолом! – закричала я и... проснулась.

– Алиса! – фея тряс меня за плечо. – Просыпайся! СПА закрывается на ночь. Тебе пора в постель.

Я вскочила, стряхнув остатки сна. Что со мной? Почему мне снился Горал, а не Азар? Доктор Чуйка прав! Хотя признавать это неприятно, словно меня поймали на воровстве. Я резко вскочила со скамьи, и мои щедро намазанные маслом ступни поехали по полу. С трудом удержав равновесие, чтобы не прокатиться носом по мраморным изразцам пола, я поискала тапочки, но обнаружила лишь один. Второй куда-то запропастился. Ладно, придется изображать фигуристку.

Надев один тапок и подхватив халатик, я побежала в душевую, стараясь опираться на обутую ногу, потому что вторая скользила по полу. Не хотелось изгаздать пушистый халатик, а после и постель жирными пятнами ароматических масел. Свет в зале СПА погас, но в душевой еще горел. Последняя задержавшаяся студентка вышла из душевой навстречу мне.

– Будешь выходить, погаси свет, а то нас потом Камцан убьет за перерасход светозарных светлячков, – попросила девушка.

– Хорошо, – ответила я, заходя в душевую кабину.

Открыла воду и хотела снять купальник, но внезапно свет погас.

– Эй, я еще здесь! – закричала я. – Включите свет, потом сама потушу.

Тишина. Абсолютная и мертвая тишина в ответ. Холодные мурашки побежали по спине. Неприятный холодок обжег шею. Словно сзади дохнул морозом кто-то невидимый. А и черт с ним, с халатиком! В своей комнате душ приму. Я вышла из душевой. Нужно дракошу вызвать подсветить, пусть плюнет пару раз огнем. Иначе я себе голову разобью.

– Нистар, иди ко мне! – я вытянула вперед руку, чтобы не налететь на стену.

Да где же этот мелкий негодник? Никогда его нет, когда он позарез нужен. И вдруг моя рука уперлась во что-то холодное и мягкое.

– Ой, кто это? – заорала я, резко отскочив назад.

– Твоя неудача, уродина! – прошипели в ответ.

Свет зажегся. Передо мной стояла Шамтара в окружении подружек.

– На себя посмотри, крокодилица зеленая! – огрызнулась я. – Не нужно так откровенно завидовать. А то у тебя рожа еще больше позеленеет.

– Зато не побелеет, как у тебя! – злобно осклабилась Шамтара. – Вот смотрю на тебя и не понимаю: что в тебе Горал нашел? Не бывает так, чтобы дракону понравилась такая...

– Вошь бесцветная! – подсказала подружка Шамтары, прилипала, которая вечно терлась рядом с ней. – Она похожа на драконью вошь. Та тоже белокожая, почти прозрачная и волосики у нее светлые.

– Фууууу! – хором пропели все ящерицы, включая Шамтару, и одновременно скорчили брезгливые рожицы.

Если бы мне такое устроили до попадания в академию, я бы без раздумий уже залепила бы пяткой в нос всем, чтобы никому не обидно было. Это моя короночка: ножкой резко – ап! И в пятак! Я так в детдоме выписывала пиллюлю всем, кто ко мне лез. Повторный курс лечения, как правило, не требовался. Но я ж теперь леди! Правда, не

вся, только местами. Но идеальных вообще не бывает. Поэтому я гордо вскинула голову и сказала:

– Знаете что? А я вот считаю ниже своего достоинства вступать с вами в словесную перепалку. Катитесь вы... колбасой! Дайте пройти! – я попыталась проскочить между ними к выходу, но они сомкнули ряды.

– Ты, видимо, не поняла, – медленно произнесла Шамтара, сузив золотистые глаза, и встряхнула длинной гривой такого же цвета. – Здесь никто не собирается с тобой спорить, дворняжка. Слишком много чести. Здесь собираются тебя научить раз и навсегда, что Горал – только мой. И ничей больше.

– Ты его купила? – усмехнулась я. – Тогда квитанцию покажи! Интересно, сколько за ты него отдала. А главное: чем расплачивалась?

– Сейчас покажу! – Шамтара взмахнула рукой.

Из ее браслета выскочил фамильяр – мелкий зеленый крокодильчик с головой жабы. В лапах он зажал золотую нить, которая ходила ходуном. Словно к ней был привязан кто-то большой и сильный, который застрял там, в браслете. Фамильяр соскочил на пол, изо всех дернул нить. Из браслета Шамтары послышался грозный рык.

Я похолодела. А подружки Шамтары вжались в стены.

– Иди ко мне, собачка! – Шамтара вдруг вытащила из-под халата мой утеранный тапок, который я безуспешно искала в СПА, и передала своему фамильяру.

Тот засунул тапок в браслет. Грозный рык на миг смолк. Послышалось глухое рычание и треск раздираемого меха ируканских жаб.

– Вкусно тебе? Взял след? – прошептала Шамтара в браслет. – А теперь фас! – выкрикнула она.

И в этот же миг из браслета вылетел большой, размером с теленка, трехглавый пес. Под гладкой аспидно-черной шерстью буграми вздымались мышцы. Вместо хвоста разевала пасть змея, высунув алое жало. А на загривке пса шипел змеиный клубок. Из трех раскрытых пастей капала ядовитая слюна. Падая на пол, она выжигала мраморные плиты душевой.

Ибица сердце перестало! Я замерла, боясь вздохнуть. Собака не бросается, если ее не трогать и не кричать. Я двумя руками зажала себе рот.

– Это запрещенная магия! – из моего браслета вылетел Нистар. – Отзови его, Шамтара! Иначе тебя казнят. Ни в одном из миров Ковра Судьбы не позволено вызывать адского пса Цербера.

– Кого? – прошептала я.

– Цербера! – ехидно улыбнулась Шамтара. – Эта милая собачка охраняет вход в царство мертвых. Но обожает полакомиться живым и теплым мясом.

– Тебе это никогда не простят! – завопил дракоша.

– А кто узнает? – пожала плечами Шамтара. – Мои подруги никогда не проговорятся. Ведь если не будет дворняжки, я тогда точно стану Макошей, и щедро заплачу им за молчание. Быть близкой подругой самой Богини Судьбы очень выгодно. А тебя, мелкое драконье отродье, сейчас сожрут вместе с твоей хозяйкой. Знаете, сколько сил я потратила, чтобы найти компоненты для зелья, которое приручает адского пса? Но оно того стоило! Не только тебе, Алиса, зелья варить.

– Не понимаю, о чем ты! – я очень старалась скрыть дрожь в голосе, но она рвалась наружу.

– Брось! – зло выплюнула Шамтара. – Я знаю, что ты приворожила Горала. Просто доказать не могу. Если бы не приворотное зелье, он бы тебя давно сжег. А пепел рассеял бы по всей академии. Не может дракон просто так, без причины, благоволить к такой дворняжке, как ты! Он же тебя с самого начала на дух не выносил. Издевался, унижал, и вдруг допустил к отбору, да еще и дал высший балл. А как он смотрит на тебя, на безродную вошь! – Шамтара сжала кулаки и взмахнула ими перед моим носом. – Думаешь, что все слепые и никто ничего не видит? Скорее весь Ковер Судьбы сгорит, чем я уступлю тебе то, что принадлежит мне по праву! Горал – мой! А Цербер... – она погладила пса по загривку, прямо по змеиным головам, – Цербер твой! Фас!

Пес взмыл в прыжке.

– Нет! – дракоша полыхнул пламенем прямо в морду пса, но тот просто отшвырнул его гигантской лапой.

Нистар врезался в стену и, безвольно обвиснув, сполз по ней на пол. Как в замедленной съемке я наблюдала за горящими алыми углями глаз пса, которые медленно приближались ко мне. Вот он совсем близко. Слюна, капающая с клыков, отвратительно пахнет

гнилью. Острые когти блестят металлом, разрезают кожу на моей груди и скользят вниз, к животу. Меня обжигает боль. И я вдруг оказываюсь на полу, залитом водой. По груди течет горячая кровь. Хочется спать. Не хочется думать. По воде подо мной вдруг пробегает рябь. Щекотно. Я смеюсь, и смех отнимает последние силы. И вдруг из воды появляется Азар.

Как такой высокий мужчина может поместиться в такой маленькой лужице? Это очень смешно! Но расхохотаться не получается, потому что очень больно. Азар взмахивает рукой, она превращается в острый меч. Адский пес ревет, прыгает на Азара. И тот одним махом сносит все три головы Цербера. На их месте тут же появляются новые. Совсем крошечные. Азар хватает скулящего от боли пса, раскручивает его над головой и швыряет в стену. А потом подбирает и засовывает в своей браслет.

И вдруг в душевую с ревом врывается Горал. За ним катится Доля, мелко семенит Недоля, позади них возвышается мытарь.

– В академии использована запрещенная магия! – рычит Горал и вдруг застывает, глядя на Азара. – Ты! – он бросается к Азару.

Азар вдруг падает на пол, и... исчезает в луже воды.

– Где ты, предатель? – ревет ректор и длинной струей пламени высушивает всю воду на полу. – Заговор у меня за спиной! Выходи на честный бой, трус!

Но поздно! Азара нет, словно его поглотила земля, вернее, вода. Горал замечает меня.

– Алиса! – шепчет он и падает на колени.

– Опять меня баллов лишите? – с трудом произношу я.

– Лишу, – шепчет он, поднимая меня на руки. – А еще оставлю без сладкого и заставлю учиться без выходных. Молчи, дурочка! Тебе нельзя разговаривать.

– А не успеешь... те – шепчу я, захлебываясь красной слюной. – Кажется, это всё! Ищите себе другую девочку для битья.

– Лекаря ко мне в кабинет! Живо! – рычит Горал и щелкает пальцами.

Мы оказываемся у него в кабинете. Он кладет меня на диван и опускается рядом на колени. Берет мою руку и дышит теплом на холодную ладонь.

– Другую не найду. Ты одна такая, девочка. Копии не существует, иначе бы давно заменил тебя на более покладистую. Потерпи, сейчас станет легче! Сейчас придет эскулап и всё залечит. Есть такая раса: эскулапы, люди-змеи. Они спасают обитателей всех миров. Меня как-то по кусочкам собрали. А с тобой и работы не много. Всего лишь слегка подлатать. Будешь, как новенькая, – он целует меня в губы. – Да не толпитесь вы! – шипит он на Долю, Недолю и мытаря, которые окружили диван. – Дайте воздуха. Вон из кабинета все! Вон!

– Извёл злыдень нашу красавицу! Извёл, ирод, соколицу! – всхлипывает Доля, утирая слезы рукавом.

– Не нагнетай, клуша истеричная! – шипит на нее Недоля.

– Он здесь! – мытарь смотрит в угол кабинета.

Лица мертвецов под его волосами испуганно разевают рты в немом крике. Из-под седых прядей тянутся ко мне скрюченные руки.

– Кто здесь? – Горал вздрагивает.

– Ангел Смерти, – мытарь указывает в угол кабинета. – Он пришел за ней.

– Вон! – кричит Горал, извергая длинную струю пламени, которая выжигает всё в углу кабинета и расцветивает стену черными подпалинами. – Скажи ему, чтобы пошел вон!

Мытарь лишь молча качает головой.

– Скажи ему... – спазм перехватывает горло дракона и он, судорожно выдохнув, шепчет: – Скажи ему, что я ее выкуплю. Заплачу столько, сколько скажет. Окажу любые услуги. Стану его должником. Всё, что он захочет. Я – Судьба, ему выгодно иметь такого должника, как я.

Мытарь неслышно шепчет что-то, глядя в угол. Потом внимательно вслушивается и снова качает головой:

– Он не идет на сделки, Горал. Он пришел за Алисой.

Горал подкладывает под меня руки, поднимает и осторожно прижимает к груди. Я слышу, как бьется его сердце. Чувствую тепло его тела.

– Ничего не бойся, моя девочка, – шепчет мне Горал. – Я не отдам тебя Ангелу Смерти! Он не вырвет тебя из моих рук. Не позволю! Живьем загрызу, разорву, растопчу. Ты, главное, дождись эскулапа. Не закрывай глаза! Не засыпай! – горячечно шепчет он, прижимаясь к моим холодным губам жарким ртом.

– Холодно, – шепчу я. – Очень холодно!

– Уже не так, – шепчет он, обхватывая меня и пряча в обжигающих пламенных объятьях. – Я согрею. Просто не засыпай! Говори со мной!

– Что... говорить? – мне всё труднее складывать буквы и слоги в слова.

– Что хочешь. Да хоть таблицу умножения. Дважды два...

– Четыре.

– Дважды три...

– Шесть.

– Умница. А говоришь, что не любишь учиться, – он прячет лицо в моих волосах, обдувая их горячим дыханием.

Внезапно в кабинет влетает странное существо: до пояса человек, ниже пояса змея. В руках он держит огромный чемодан. Раскрывает его – там полно инструментов. Он бросает беглый взгляд в угол кабинета и спокойно говорит:

– Я тебе ее не отдам. Уходи, Ангел Смерти!

Эскулап легонько прикасается к моему лбу двумя пальцами и властно велит:

– Спи!

Меня охватывает сладкая дрёма. Я плыву. Плыву, плыву...

Я не знаю, чего во мне сейчас больше: ярости, боли или желания. Желания обладать Алисой. Моя девочка чуть не погибла. Но до этого моя девочка предала меня. Не понимаю чувств, что клокочут внутри: это злость или любовь? Я мысленно произнёс это слово? Любовь? Нет, эта болезнь мне незнакома. Любить я не умею. Способен лишь обладать, желать, подавлять, владеть. Но пора перестать врать самому себе. Алиса – единственная, с кем мне хочется броситься с Драконьей Скалы, связав себя клятвой верности на веки вечные.

Но как простить ее измену? Почему из всех мужчин на свете она выбрала именно Азара? Моего злейшего врага? Если бы между ними ничего не было, то он бы не бросился ее спасать. Или она не выбирала? Может быть, он сам к ней подобрался? Почему? Ответ очевиден: чтобы свергнуть меня. Иначе зачем ему спасать Алису? Он ведь ничего не делает просто так. Это заговор. Я его ждал. Клянусь первородным огнем, я чуял: что-то зреет медленно, как нарыв, как раковая опухоль. И вот дождался. Всюду враги. Никому нельзя верить.

Азар проник в академию. И моя девочка с ним. Что она знает? Насколько вовлечена в заговор? Может быть, именно его она искала в Зафеминье? Но почему она приняла его за студента?

Пламя ярости бурлит в моем сердце и рвется наружу. "Я люблю этого мальчика!" – сказала она мне там, на Драконьей Скале. Но в ее сердце нет любви. Я знаю: она себя обманывает. Но зачем? Что ей пообещал Азар? И как ему удалось завоевать ее? И кто она вообще? Почему вокруг нее постоянно что-то происходит? Все события тщательно просчитанных вариантов Судьбы завязаны именно на эту девочку. И Азар – этот хитрый лис, текучий, как вода, тоже вьется рядом.

С самого детства мы с ним соперничали. Мне, сироте, было тяжело угнаться за блестящим принцем крови из знатного королевского рода. До хруста в челюсти я сжимал зубы, пытаюсь не отстать, превзойти его в силе, ловкости, смекалке. Но он всегда был на полшага впереди меня. И смеялся, глядя на мои жалкие потуги переиграть его.

А я терпел, потому что знал: настанет день, и этот блестящий баловень судьбы, которому все далось без усилий с самого рождения, оступится. Ошибется всего один раз, уверовав в собственное непогрешимое могущество. И тогда я буду рядом. И отплачу за все. Мы вместе свергли Божество. Но всю грязную работу по заговору против Фатумора выполнил я. А он лишь ждал, развлекаясь и скучая. До сих помню его лицо, когда я перехватил власть в академии, а его приговорил к казни. Он не поверил, что тот, кто всегда был в тени, может сыграть главную роль. Он не мог осознать, что проиграл. В первый раз в своей долгой жизни победителя и баловня Судьбы.

Ему удалось улизнуть от казни. Но я знал: он кружит где-то рядом, как стервятник выжидая, когда Судьба даст ему возможность отомстить мне и отобрать власть. Теперь я понял, почему он подобрался к Алисе. Она – идеальный кандидат для заговора, если пообещать ей кусок послаще. И вот здесь он и ошибся. Потому что Алиса похожа не на него, а на меня. Такая же дворняжка, которая крутится рядом с сильными мира сего, пытаюсь урвать то, чего не получила при рождении. Разве может этот сытый неженка понять, что значит быть всегда голодным? Глядеть на чужой успех, жадно раздувая ноздри, наслаждаясь запахом власти, и понимать, что у тебя

такого не будет никогда? Не потому, что ты хуже. А просто Судьба не дала с рождения того, что дала другим.

Я лучше понимаю, что Алисе нужно. Я вижу ее насквозь. Я буду решать за нее. И за Азара тоже. Не могла моя девочка влюбиться в него. Здесь явно морок. Да! Он ее приворожил. Хитрость – его второе имя. Не за нее он волновался, когда спасал от Цербера, а за себя. Чтобы из тщательно продуманного заговора не выпал важный кирпичик, иначе посыплется все здание. Я размотаю этот клубок нить за нитью, узел за узлом. Мне не привыкать. И накажу всех, кто причастен к заговору. Даже Алису. Ее особенно! Она – моя добыча. Только моя.

Но она также чудесная приманка. Отличный способ выманить недруга из его укрытия. Именно с помощью этой девочки я смогу переиграть его. А также разоблачить всех, кто ему помогает. И одна из них точно Доля, которая давно тайно ненавидит меня. Главное: правильно выстроить ходы в комбинации. Одного я никак не могу понять: почему именно Алиса? Что в ней такого ценного? Я это выясню. А пока начну с романтического свидания. Все девочки любят романтику, даже такие особенные, как Алиса.

Я открыла глаза и увидела потолок своей комнаты. Рывком села в постели.

– Лежи! – прикрикнул на меня дракоша, устроившийся в ногах. – Тебя только что к жизни вернули. Что за неугомонная натура? – он всплеснул лапками.

– Ты живой, мой мелкий гад! Иди ко мне! – я протянула руки и он, как кошка, устроился у меня на руках, свернувшись клубочком. – Как ты выжил? Эта адская гнида трехголовая тебя чуть по стенке не размазала.

– Я же всё-таки дракон, а не кисейная барышня! – Нистар обиженно надулся. – Меня одним ударом лапы не убьешь, даже если это гигантская лапа адского пса.

Я ощупала грудь и живот. Никаких ран и ни малейших шрамов. Но как? Видимо, это было написано на моем лице, потому что Нистар рассмеялся и сказал:

– Да не беспокойся! Нужно только помыться и одежду сменить. А все остальное эскулап залечил. Следов нет, и не ищи.

– Такого просто не бывает! – возразила я. – Я же помню, что фактически склеила ласты.

Дракоша укоризненно посмотрел на меня.

– Ну, в смысле, чуть не ушла в мир иной. А потом пришел этот змеевидный мужик, и...

– Эскулапы – уникальные лекари, – Нистар взмахнул крылышками и полетел к столу. – Они умеют лечить то, что никто не умеет. Но главное: у них договор с Ангелом Смерти. Подробностей не знает никто, но в определенных случаях он отступает по их требованию. Они неприкосновенны во всех мирах Ковра Судьбы. Никто не имеет права им навредить. Они не просто власть. Они над властью. И даже в твоём мире эскулапы иногда приходят помочь тяжело больным, хотя вы, люди, их не видите. И когда безнадежные пациенты внезапно выздоравливают, ваши врачи называют это медицинским чудом.

Несмотря на протесты Нистара, я всё же села на кровати, опираясь на подушки.

– Откуда появился Азар? Я помню, что он выскочил из лужи на полу. Как такое вообще возможно?

– Это очень редкий вид магии, – дракоша заботливо подложил под меня еще две подушки и поставил на кровать изящную серебряную корзинку. – Называется она магия зеркальной воды. Ведь вода также отражает всё, как и зеркала. Но лишь немногие и очень сильные маги умеют перемещаться внутри воды так же легко, как в Зеркалах Судьбы. Азар – сильный маг. Он умеет.

Дракоша открыл крышку корзинки и вытащил оттуда несколько пирожных.

– Ешь давай. Тебе сейчас необходимо сладкое и калории. На кухне специально для тебя пирожных напекли и кулинарную магию отключили. Так что ешь, сколько влезет. Ни одна усатая сердитая морда тебя не остановит.

Мой желудок вдруг спел голодную песню. Только сейчас я почувствовала звериный аппетит и налегла на пирожные.

– Но откуда Азар узнал про нападение Цербера? – промычала я с набитым ртом.

– Это я его привел, – дракоша подобрал упавший на одеяло кусочек пирожного и сунул в рот. – Когда Цербер меня ударил, я

лишился чувств на краткий миг. А потом ринулся в зеркало на твоём браслете, громко умоляя о помощи.

– Я этого не слышала.

– Ты и не могла. Характерная внешность и не совсем дружелюбные намерения Цербера как-то не располагают к внимательности.

– Это да, – вспомнив рожу чудовища, я даже отложила в сторону второе пирожное, откусив его всего два раза.

– И Азар, действительно, помог. Правда, появился он не из зеркала, – дракоша куснул недоеденное мной пирожное.

– Так вот где он прячется! В воде! Если Азар может перемещаться в ней, как в зеркалах, тогда он видит и слышит все, что происходит в академии. Покажи мне хотя бы одну комнату, класс или коридор в академии, где нет воды.

– Вообще логично, – согласился дракоша. – Ему и пролитой на пол капли достаточно. Количество воды вообще не имеет значения. Главное, чтобы она просто была.

– Кстати, слона-то я и не заметил, то есть о главном совсем забыла, – медленно произнесла я. – А что с крокодилицей?

– Даже не спрашивай! – замахал лапками Нистар и выронил пирожное. – Она сидит в карцере без еды и питья. Там жутко холодно и сыро, а ящерицы сырость не выносят. В академию спешно прибыла целая комиссия следователей, включая членов Большого Академического Совета Ковра Судьбы, который курирует все учебные заведения во всех мирах. Они как раз сейчас заседают в Главном Зале. Так весь этаж оцепила их охрана. Даже Камцану не дали мимо по лестнице пройти. В академии вообще объявлено чрезвычайное положение. Все сидят по своим комнатам. Никого никуда не выпускают. Занятия отменили на ближайшие несколько дней. Горал издал специальный указ: за любое нарушение дисциплины – смерть. За малейшую провинность – вечная ссылка в необитаемые миры. Рыщет по всей академии злой, как тролль, ищет заговор и беспрерывно полыхает огнем. Даже Камцан с его непробиваемой наглостью старается держаться от ректора подальше.

– А что с отбором теперь будет? – после чудесной новости об аресте Шамтары мой аппетит снова проснулся, и я потянулась за очередным пирожным.

– Отбор состоится по плану. Его отменить невозможно. С нитями судьбы совсем плохо. Их очень мало осталось. Если в ближайшие дни не выберут новую Макошу, вся магия Ковра Судьбы может исчезнуть. Тем более, что на финальный тур всегда приглашают разных могущественных людей из всех миров Ковра Судьбы, включая твой: королей, принцев, президентов.

Я едва не подавилась.

– Как этой мой? У нас же никто ничего о Судьбе не знает.

– Простые смертные не знают, – пояснил Нистар. – А главы сверхдержав не только прекрасно осведомлены, но и успешно сотрудничают с фатумами и фатальями. Про Долю и Недолю я вовсе промолчу. Они к сильным мирам твоего ногой двери открывают и ходят каждый день, как на службу.

Вот это да! Снова нас обманывают. Говорят, что Судьба – это выдумка и сказки, а сами стопудово регулярно спрашивают когда, что и как у Судьбы запланировано.

– Так что ты отдохни чуть-чуть, а потом подготовимся к финалу. Будет, действительно, сложно. Судьбоносные торги с фатумами – это не шутки. И тебе, Алиса, придется доказать всем, что ты умеешь торговаться за чужую жизнь и судьбу.

– Просыпайся, Алиса! – кто-то грубо и бесцеремонно тряс меня, вцепившись в плечо. – Ну вставай же ты, дурында!

– Да в чем дело? – я подскочила с постели, сонно моргая.

Глаза никак не хотели открываться, но даже через полуприкрытые веки я рассмотрела злобную физиономию Камцана.

– Можно мне хотя бы после чуть не случившейся смерти спокойно поспать, ушатай вас всех Китай? Остоюбилеели мне ваши ночные ахтунги!

– Нельзя! Загрызи тебя тролль! – Камцан схватил меня за руку, рывком сдернул с постели и потащил к шкафу. – Одевайся! Тебя ждет ректор.

– Зачем?

– Не знаю. Да начни уже двигать своей круглой попой, забодай тебя единорог! – Камцан рывком распахнул шкаф.

– Сами вы толстый! – огрызнулась я, сдирая с вешалки первое, что попало под руку.

То есть, кружевное платье с узким лифом и широкой летящей юбкой до колен, расшитой по подолу мелкими белыми цветочками. К нему как раз подойдут новые туфельки, собранные из серебряных цветочков. Теперь прическа: быстрый взмах щеткой по волосам пару раз. Легкий мазок тушью по ресницам, капелька серебристых теней – глаза тут же широко раскрылись. Наконец-то! Блеск для губ, немного, чтобы сильно не искрило. Я еще хотела надеть перламутрово-розовую ленту на волосы, но лепрекон, рыча, вырвал ее из моих рук, схватил меня за запястье, вытащил из своего браслета золотую нить и что-то тихо прошептал. Миг – и мы уже стояли перед дверью кабинета ректора.

– Не забудь главное: встреча абсолютно конфиденциальна, – прошептал лепрекон. – Никто не должен узнать, что ты была здесь сегодня ночью.

Ох, не нравится мне это!

– А почему такая секретность? – прошептала я.

– Потому что! – прошипел Камцан и толкнул дверь кабинета. – Господин ректор, ваша посылка доставлена в лучшем виде, – он впихнул меня внутрь и захлопнул дверь.

– Проходи, Алиса! – Горал поднялся из-за письменного стола и подошел ко мне.

Что-то не так! Какой-то он сегодня странный. Неуловимые перемены то ли в жестах, то ли... ах да. Одежда! Вот что не так. Горал всегда был одет в черные, наглухо застегнутые сюртуки. Во время отборов в белые, чтобы не сливаться с угольным фоном черного кресла-трона, на котором наше огнеплужное величество гордо восседало. А сейчас он был наряжен в кипельно-белую шелковую рубашку, которая оттеняла его слегка смуглую кожу и подчеркивала рельефные мышцы на груди и сильно накачанные бицепсы. В спортзал он ходит, что ли? Хотя да, он же дракон. Полетает пару раз, и вот тебе красивая мышца обеспечена. И тренажеров не нужно.

Но больше всего меня поразили его брюки. Расдиджей мою Ибицу... гхм, то есть, о, великий Ковер Судьбы, это невероятно! Наш строгий ректор был одет в обычные светлые джинсы. Они красиво, как влитые, сидели на его узких бедрах. В этом наряде он выглядел намного моложе и не так устрашающе, как в своих вороновых одежках. Даже выражение лица было не строгое и отстранённое, как

обычно, вроде: "вы все козлы, только я Иван Царевич", а вполне дружелюбное. А уж надушился-то как! Одеколон шикарный. Тонкий аромат непонятно чего сильно будоражил мои ноздри.

Совершенно очевидно, что он пытается мне понравиться. Что не просто странно, но и очень подозрительно. Несмотря на его торг с Ангелом Смерти за мою жизнь, я ему не верю. Как говорил наш учитель истории:

– Бойтесь, ребята, данайцев, дары приносящих. Потому что они, данайцы эти, сначала осадили Трои, но им ничего не обломилось. Тогда они подарили троянцам деревянного коня, которого оставили в знак примирения у стен города. А сами спрятались внутри этой дубовой лошадки, ночью из нее вылезли и напали на троянцев. Так и пала Троя из-за любви к дармовым подаркам.

Так что не любая халява слаще уксуса и не все йогурты одинаково полезны. Вот смотрела я на Горала и понимала, что внутри этого красивого мужика сидит дракон, как данайцы внутри деревянного коня, и ждет, пока я засну. И тогда он вылезет и нападет на меня. Лучше бы огнем плюнул. Оно как-то привычнее, чем напускное дружелюбие, от которого у меня кардашьян прилип к бикини. Вернее, наоборот. Да не суть! Мне вдруг, действительно, стало страшно.

17 Глава. Свидание с драконом

– Разреши пригласить тебя на ужин, – Горал протянул мне руку, учтиво изогнув ее в локте.

Вторую руку он старомодно заложил за спину и слегка наклонился, потому что иначе я бы не дотянулась. Можно подумать, что у меня есть выбор! Сдерживая тяжелый вздох, я покорно взяла его под руку. Мы подошли к янтарным стеллажам, Горал провел ладонью по большущей книге в черном кожаном переплете и вся стена кабинета вдруг отъехала в сторону, открывая тайную комнату, вернее зал. Этот зал был ничем иным как роскошной спальней.

Пол спальни был выполнен из прозрачного кварца, а под ним бушевало алое и оранжевое пламя. Всю дальнюю стену занимала огромная кровать в форме лодки, вырезанной из черного оникса. Интересно: скольких девушек этот гондольер катал на этой гондоле? Сверху сексодром украшал балдахин в форме облаков, которые словно состояли из жемчужной пыли и постоянно медленно двигались.

Посреди спальни стоял небольшой столик в форме застывшего языка пламени. В его центре красовалась многоярусная подставка для тарелок, уставленная изысканными блюдами. Черная икра на крошечных тарталетках, мусс из моих любимых жемчужных апельсинов. Жемчужных, потому что размером они были не больше жемчуга, но в каждом сочилась нектаром сладкая сердцевина с легкой кислинкой. Рыба-метаморф, которая, попадая на язык, меняла вкус, подстраиваясь под предпочтения едока. Если этот ужин готовил Камцан, то он должен был два раза застрелиться и четыре раза подвеситься, подсчитывая стоимость деликатесов.

Горал учтиво отодвинул стул, усадил меня и открыл бутылку с вином.

– Не пью! – я поспешно закрыла ладонью свой бокал.

– Сегодня можно. Ты ведь пьешь с ректором, – улыбнулся он, ловко вытащил бокал из-под моей ладони и наполнил его.

Перечить ему я не посмела. Оставалось лишь надеяться, что вино обычное, а не какая-нибудь там сыворотка правды.

– Выпьем за великую Судьбу, которая уберегла тебя от цепких объятий Ангела Смерти!

Вот черт! А я же его даже не поблагодарила! Некрасиво получается.

– Давайте выпьем за вас, – предложила я. – Вы меня спасли, и я очень вам признательна!

Горал побледнел, молча осушил бокал до дна и немедленно наполнил его снова.

– Тебя спас не я. Я лишь торговался с Ангелом Смерти. От страшной смерти в зубах Цербера тебя спас Азар.

Тревога! Красный цвет! Моя кардашьян под платьем сильно напряглась. Чтобы скрыть волнение, я уткнулась лицом в бокал и выпила все вино.

– Я не знаю, кто это.

– Да брось! – улыбнулся Горал, снова наполнил мой бокал доверху, поднялся со стула, обошел столик и встал у меня за спиной.

Я попыталась обернуться, но он положил руку на мое плечо, заставляя сидеть на месте.

– Ты прекрасно знаешь, кто это, Алиса! – он наклонился и прошептал мне это в ухо.

Горячее дыхание обожгло мою шею. Вдох-выдох! Соберись, Алиса! Сейчас ты будешь врать. Вдохновенно и ярко, как актриса больших и малых сцен.

– Нет, – сдерживая дрожь в руках, я потянулась за канapé с икрой и забросила его в рот.

Когда жуешь, легче врать. Проверено неоднократно.

– Горал, я понятия не имею, кто это. И, кстати, мой фамилльяр тоже этого не знает, я спрашивала. Но мне очень интересно, что это за таинственный незнакомец. Не расскажете? – я рывком высвободила плечо и резко повернулась к нему.

– Это ты мне расскажешь, где вы с ним встречались, сколько раз, когда и что вы задумали, – он вдруг швырнул бокал за спину, схватил меня и приподнял, держа на весу на уровне своего лица.

– Отпустите! – я попыталась вырваться, чувствуя себя котенком, которого держат за шкурку.

– Отпущу, конечно! – легко согласился он, забросил меня на плечо и пошел к кровати. – Потом как-нибудь.

Всё! Недолго музыка играла. Горал вернулся в свое обычное состояние. Только теперь никто не ворвется в кабинет, никто не спасет. Глубокая ночь, все спят, я в его спальне. Выхода нет. Разве что узнать, что у него на уме. Болтаясь головой вниз, я тихо прошептала заклинание, активирующее приворотное зелье. И увидела такое, что невольно зажмурилась.

На другом плече Горала сидел змей вождения и тыкал ректору в лицо яблоком. Лучше бы джинны! Этих хотя бы можно разогнать. Джинны – это просто сексуальное желание. Но мало ли кто чего хочет? А вот змей это уже намерение уложить меня в постель во чтобы-то ни стало. Что делать? Мама! Горал швырнул меня на кровать. Легкое платье задралось и я нервно дернула его вниз. Горал возвышался надо мной, откровенно разглядывая мои ноги. Он медленно скользил взглядом вверх, словно просвечивая меня рентгеном. Его взгляд задержался на груди, и дракон, наконец, пристально, не мигая, посмотрел мне в глаза.

– Расскажи мне все, Алиса, – в якобы спокойном тоне послышалась скрытая угроза. – Сама расскажи. И тогда нам обоим будет легче. Особенно тебе.

Я покосилась на змея с яблоком, который бесновался на плече Горала. Как можно остановить разгорячённого мужика? Отвлечь его и выбить почву из-под ног. Лучшая защита – нападение. Этого он сейчас точно не ждет.

– Да что с тобой не так? – заорала я. – Почему ты вечно все портишь?

– Что? – выкрикнул он удивленно.

– То, что слышал! Там, в кабинете, когда ты меня прижимал к себе и орал на Ангела Смерти, я подумала, что это и есть ты, настоящий. А теперь ты совсем другой! В тебе словно живут два человека. Это страшно нервирует. Как в том анекдоте про доктора. Ты определись уже: вперед или назад, а то раздражает!

Горал застыл, потеряв дар речи. Он молчал несколько минут. И за это время у меня появилась надежда, потому что змей озадаченно почесал в затылке и тоже успокоился, удивленно глядя на меня.

– Да как ты смеешь мне дерзить, маленькая дрянь? – глухо прорычал Горал, и стены спальни мелко затряслись от его рыка. – Ты

думаешь, что сможешь меня провести? Меня! – он упал на меня и подмял под себя. – Где Азар? Говори, где он прячется! Кто ему помогает? Сколько вас в оппозиции против меня? Это всё Доля придумала? Да? Это она? – он одной рукой захватил обе мои руки и заломил их вверх, за мою голову, прижимая к постели.

Я рванулась, но тщетно. Он одной рукой держал обе мои руки с такой легкостью, словно вообще не чувствовал судорожных попыток вырваться. Второй рукой он задрал мою юбку.

– Да пошел ты к черту, псих ненормальный! – выкрикнула я, намертво сжимая колени.

Но он навалился на мой живот и крепко зажал мои ноги. Одним коленом он развел их в сторону, его бедра ввинтились между моих бедер. Прямо перед моим лицом оказалась ухмыляющаяся морда змея, сидящего на плече Горала.

– Ты его искала в Зафеминье, да? – горячно прошептал Горал и рванул на мне трусики. – Ты искала Азара? Он был с тобой? Целовал? Говори, что было между вами!

– Ничего не было! Отпусти меня! Отпусти! – мне удалось высвободить одну руку и я изо всех сил ударила его кулаком по спине.

Бесполезно! Он словно из железа сделан. Стальные мускулы. Я едва не разбила себе костяшки.

– А ты позови его, своего спасителя! – жадными губами Горал впился мне в шею. – Позови Азара! Ты же его любишь? Отчего же не просишь помочь? Ну, девочка, кричи: "Азар, любимый мой, помоги!"

– Изврат чёртов! Ушатай тебя, Китай! – я задрала голову вверх и так выгнула шею, пытаюсь стряхнуть с себя губы дракона, что позвонки аж хрустнули и в глазах поплыли радужные мошки.

Но рот Горала присосался к моей коже намертво. Хоть бензопилой вырезай, и то не факт, что поможет. И вдруг на втором плече Горала я увидела вампира. Быть не может! Вампир – это влюблённое сердце. Он меня любит? Горал? Чёртов психованный дракон? Разве может такой жестокий человек любить? Наверное, он сам еще не понял, что любит меня. Просто мыслит другими категориями. Он и слов-то таких не знает. Приворотное зелье не вызывает любовь. Оно вызывает страсть, болезненную привязанность, даже зависимость от другого человека, но главное: покорность его воле. Это то, что задумала Доля и другие. Дракон должен был мне подчиниться, покориться, но никто не говорил

о любви. Никто и помыслить не мог! Но это же я! У меня и зелья, веками проверенные работают наоборот. С таким счастьем, как у меня, хорошо с крыши прыгать – иглесиаса разобьёшься! С покорностью у дракона совсем никак. А вот любовь откуда-то появилась. Нежданчик!

И вдруг из-за спины вампира вылетела большая, размером с самого вампира оса с телом-сверлом, которое вращалось с такой скоростью, что у меня зарябило в глазах. Я видела ее на уроках Доли и Недоли, и она меня поразила. Это злость на самого себя. Яростная, бешеная, не дающая спать по ночам. Раскаленным, как сковородки в аду, сверлом вгрызающаяся в мозг. Оттолкнув змея, который быстро спрятался под кровать, она набросилась на вампира, грозно жужжа.

Вампир испуганно отступил. Так вот в чем дело! Горал любит меня и сам на себя за это злится. Ему непривычно. Ему страшно. Он не умеет любить. Он не знает, как выпутаться из этой ситуации и по привычке берет силой то, что нужно брать терпением и нежностью. Что такое любовь для него? Это ерунда! Он привык идти к своей цели. Получать все, что хочет. Вот оно, спасение! Горал завозился у меня между ног, расстёгивая джинсы.

– Пей! – я протянула руку вампиру.

Он непонимающе посмотрел на меня.

– Пей мою кровь! – прошептала я одними губами.

И он понял. Ощерился, обнажая клыки, и вонзил их в вену на моем запястье. Ведь что нужно вампирам? Кровь! А что нужно влюбленным? Единение! Быть вместе. Одна кровь на двоих, одно дыхание на двоих. Как в том знаменитом стихотворении, что всё время постят в соцсетях:

Любовь и кровь неразделимы,

Любовь и кровь всегда вдвоем*

А мы с ректором похожи. Ему тоже не особо светило при рождении. Он из самого зачуханного драконьего рода, и если бы не подсуетился, то ничего бы не достиг. Как и я. И если спасти вампира от гнева, то он победит, вдоволь напившись крови. Горал сунул руку мне между ног. Туда, где сухопутные войска от ужаса давно стали влажнопутными. Мне стало так противно, так невыносимо страшно, что я заплакала, тоненько подвивая. А вампир вскочил на плечо Горала, скатился вниз на его грудь и вонзил клыки, обагрённые моей кровью, ему в сердце. В этот миг я буквально физически

почувствовала, как смешивается наша с драконом кровь. Как переплетаются алые струи и спешат по венам к сердцам: моему и Горала.

Горал вздрогнул, замер и посмотрел мне в глаза. Несколько минут мы молчали, глядя друг на друга. И вдруг я почувствовала, что главное оружие угрозы из мощной пушки превратилось в безвольный флажок, болтающийся на башенке в безветренный день. Горал скатился с меня. Опустив голову, рванул мое платье вниз, да так сильно, что ткань затрещала. Подпрыгнув, сорвал с балдахина облачко и прикрыл меня до подбородка. Отошел на несколько шагов от кровати, нервно пригладил волосы и глухо произнес:

– Прости меня!

Я молчала, судорожно всхлипывая. Горал одним прыжком оказался возле кровати, опустился на колени, бережно взял мою руку – она задрожала. Я с трудом сдержалась, чтобы не попытаться высвободиться. Он сам вздрогнул, осторожно разжал мои пальцы и поцеловал открытую ладонь.

– Прости меня! Я.... ты сама виновата... нет... я... не важно, – дракон бросился к столу, налил бокал вина и залпом выпил.

– Уходи! – он подошел к стене и погладил ее.

Стена отъехала в сторону, открывая выход из спальни. Я сползла с кровати и пошла к выходу, завернувшись в облачко, как в одеяло. Все тело сковал холодный озноб. Но едва я успела дойти до двери, он сказал:

– Стой!

Неужели передумал? Мои ноги снова задрожали. Неужели все сначала? Горал медленно подошел ко мне, плотнее завернул в облачко и поднял. Я невольно вздрогнула. Он очень осторожно обнял меня, прижав к груди и прошептал в ухо:

– Не бойся, Алиса! Я не причиню тебе вреда.

– Я так и поняла, Горал! Только что как раз прочувствовала твою доброту.

– Скажи мне правду. Ты была с Азаром?

– Нет. Я вообще ни с кем никогда не была.

– Почему? – он слегка отстранился, держа меня перед собой на вытянутых руках, и заглянул в глаза. – Если ты его любишь, то почему нет?

– Я никому не верю, Горал. И тебе тоже, – спокойно сказала я. – И никого не люблю, кроме себя.

– Знакомо, – улыбнулся он. – Слишком знакомо, девочка. Мы с тобой очень похожи.

– Мы не похожи, – возразила я. – Я никого и никогда не пыталась взять силой.

– Правда? – он насмешливо поднял бровь. – А олигарха? Твоего золотого рыбка? Разве ты ему оставила хотя бы одну лазейку?

Я задохнулась от возмущения. Как он может сравнивать? Разве я бы запрыгнула так на Демидова? Да если бы даже и запрыгнула, то как вообще можно силой взять мужчину? Он ведь не девочка. Ему руки не заломить. Хотя... я так грамотно накалывала наживку на крючок, что ему не оставалось ничего другого, как проглотить его. И тогда бы я подсекла и потащила бы его на берег, наблюдая с огромным удовольствием, как таращит глаза этот жирный карась, хватая ртом воздух. Это что же получается? Что мы, женщины, таким образом силой берем мужиков? Это наше мягкое, шелковое и гладкое насилие?

– И это тоже считается насилием? – язвительно осведомилась я.

– Да, только это гораздо хуже. От вас не вырваться. Никому и никогда. И ваш главный инструмент никогда не отказывает.

Наверное, у меня на лице было написано такое удивление, что Горал улыбнулся и легонько прикоснулся губами к моим губам. Я приготовилась сопротивляться, но мне вдруг расхотелось. Адская усталость навалилась на меня и сжала плечи стотонным грузом.

– Мы с тобой похожи гораздо больше, чем ты думаешь, – прошептал Горал. – Так похожи, что это пугает. Иди спать, – он поцеловал меня в лоб и щелкнул пальцами.

И в этот же миг я оказалась в своей комнате.

*

Немного переделанное авторами стихотворение Кочеткова "Баллада о прокуренном вагоне"

В первый раз в жизни я не смог взять силой женщину. И покорить не сумел. Никак. Мое мужское естество меня подвело. И я даже знаю почему. Наконец, понял, что испытываю рядом с этой девочкой. Кто-то из мудрецов как-то сказал:

– Мужчина любит не саму женщину, а свое состояние рядом с ней.

И где-то там, в подсознании, мой разум понял это еще до того, как я сам осознал, что так нельзя, и дал команду мужской природе остановиться. Если бы я взял ее силой, то навсегда потерял бы себя в ее глазах. Потому что Алиса видит меня таким, каким я сроду не был, и уже не буду никогда и нигде, кроме как в этих распахнутых чудесных голубых очах и белокурой головке.

Я люблю борьбу с ее непокорным характером. Вечную игру моей силы и ее упрямства. Что остается? Подчиниться ей и потерять себя? Нет, это я никому не позволю. Никому не прощу. Даже ей. Коса на камень. Лед на пламя. Ковер Судьбы не вместит два таких характера. Остается только одно: переписать ее судьбу с нуля. И сделать для себя зацепки, зарубки, лазейки. С ранних лет приручить к себе. Чтобы любила только меня. Чтобы подсознательно ждала всю жизнь. И тогда я смогу ее любить, не теряя себя.

Ничего! Я еще свое возьму. Когда я стану Фатумором, то сам стану ее судьбой, и тогда никто не сможет отнять ее меня. И она, наконец, будет покорна. Смиренно примет всё, что я захочу ей дать. Но главное: она не должна победить в отборе, иначе будет невозможно переписать ее судьбу. Ведь тогда она станет Макошей. И я даже знаю, кто поможет мне устроить проигрыш Алисы.

Щелчок пальцами, пару золотых нитей из браслета – и вот преступница Шамтара уже стоит передо мной, почтительно склонив голову. Она продрогла. Карцер, в который ее посадили, холодный и сырой, а ящерицы не выносят сырость. Но в золотых глазах жажда. Она хочет подчиняться. Ее хвост приподнят. Сексуальные сигналы, пикантные намеки, смиренная поза. Ноги девушки дрожат от нетерпения. Она знает, зачем я ее позвал. Она ко всему готова. Это возбуждает. То, что не отдано строптивнице Алисе, жарким огнем полыхает в моих бедрах.

– Ты знаешь, что по законам Ковра Судьбы тебе полагается смерть за использование запрещенной магии?

– Пощадите! – золотистые глаза наполняются слезами и мольбой.
– Я слишком молода, чтобы умереть.

– Алиса тоже, – подхожу к ней вплотную. – Но ты пыталась ее убить.

– Она просто не должна была родиться, – зло выплевывает Шамтара. – Само ее существование – трагическая и досадная

оплошность Судьбы.

– Ты осмеливаешься осуждать решения и планы Фатумора? – резко поворачиваю ее спиной к себе.

– Того, прежнего, да, – она покорно замирает в моих руках, даже не пытаюсь сопротивляться. – Ведь у него нет и толики той мудрости, которая будет присуща вашим решениям, когда вы станете Божеством.

Вот лиса! Всегда знает, что ответить. Глажу ее золотистые волосы, она вздрагивает. Собираю роскошную копну в ладонь, крепко сжимаю и оттягиваю ее голову назад. Она выгибается дугой и покорно смотрит на меня снизу вверх.

– В некоторых случаях, учитывая твою молодость, безгрешное прошлое, заслуги твоей уважаемой семьи, а также мое особое расположение, можно заменить смертную казнь более легким наказанием, если ты поможешь мне в одном деликатном деле, – моя рука скользит под ее юбку, нащупывает оборки панталончиков и резко тянет вниз.

– Ааааах! – выдыхает она и высоко задирает хвост. – Всё, что захотите, господин ректор!

Бросаю ее животом на стол и даю ей почувствовать свою власть, свою силу. Она стонет и изгибается. Я не смотрю на нее. Закрываю глаза и представляю на месте покорной летайи строптивую Алису. Моя мужская сила всё прибывает. Беру ее сильно, но холодно и отстраненно. Нет, не то! Она не Алиса. Лишь игрушка, имитация. Но сойдет на один вечер, чтобы погасить мой огонь, который так некстати погас совсем недавно, но внезапно разгорелся с новой силой. Кроме того, это привяжет Шамтару ко мне. Она хотела быть победительницей? Я дам ей насладиться вкусом фальшивой победы, которую она принимает за настоящую.

– Ты выиграешь отбор, Шамтара, если сделаешь всё, о чем я тебя сейчас попрошу, – я беспощадно распластываю ее по столу. – Ты сыграешь в мою игру, а я взамен обставлю дело так, что не было никакого Цербера. Был просто сильный морок, наваждение. Ты ведь хотела напугать Алису, правда? Разве могла ты желать ей смерти?

– Всё, что скажете, господин ректор! Будет так, как вы... захотите... о... Горал! – кричит она, задыхаясь. – Да! Я сделаю всё, только... прикажите! Но свидетели... о!

– Они тоже видели морок. И потом они предатели. Их словам нельзя верить. Они всегда играют против меня. А твои подруги подтвердят, что адского пса не было. А был розыгрыш. Жестокий, ужасный, страшный розыгрыш на грани фола.

– Да, Горал! Да! – она кричит слишком громко.

У меня даже закладывает уши, поэтому закрываю ее рот одной рукой, и еще сильнее прижимаю к столу. Как просто. Как скучно. Когда же женщины поймут, что чем больше сопротивление, тем сильнее наслаждение?

Где омерзение? Где отвращение? Это все должно было сейчас всколыхнуть мою душу. Вывернуть меня наизнанку. Потому что Горал пять минут назад чуть не взял меня силой. Но ничего этого нет. Гнев клокочет внутри. Но вместе с тем из головы не выходит вампир. Горал любит меня? Надменный, холодный, невыносимый Горал? Да что же Пак намешал в это зелье? И как с этим быть? А главное: почему мысль о драконе не вызывает у меня омерзения?

– Алиса, где ты была? – дракоша пулей вылетел из браслета и обнял меня за шею. – Я пытался к тебе пробиться, но запутался в коконе из золотых нитей. Они полностью закрыли выход из зеркала, словно кто-то специально запечатал меня внутри?

– Я была у Горала.

– И?

– Он... он... чуть не взял меня силой.

Выслушав мой рассказ, дракоша взмыл под потолок, ударился об него головой и камнем свалился на кровать.

– Мерзавец! Подонок! Как он смел? Я пожалуюсь на него в Академический Совет. Он не имеет права так с тобой обращаться!

– Он любит меня, Нистар.

– Что за ересь ты несешь, Алиса? – Нистар на нервной почве свалился с кровати на ковер. – Горал не способен любить! Не путай приворот и любовь. Приворот – зависимость, болезненная зависимость, покорность тому, кто приворожил. Невозможность причинить ему зло. И если он пытался тебя взять силой, значит...

– Значит, – перебила его я, – зелье Пака не сработало. Или сработало не так, как мы планировали. Поэтому он и не подчиняется мне, Нистарушка. Он не под зельем. Он в меня влюблен. Может быть, зелье просто спровоцировало его.

– Да с чего ты это взяла?

– Я видела вампира. И дала ему свою кровь. И поэтому Горал не сделал того, что хотел. А еще я видела гнев, злость на самого себя, страшную осу, которая боролась с вампиром.

– То есть, – медленно, почти по слогам произнес дракоша, – Горал злится на самого себя за то, что любит тебя?

Я молча кивнула и опустила голову.

– Посмотри на меня, Алиса! – Нистар, трепеща крылышками, завис в воздухе передо мной, – а как же Азар?

– Он не пришел меня спасти, когда Горал пытался овладеть мной. Он меня не любит.

– Да ты с ума сошла! – Нистар всплеснул лапками. – Он спас тебя от Цербера! Что еще нужно? Какие доказательства?

– От Цербера? – в приступе злости я забежала по комнате. – Вот все вы, мужики, одинаковые! Даже фамильяры. Как вы интересно считаете! От смерти спас, чего же еще? Подумаешь, какое-то изнасилование! От нас, женщин, не убудет. Так вот, чтобы ты знал: иногда лучше лежать под адским псом, чем под мужиком, который силой берет то, что ему не причитается! Азар не пришел в ту минуту, когда нужен был мне больше всего. Когда я его мысленно звала. Он, наверное, подумал так, как ты: подумаешь, от нее не убудет.

– А Горал, значит, лучше? Позволь напомнить, что это именно он тебя чуть не взял силой, – дракоша метнулся за мной.

Я остановилась перед фамильяром, зависшим в воздухе. Зеркало на трюмо отразило мое бледное лицо, всколоченные волосы, пересохшие губы, которые я медленно и с трудом разлепила:

– Горал честнее. Он прет напролом, но не обманывает. Он торговался с Ангелом Смерти. Готов был всё отдать. И он остановился сам. Горал спас меня от себя самого.

– Как трогательно! – язвительно сказал дракоша. – Лев склонился перед ягненком, сила покорила слабость. Я сейчас заплачу от умиления! Кажется, ты потеряла слишком много крови. Ведь эскулап тоже использовал разные снадобья и зелья, которые явно оказали страшное воздействие на твои мыслительные способности.

Я не удержалась и от всей души треснула дракошу. Хотела по мордашке, но попала по загривку, потому что он успел ловко увернуться.

– Рукоприкладство тебе не поможет! – ехидно заметил он, распластавшись по потолку. – Ты презираешь своего спасителя Азара, который ради тебя рисковал всем: и настоящим, и будущим, и оправдываешь насильника Горала. Bravo женской логике! – он захлопал в ладоши, забыв, что висит на потолке, и свалился на ковер прямо мне под ноги.

– Попался! – злорадно выкрикнула я, хватая его за шкурку. – Азар не за меня боялся. А за себя. За свои планы, в которые вложил туюву хучу – вот сейчас без списка замен, уж прости меня, – сил, времени и прочего. Поэтому он и не пришел меня спасать от насилия. Моя девственность и чувства его не интересуют. Подумаешь, всего лишь насилие! Разве это может помешать его планам? Мое целомудрие интересует только меня саму, – я от души встряхнула дракошу, вкладывая всю силу презрения к чертовой мужской логике, с которой они носятся, как Киркоров с Басковым.

– Отпусти меня, Алиса! – вдруг совершенно спокойно сказал Нистар.

Причем таким тоном, что мои пальцы сами разжались. Этот тон я уже слышала несколько раз. И каждый раз он меня пугал. Потому что от забавной маленькой игрушки не ожидаешь такой глобальной серьезности. Дракоша взлетел на стол, повернулся ко мне, сверкнул глазами и глухо произнес:

– Станные вы существа, женщины. Вам можно десять раз доказывать свою верность. Спасать, помогать, но вы будете помнить тот единственный раз, когда мужчина ошибся. Не успел рыцарь прискакать к принцессе, промахнулся вместе с белым конем мимо вашего спасения, и все. Он враг до гроба и негодяй. И вы ножкой в остроносом сапожке сталкиваете его с пьедестала. Пшел вон, скотина! А тот, кто вредил вам, строил козни, обижал, оскорблял, но один раз вдруг повел себя так, как нужно, наоборот, герой. Один единственный раз подлец поступил, как мужчина, и вы будете помнить об этом всю оставшуюся жизнь. И забудете все плохое, что было до того. Потому что это ведь вы его перевоспитали. Вы его выдрессировали. Поэтому он для вас в сто раз важнее чем тот, кто рыцарь от рождения. Как там говорят в твоём мире? Мы в ответе за тех, кого приручили?

– Ничего ты не понимаешь! – вспыхнула я. – И вообще не лезь, куда не просят!

– Я все понимаю! Хочешь, я тебе скажу, почему Горал тебя пригласил на свидание? Не любовь его толкала на это, а хитрость. Он пытался выманить Азара. Он думал, что если Азар увидит твой страх, услышит мольбы о помощи, то он придет. Но Азар не так глуп, как считает Горал.

– А ты откуда знаешь, что думает Азар?

– Да потому что я сам умный мужчина, – он гордо вскинул подбородок. – И понимаю ход мыслей Азара.

При всей трагичности и драматичности момента я не выдержала и расхохоталась. Дракоша стоял передо мной на столе, вскинув голову, задрав игрушечный нос, и уперев лапки в бока аля Супермен. Только синих трико и алого плаща не хватало для полноты образа.

Всё напряжение предыдущих событий, боль, страх, нервы вдруг прорвались истеричным смехом. Как пружина, которую долго сжимали, а потом резко распрямили.

– Мужчина, – хохотала я и била себя руками по коленям.

– Да, мужчина! Ну хватит, Алиса! Это оскорбительно, ну же, прекрати!

– Иди сюда, горе мое плюшевое, – я прижала дракошу к себе.

– Попрошу без рук! Я в данный момент не в настроении! – он попытался вырваться, но я держала крепко и целовала его в нос. – Прошу уважать мое личное пространство! – Нистар попытался вырваться из моих объятий.

– Ушатай тебя, Китай! – я ухватила его за пухлую лапку. – Слышь, умный мужчина, пока у тебя женилка не выросла, давай-ка лучше готовь меня к отбору. Я вообще-то торговаться хорошо умею, у нас в Волчедуйске этому с детства учатся. Но не с фатумами. А только с тетей Маней за два стакана семечек по цене одного! У нас всего одна ночь на подготовку. Отбор завтра с утра.

С утра перед отбором академию лихорадило. Феечки сновали в воздухе со скоростью самолетов-истребителей, таща на себе ворох цветного тряпья, фены, косметички размером с чемодан и сундуки какой-то никому ненужной мишуры. Камцан сбился с ног и охрип, носясь по коридорам и сбивая всех с ног. Студенткам разрешили выйти из комнат, но строго ограничили маршрут: сначала на торжественный завтрак в столовой, потом в Главный Зал на отбор.

Я завтракать не пошла. Дракоша откуда-то притащил несколько сухих хлебцов и силой заставил меня поесть. Мой отличный аппетит взял больничный, и это пугало. Сколько себя помню: есть я хотела всегда. Тем более, бесплатно. А тут как переключило. Я даже не стала спорить с феечками, пока они меня одевали, причесывали и красили. Просто стояла в прострации и ждала, пока все закончится. А еще два раза сказала им:

– Спасибо!

Чем вызвала волну гнева и негодования. Флора Яфейфия, преподавательница Грима Судьбы, которая лично пришла меня делать неземной красавицей, в раздражении бросила расчёску на пол и воскликнула:

– Нет, я так работать не могу! Это ужасное создание, которое должно брыкаться и спорить с нами, показывая свой отвратительный вкус, молчит и всё терпит, как истинная леди. Красота, то есть, я, в шоке!

– Это называется когнитивный диссонанс, – немедленно отозвался дракоша. – Несовпадение ожиданий и реальности. Я сам фрустрирован, то есть, подавлен. Алиса даже ни разу не попросила Китай ушатать кого-нибудь. И не помянула раскиндык и Ибицу. И как в таком состоянии идти на отбор? Может, ты заболела? – он, обеспокоено нахмурившись, приложил лапку к моему лбу.

– Просто сосредоточена, – сквозь зубы процедила я. – Прошу оставить меня в покое.

– Ужас! – простонала Флора Яфейфия. – В ней так некстати проснулась вежливость! Не отвалите, а прошу оставить меня в покое! – она принялась нервно обмахиваться веером.

– И не говорите! – горячо поддержал ее дракоша. – Если она в третий раз скажет "спасибо", я просто получу инфаркт и умру в расцвете лет и на пике интеллекта.

Несмотря на их попытки меня разбудить и вывести из ступора, я продолжала молчать. Кажется, со мной такое случилось в первый раз в жизни. Что неудивительно: в Богини Судьбы меня тоже ни разу не выбирали. И если я сейчас проиграю, то мне конец. На этот раз окончательно и бесповоротно. Азару я буду больше неинтересна. Доле тем более. На то она и Доля, чтобы помогать счастливым. Да и

Горал будет занят той, которая победит. Зачем ему я, если у него есть Макоша?

Претенденток четыре, включая меня. Среди знакомых только Дейна. Двух других не знаю. Одно радует: крокодилица сейчас сидит в тюрьме и исходит на... короче, очень расстроена. Приговор ей еще не вынесли. Или вынесли, но нам пока ничего не сообщили. Наверняка, скажут после отбора. Мысль о Шамтаре придавала мне сил и я слегка взбодрилась.

– Всё! – Флора Яфейфия в сотый раз поправила локоны моей прически и повернула меня к большому зеркалу, которое парило в воздухе.

По поверхности зеркала пошла рябь и сформировалась в женское лицо. Оно чмокнуло губами и пропело:

– Ах, какой утонченный вкус!

– Какая модель платья! Какая прическа! Это шедевр! – хором пропели феечки.

Я и сама с трудом узнала себя в зеркале. Длинное платье цветов судьбы – белое с золотом, перехваченное широким поясом, собранным из тяжелых золотых пластин, подчеркивало мою тонкую талию. Подол платья спускался складками, большой разрез впереди оставлял открытыми ноги, не сковывая движения, что, несомненно, очень удобно. Сверху платье было ассиметричным, и по верху шел золотой позумент.

Волосы завиты крупными локонами. В пряди вплетены мелкие золотые цветочки. Макияж аля натюрель: сияющая пудра с пылью светлячков, перламутровые тени, нежно-розовые румяна и такой же блеск для губ. Не девушка, а чистый раднык и нежный цвэток, – как говорил Вазген, у которого я покупала чебуреки.

– Ну, благослови тебя Судьба! – дракоша попытался чмокнуть меня в щечку, но феечки так заверещали, опасаясь за мой макияж, что Нистар испуганно сжался, быстро поцеловал меня в волосы и шмыгнул в браслет.

На негнущихся ногах я зашла в Главный Зал и села в первом ряду возле Дейны. Зал превратился в стадион с переполненными трибунами. Здесь были все обитатели академии: преподаватели, обслуживающий персонал, студенты из Зафеминья и даже Многотомиус Затрепанный вместе со всеми своими книжными

червями. Одна часть трибун была превращена в ложу для особо важных персон. Впереди сидел Горал, а возле него целый ряд важных шишек в коронах, мантиях, бриллиантовых диадемах стоимостью с Москву и пару областей, и...– ушатай меня, Китай! Заметив в этом ряду президентов крупных сверхдержав из моего привычного мира, которых каждый день видела в Москве по телеку, я даже вышла из ступора, наконец.

– Ничего себе! – прошептала я Дейне.

– А ты как себе это представляла? – пожала плечами она. – Судьбу выбирают!

– Мы с "Коламбия Пикчерс" себе такого вообще не представляем, – шумно выдохнула я.

Ушатай меня, Китай! Если я сейчас облажаюсь, то реально на весь свет, включая ближний космос. Ибница сердце перестало! У меня аж кардашьян задрожала и в первый раз в жизни решила покинуть свою хозяйку, меня то есть! И я ее понимаю. Сама бы сейчас так рванула отсюда, что за мной белый шлейф тянулся бы, как за реактивным самолетом. Или провалилась бы сквозь землю и вышла с другой стороны земного шара, если бы академия в данный момент гостила на старушке Земле. Москва-метро-привет шахтерам-да здравствует Австралия!

В Зал въехала золотая тележка, которую везли крылатые кони. Управлял ими Камцан. На тележке было установлено огромное зеркало в золотой раме. Вглядевшись в его поверхность, я не удержалась и громко ахнула. Зеркало высотой в человеческий рост было полностью сделано из бриллианта.

– Только не говори, что это цельный бриллиант! – прошептала я Дейне.

– Конечно! – кивнула она. – Это же Зеркало Судьбы, в которое смотрит Божество Фатумор, то есть Главный Фатум и Макоша. Зеркало нельзя собирать из кусочков, иначе весь Ковер Судьбы распадется на эти самые кусочки. И когда они в него смотрят, то от взгляда Фатума начинает вращаться веретено на Прялке Судьбы, а из сердца Макоши идут золотые нити. Они наматываются на веретено, оттуда попадают во все магические зеркала, и расходятся по всем к мирам. И из них уже ткут Ковер Судьбы.

– А Прялка Судьбы где? – шепотом спросила я. – К Зеркалу же должна быть привязана Прялка.

Дейна оглянулась по сторонам, прижалась ко мне и едва слышно прошептала:

– Не знаю. Говорят, что когда Горал изгнал Азара, то он вроде бы Прялку спрятал. Поэтому и Нитей Судьбы так мало осталось, что их все экономят. Сегодня как раз и узнаем: так это или нет. Слухов очень много. Непонятно только какие из них вранье, а какие истина.

Еще бы! Из-за этой Прялки такой хайп закрутился! Из-за нее Доля меня в академию притащила. Азар достал для зелья "драконий морок", которого вообще не осталось в мирах Ковра Судьбы. Вопрос в том: где же все-таки Горал ее прячет, что до сих пор не нашли, хотя искали многие? И все, кто искали, совсем не дураки. Если я выиграю отбор и стану Макошей, то, конечно, тут моему мармеладному огнеплюю придется вернуть Прялку. А если нет? Вдох-выдох! Не думай об этом, Алиса! Никаких "нет". Только "да"! За тобой Москва и Волчедуйск!

Горал встал со своего трона и поднял руку вверх, призывая зал к молчанию. Все голоса мгновенно стихли. Горал был одет в белый сюртук из тончайшего шелка и такие же белые шелковые брюки. На лацкане сюртука красовалась огромная брошь в виде золотого дракона, кусающего свой хвост.

– Дамы и господа, мы начинаем финальный тур отбора. Но перед этим хочу сделать важное заявление. Вы все знаете, что в нашей академии произошло досадное недоразумение. Одна студентка якобы напала на другую. Вернее, напала не сама, а использовала запрещенную магию и вызвала адского пса Цербера.

Якобы? Он что совсем мозгов лишился? Или они у него выгорели от постоянного плевания огнем?

– Как это якобы? – громко выкрикнула Доля, сидящая во втором ряду за тронем Горала, и вскочила. – Что значит якобы? Шамтара чуть не убила Алису!

Зал взорвался многоголосым гомоном.

18 Глава. Принц в зачуханной короне

– Я прошу дать мне договорить! – зарычал Горал и выпустил длинную струю пламени, которая ударила в потолок.

Все голоса немедленно стихли.

– Спасибо, – Горал окинул цепким взглядом зал. – Авторитетная комиссия расследовала это неприятное происшествие и пришла к выводу, что никакого нападения не было. Это был морок. Искусный, страшный, но вполне в рамках законов Ковра Судьбы. И так как морок, пусть даже самый ужасающий, это иллюзия, которая никому не может причинить особого вреда, кроме испуга, то в отборе будет не четыре участницы, а пять.

Дверь распахнулась и в Зал вошла Шамтара. Ибица сердце перестало! Да что же происходит? Ведь Горал знает, что нападение было настоящим. Он сам торговался из-за меня с Ангелом Смерти. Неужели чертова великая комиссия не нашла никаких доказательств?

– И ты до сих пор веришь в то, что Горал тебя любит? – прошептал дракоша, высовывая мордочку из браслета.

– Отец родной, да как же это? – Доля всплеснула руками и в волнении прижала их к груди. – Я сама видела адскую псину с разверстой, аки заслон в печи, пастью.

– А тело псины есть? – Горал просверлил ее горящим взглядом. – А кровь Цербера нашли? Ему ведь вроде бы головы отрубили, правда? Значит, должна быть кровь.

– Так его же Азар-спаситель уволок, потому и не нашли, – не сдавалась Доля.

– Не было никакого спасителя, – процедил Горал сквозь зубы. – И Цербера не было. Морок был, и больше ничего. И авторитетная комиссия это подтвердила. Или ты хочешь оспорить вердикт комиссии, в которую входят лучшие умы всего Ковра Судьбы?

Доля открыла было рот, но не нашла, что ответить, поджала губы и села на место. Мытарь сидел рядом с ней каменным лицом и молчал.

– Поняла теперь в чем дело? – прошипел Нистар. – Азар не герой, потому что не было ни его, ни пса. Шамтара участвует в отборе. А ты наивная дурочка, которой мерещатся разные глупости.

– Одно другого не касается, – прошипела я в ответ. – На меня никто морок не наводил. Я знаю, что видела. И в душевой и в спальне Горала. Не вали всё в одну кучу! Плохо другое: он играет в какую-то игру, а я, ушатай меня, Китай, не понимаю в какую. И ты, кстати, тоже, не рубишь фишку.

Крокодилица медленно пересекла зал. Проходя мимо, бросила на меня торжествующий взгляд. Она была совершенно спокойна. Ни капли волнения, ни малейшего сомнения во взгляде. И мне это очень не понравилось. Доктор Чуйка нашептывал внутри меня, что крокодилица точно знает, что выиграет отбор, а потому так спокойна. И в этом я была полностью солидарна с ним. У нее даже не дрожал хвост, хотя на первых двух турах отбора он просто ходуном ходил от нервяка.

– Если ни у кого больше нет возражений, мы начинаем, – Горал взмахнул рукой и свет в зале погас.

В воздухе засвистели золотые канаты, натягиваясь сеткой над залом. На них появились фатумы, сидящие на прозрачных стульях. Стулья скользили по канатам, как поезда на рельсах. В точности как на уроке судьбоносных торгов, когда я подглядывала за ними в Зафеминье. Над сеткой из канатов появился огромный экран.

– Лот номер один для участницы номер один Шамтары, – объявил Горал.

К Шамтаре подлетел золотой шар, она уселась на него и шар взмыл вверх, остановившись над сеткой рельсов, напротив экрана.

– Торги открыты, – Горал выплюнул длинную струю пламени.

На экране появилась очаровательная девочка, пухлый младенец нескольких часов от роду. Рядом с ребенком светила от счастья женщина. Она подняла ребенка на руки и поцеловала. И вдруг у меня внутри все перевернулось. Нет, этого не может быть! Неужели это... моя мама? У меня осталась всего одна ее фотография. Та самая картинка, которая сейчас замерла на экране. Счастливая, молодая красавица-мама держит меня, кроху, на руках. Я часто думала: кто сделал это фото? Папа? Друзья? Специально приглашенный фотограф? Ведь я родилась в дремучем 1999 году, когда не было еще цифровых камер, мобильных, и слово "селфи" даже не придумали. Эту фотографию я привезла в Москву, в сумочке. Класть в чемодан просто

побоялась. А вдруг украдут? И если это моя мама, то младенец... это я?

И вдруг у меня в голове щелкнуло и разрозненные части мозаики сложилась в четкую картинку. Вот для чего Горалу понадобилось обманывать всех, утверждая, что морока не было. Тогда Шамтара может участвовать в отборе и переписать мою судьбу так, как этого хочет Горал. Даже влюбленный дракон все равно остается властным господином! Я знаю, что он меня любит. Я сама видела вампира. Но смириться с тем, что придется уступить, дракон не может. Вот же упертый мужик! Поэтому сейчас дура-крокодилица, которой он явно что-то наобещал, перепишет мою судьбу так, как угодно будет Горалу, и дракон получит послушную игрушку. Меня! Да каблук тебе в говэрло! Ступор, в котором я пребывала с самого утра, отпустил меня.

– Стойте! – я вскочила с места, громко вопя: – Остановитесь! Этот младенец – я!

– Замолчи, Алиса! Сядь на место, иначе я выброшу тебя из зала. Это не ты! – досадливо поморщился Горал. – Что за бред?

Зал взорвался шумом. Свет зажегся. Фатумы замерли на канатах. Шамтара оскалилась, сидя на шаре.

– Что происходит, отец наш родной? Да ты не сбрендил ли часом? – Доля подскочила к Горалу, наступая на него, и уперла руки в бока.

– Сладкого переела? От пряников мозг засахарился? – высокая Недоля, изогнувшись вопросительным знаком, нависла на низенькой Долей. – Это не может быть Алиса. Нельзя переписывать судьбу уже живущих. Думаешь, что ректор академии этого не знает? Девчонка врет!

– Алиса не лгуня, – мытарь оттеснил Недолю от ее заклтой подруги. – Алиса не врет. Это ее мать, я знаю.

– Откуда? – удивленно поднял бровь Горал. – Твое дело: собирать страх. Ты вообще не можешь вмешиваться в порядки академии. Алиса просто ошибается. Она была слишком маленькая, когда погибли ее родители. Она не помнит.

– Не вру и все помню! – завопила я и топнула ногой. – У меня была мамина фотография. Я каждый день целовала ее перед сном.

– Она говорит правду! – из моего браслета вылетел Нистар и устремился к дракону.

Он завис в воздухе перед Горалом, трепеща золотыми крылышками с такой скоростью, что они превратились в блестящий пропеллер.

– Знаю, что ты задумал! – заверещал дракоша. – Хочешь переписать ее судьбу, чтобы она стала послушной игрушкой? Не выйдет! Я тебе не позволю!

– Что? – презрительно скривился Горал. – Ты еще кто такой? Кто позволил тебе вылезти из зеркала? Пошёл вон! – он хлопнул дракошу открытой ладонью, и тот, отлетев на несколько метров, плюхнулся на пол, но не сдался.

Пошатываясь, он поднялся на лапки и закричал:

– У тебя ничего не выйдет! Алиса – дочь самого Фатумора. Того, которого ты сверг!

Горал вздрогнул, как от выстрела, побелел и заревел:

– У Фатумора не было детей! Замолчи, лживый мерзавец, иначе я тебя испепелю!

– Это ты мерзавец! – выкрикнул дракоша. – Хочешь всё под себя подмять? Не выйдет! Ты не станешь Судьбой! Я тебе не позволю!

– Ты... не позволишь... – медленно произнес Горал и вдруг рассмеялся. – Ты! Не позволишь! – хохоча, он исторг мощный столб пламени, который устремился к дракоше.

Все! Сейчас мой фамилляр сгорит. Бедный мой маленький отважный защитник. Не позволю! Не дам!

– Нет! – я бросилась к дракоше, споткнулась, запутавшись в длинном платье, упала, и так и осталась лежать на животе, поражённая увиденным.

Столб огня, пущенный Горалом, замер в нескольких шагах от Нистара. Дракоша стоял, слегка покачиваясь на широко расставленных ногах, вытянув вперед обе лапки, а стена огня, беснуясь, плясала перед ним. Хвост Нистара дрожал от напряжения. Он взмахнул лапками, вскрикнул и стена огня взметнулась в воздух. Фатумы, громко вопя, попадали со стульев, и, зацепившись за канаты, повисли на них. Самые отчаянные спрыгнули вниз с огромной высоты. Шамтара завывала, и, балансируя хвостом, полетела на пол, широко расставив руки и ноги. К моему великому огорчению, она не сломала шею, а мягко приземлившись, немедленно вскочила на ноги. Вот гнида бессмертная!

Дракоша взмахнул обеими лапками, издал воинственный клич, и стена огня обрушилась на Горала, сбивая его с ног. Важные особы в ложе, вопя, вскочили на ноги. Охрана, прикрывая кожаными щитами президентов наших земных сверхдержав, быстро выводила их из зала. Студенты сорвались с мест. Началась паника. Кто-то бросился к выходу. Кто-то, наоборот, спрятался под трибуны.

И вдруг все звуки смолкли. Наступила звенящая тишина. Все взгляды были прикованы к Нистару. Потому что его окутал кокон из золотых нитей. Они бешено вращались, словно веретено, и вдруг остановились, и упали вниз. Из кокона выступил Азар.

– Я тебе не позволю, Горал! Ты не станешь судьбой! И не изменишь судьбу Алисы.

Ибица сердце перестало! Машу вать! Нистар – это Азар? Так вот откуда он всё знал! Всегда рядом, незаметный, вне подозрений, смешной, нелепый, как плюшевая игрушка. Любимая моя игрушка! Единственный друг среди врагов и завистниц, что окружали меня со всех сторон. Как же так? Неужели это и есть моя судьба: всегда ошибаться в людях? Принимать лжецов за друзей? Он ел с моей руки. Он спал в моей постели. Он вместе со мной искал Азара в Зафеминье, прекрасно зная, что его там нет. Из-за него меня чуть не убил Горал, когда застукал на мужской половине. Зато для него это было прекрасной возможностью лишний раз обмануть всех, доказать, что его нет в академии и остаться ненайденным. Но главное: он видел, как я билась под Горалом. Не мог не видеть. И не пришел, чтобы не испортить игру. Потому что игра превыше всего! Придумал потом какую-то ерунду, что выход из зеркала оказался закрыт. А я поверила. Я даже на миг не задумалась о том, что, он, возможно врет. Потому что безгранично доверяла – своему дракоше, который всегда бросается на помощь. Как же я не поняла этого еще в Кладовой Судьбы, когда Нистар на миг исчез, а вместо него появился Азар? Вот я дура! И мой Доктор Чуйка тоже дурак. А Доля? Неужели она знала и молчала? Неужели у меня даже доля горькая, как недоля?

Я с трудом поднялась на ноги и хотела подойти к Азару и плюнуть ему в его надменную физиономию. Но в этот момент Горал заревел:

– А ты думаешь, что имеешь право решать ее судьбу? Ты всегда был трусом, который прячется за спиной других. Тебе нужно было

превращаться не в фамильяра, а в крысу. Это и есть твоя суть, Азар! – стена пламени окутала Горала и он принял истинный драконий облик.

Алый дракон Горал заревел и бросился на врага. Азар последовал его примеру и обернулся огромным черным драконом. Вместо одной передней лапы у него был сверкающий черный меч. Они сплелись двухцветным пылающим кольцом и взмыли вверх, под потолок.

– Тебе конец, драконья вошь! – раздался сзади визг.

Я обернулась и увидела Шамтару, несущую на меня на всех парах. Меня аж подбросило вверх от злости. Сама чуть не взлетела, раскиндык! Ну, крокодилица, побывала я в ледях, ничего там хорошего нет. Сейчас я тебе покажу, как у нас в Волчедуйске наказывают таких, как ты. Крокодилица как раз очень удачно подлетела ко мне, вращая хвостом. Я подняла ногу и залепила ей пяткой в лоб. От души впечатала. Бери, гнида, мне не жалко! Я сегодня щедрая! Под каблуком чавкнуло. Шамтара закатила золотые глаза и рухнула во весь рост на спину. Аж ногами накрылась. Вот это правильно! Ты подними повыше ногу, я покажу тебе дорогу. Светлым и широким путем да строевым шагом прямо в кардашьян! Я от души наступила ей на хвост, потом схватила его двумя руками и рванула на себя. Я хотела волоком довести ее до туалета возле зала и макнуть пару раз головой в унитаз для профилактики.

Но хвост остался у меня в руках. Фу, гадость какая! Разобрала гниду на запчасти сгоряча. Содрогаюсь от отвращения, я с воплем бросила хвост назад. Там охнули. Я обернулась и увидела Недолю, которая повалилась, накрытая хвостом. С ее телосложением нужно только раз дунуть. Ее же вообще Смерть пописать напоследок отпустила, – как говорили у нас в Волчедуйске. А тут целый, большой и довольно тяжелый хвост. Недоле как раз и хватило, даже на сдачу осталось.

– Ага! – завопила Доля, радостно потирая ладошки. – Так тебе и надо, злыдня тонконогая! Мерзость сеешь, от мерзости и получила на орехи! Нужно было тебя другой частью тела накрыть – да простит меня, Судьба! Жалко, что Шамтара не мальчик. А то оторвать бы ей орган молодецкий и прямо в лоб твой узкий его впечатать! – Доля сложила пальцы кукишем, прижала ко лбу и покрутила, изображая болтание сильно расстроенной, и оттого безвольно висящей мужской гордости.

– Ах ты, кадушка рыхлая! – Недоля щелкнула пальцами и хвост взвился в воздух. – Да я тебя изведу! Истощу! Испепелю! Высушу и изничтожу! В корму твою необъятную пряники твои же и позасовываю! – она вскочила на ноги и бросилась на Долю.

Позабыв про магию и щелчки пальцами, они, как две обычные деревенские бабы, сплелись в яростно орущий клубок и покатались по полу, пиная друг дружку и хватая за волосы. За ними катились намертво сцепившиеся в схватке фамильяры: Милокот Доли и Лихогрыз Недоли. Серая и рыжая шерсть клочьями полетела во все стороны.

Я посмотрела вверх. Там, полыхая пламенем, бились два дракона. Черный дракон Азар размахивал лапой -мечом, рассекая сгустки пламени. Алый дракон Горал отрастил себе золотые когти-кинжалы, которые схлёстываясь с черным мечом Азара, высекали снопы огненных искр.

– Тебе не уйти, дворняжка! – заверещали за спиной.

Я едва успела увернуться от подружки Шамтары, которая, зажав в руке нож, яростно била им по воздуху, пытаясь разрезать мне лицо.

– Да ушатай тебя, Китай, птеродактиль офонаревший! Ты на кого батон крошишь, овца? Шла бы ты сра...достью через Житомир в Пензу! И в Роттердам через Попенгаген! – завопила я, уворачиваясь.

На меня с ножом! Да на меня в интернате с чем только не бросались, включая остро заточенные пилочки для ногтей. А после конкурса "Мисс Волчедуйск", где я третье место заняла, даже стекла не в туфли запихивали, как у буржуйских моделек в Парижах и в Лондонах, а в бутер с колбасой! Я потом хотела им этот бутерброд в кардашьян запихать, но их спасла моя природная доброта и наша волчедуйская милиция. А тут эта тля с ножом?

– Я тебя, огрызок рептилоидный, сейчас угощу грузинским вином Такахули! Овощ тебе в помощь! – заорала я, наступая на нее.

– Что? Какой еще овощ? – она на миг растерялась.

– Хрен с тобой! – я одним движением отстегнула от платья золотой пояс, состоящий из тяжелых и вычурных пластинок, намотала на руку, как цепь и со всего размаха от души фляснула ее по руке с ножом.

Она взвыла от боли. Сзади кто-то тяжелодохнул в затылок. Я резко обернулась, и вовремя. Бесхвостая Шамтара попыталась

вцепиться мне в волосы.

– И тебя угощу! Мало тебе, да? Так ты попроси! Я не могу, когда люди долго просят сделать им больно! Добрая я, понимаешь? – пояс в моей руке со свистом рассек воздух перед зеленым носом крокодилицы.

Но эта тля вдруг пригнулась, и, ловко подпрыгнув, схватила пояс на замахе и дернула на себя. Я, потеряв равновесие, качнулась вперед. А Шамтара, издав торжествующий вопль, еще раз рванула пояс на себя. Мы оказались лицом к лицу. Сейчас я плюну в эту зеленую харю с глазами-фарами!

– Катись в ад к Церберу, дворняжка! – горячо выдохнула мне в лицо Шамтара, издевательски залаяла и вдруг резко развернула меня к себе спиной.

Вот корова здоровая! А еще ящерица! Откормили ее кухонные лепреконы на мою голову! Я дернулась из ее рук, но впереди стояла ее рептилоидная подружка. Она улыбалась, как майская роза в помойном ведре. И сначала я даже не сообразила, отчего это ее так накрыло. Но опустив глаза вниз, слишком поздно всё поняла. Эта гадина почти ничего не сделала. Она просто вытянула руку вперед. Покалеченную моим золотым поясом руку с рассеченной кожей. А в руке был нож. И в этот момент Шамтара резко толкнула меня вперед.

Горячая колющая боль пронзила мой живот. Я задохнулась. Немного кислорода. Чутьочку! Капельку! Маленький вздох среди пылающего в теле огня. Весь зал перевернулся перед глазами. И пол медленно поплыл мне навстречу. Я упала на огонь, на боль. Схватившись двумя руками за рану, с трудом перевернулась на бок, потом на спину.

– Алиса, нет! – кричал алый дракон Горал, падая на меня.

А вместе с ним упало небо и черный дракон Азар. Горал, на лету приняв человеческий облик, бросился ко мне. А за ним опустился на пол сгусток огня и из него вышел Азар тоже в человеческом облике. Он спокойно, не торопясь подошел к Горалу и замахнулся черным мечом, что вырос вместо руки.

– Обернись, Горал! – из последних сил прошептала я, захлебываясь кровью.

Азар, не глядя на меня, с закаменевшим в брезгливом спокойствии лицом, вонзил меч в спину Горала.

– Что ты сказала? Я не расслышал, – Горал наклонился ко мне, и... вздрогнул.

По щекам разлилась смертельная бледность. Его лицо исказила гримаса боли. Он порывисто вздохнул и удивленно посмотрел на свою грудь, из которой торчал черный меч. Потом так же удивленно посмотрел на меня и повалился на бок рядом. Огромная лужа крови мгновенно расплзлась под ним, смешиваясь с моей кровью. Он вытянул дрожащую руку и из последних сил потянулся к моей руке. Наши скованные судорогой боли пальцы сплелись в первом добровольном, с момента нашего знакомства, объятье.

– Не отпускай... меня.. – прошептала я.

– Никогда... – захлебываясь кровью, прошептал он.

И вдруг налетела лютая вьюга. Холод сковал всё вокруг. Потолок зала раскрылся и сверху повалил густой снег. Ветер яростно завывал, сбивая с ног всех, кто не сбежал, оставшись в зале.

Рядом со мной из ниоткуда, из пустоты вдруг появилась гигантская фигура.

– Ангел Смерти, – пронесся по залу испуганный шепот.

Ангел Смерти раскинул руки. Гигантского роста, в черном балахоне, его длинные, до середины спины волосы, бились на ветру со странным звуком. Словно кто-то невидимый играл в домино. Я вгляделась в них и поняла, что седые пряди его волос состоят из крошечных белых черепов, которые постукивают друг о друга, раскачиваясь на ветру.

Ангел Смерти наклонился и поднял меня, держа на вытянутых вперед руках. Странно, но в этот момент мне стало легче. Боль вдруг отступила.

– Не забирай ее, убивец! Эскулап уже близко, – закричала Доля. – Вот он тебе, ироду, задаст! Все твои сухие косточки пересчитает!

– Алиса – моя, – прошелестел Ангел Смерти, и из его рта посыпались сухие почерневшие листья. – Ее время истекло.

– Ты не можешь её забрать, – Горал попытался приподняться. – У тебя договор с эскулапом.

– Мы договаривались только на один раз. На одно спасение. Тогда я отступил, с честью выполнив то, что пообещал. А теперь я не связан словом чести и договором, поэтому забираю ее. Алиса моя.

– Подожди! – захлебываясь кровью, с трудом произнес Горал. – Возьми вместо нее меня. Жизнь за жизнь. Какая тебе разница?

– Ты готов умереть за нее? – удивлённо прошелестел Ангел Смерти. – Это похвально. Я запишу твои слова в книгу доблести. Но ты мне не нужен. Разве что... он бы пригодился, – Ангел Смерти кивнул в сторону Азара.

Тот отступил назад и глухо произнес:

– Зачем я тебе?

– Ты знатного рода, – ответил Ангел Смерти. – У твоей семьи есть много такого, за что стоит поторговаться. Заберу тебя, а твои родственники мне много дадут, чтобы я тебя вернул.

– Такая замена не равноценна. Я стою больше, чем милая, но все же простушка Алиса. Не в этот раз, Ангел Смерти, – он подобрал с пола горсть снега,дохнул на нее пламенем.

Между пальцами потекла струйка воды. Азар упал на пол и исчез в крошечной лужице.

– Я стою больше, чем Алиса. Зачем тебе эта девочка, если ты можешь заполучить сильного мага? Возьми меня! – Горал с трудом перевернулся на бок и попытался встать на ноги.

– Ты мне не нужен, Горал. Я уже сказал, – ондохнул холодом мне в лицо и я почувствовала, как немеет, застывая, все тело.

– А что тебе нужно? – выкрикнула Доля. – Назови цену! Ты же собираешь души. Какая душа тебе нужна?

– Я забираю не души, а самое ценное, что есть у каждого живущего, – ответил Ангел Смерти. – У многих это, действительно, душа. Но у драконов есть кое-что более ценное. Сердце дракона. Оно стоит дороже, чем душа человека. Особенно, если в этом сердце спрятана Прялка Судьбы.

Горал из последних сил поднялся на ноги, и, покачиваясь, встал перед Ангелом Смерти. Он судорожно вздохнул и сказал:

– Бери и сердце и Прялку Судьбы! Только Алису оставь в покое!

Ангел Смерти протянул к нему руку.

– Нет! – из последних сил прошептала я. – Я не согласна! Не смей, Горал! – боль с новой силой вспыхнула, выжигая всё внутри.

Если бы я могла в этот момент кричать, то от моего крика обвалились бы стены. Дракон, который не знал другого закона, кроме собственных желаний. Эгоист, что как заведенный повторял:

– Я, мне, моё, для меня.

Самовлюблённый ректозавр готов был отдать за меня сердце и жизнь. А я... впервые в жизни я поняла, что значит когда больно за другого. Впервые в жизни я почувствовала, что не страшно умереть. Страшно жить, когда твоя вторая половинка не с тобой. Когда жизнь стала пустой. Когда стрелки часов останавливаются вместе с сердцем того, кто был всего дороже. А я не осознала этого раньше. Потому что не знала, что такое вообще бывает.

Ужасный Горал, которого я злила одним своим видом. Который сделал мою жизнь в академии невыносимой. Этот Горал сначала пытался взять меня силой, а потом сам остановился. А теперь, не раздумывая, готов отдать за меня свою жизнь. Он и есть настоящий мужик. С его кошмарным характером, с его упрямством и сладострастием, с его неспособностью объяснить свои чувства, с варварской привычкой брать то, что ему нравится, оказался в душе в сто раз порядочнее и честнее, чем слащавый принц на белом коне Азар.

Зачем мне эта пустая жизнь без него? Без невыносимого, упрямого моего огнеплюя? Такого же дворняжки, как и я, что привык выгрызать у судьбы то, что другим она дала от рождения. Ведь такого второго больше не будет. А будут такие, как Азар, что играют со мной, чтобы получить свое. Вежливые, мягкие, текучие, как вода, которой они с легкостью управляют. А потом уходят, бросив напоследок:

– Неравноценная замена.

Слово-то какое! Не-равно-ценная. Всё трезво, спокойно и заранее просчитал: сколько стоит он, Азар, а сколько я. Дуреха! От цветочков млела. Я! Которая цветы вообще не любит! Теперь понятно, что он меня просто приворожил. Не могла я в трезвом состоянии, не окутанная приворотными чарами, не раскусить такого мерзавца, который сразу определил свою цену, что гораздо дороже, чем цена моей жизни. Если бы не его приворот, то давно вывела бы его на чистую воду. А принц оказался вовсе не принцем. И если так здраво подумать – а уж это я всегда умела – то кто же из них двоих пожертвовал бóльшим? Тот, кто прикрываясь моей заветной мечтой и своей якобы любовью, манипулировал мною? Принц! Ласковый, все понимающий, он не хуже меня самой заранее просчитал, как меня

взять. На приманку. На то, чего у меня никогда не было: простое человеческое тепло и искреннюю любовь.

Это то, что получает с детства каждый человек, у которого есть мама. А я этого всегда была лишена. Мне странно даже думать, что кто-то может полюбить меня не за тугой кардашьян, не за вздернутые в вечном прицеле сиськи, а за мою прекрасную душу.

И вот этот стервец в зачуханной короне всё заранее спланировал. А второй, Горал, не прикидывался. Играл со мной, да, но от души. По драконьей сути своей пытаюсь переломить мою суть, тоже жадную и драконью. И сам не заметил, как влюбился. Ну да, усыпили мы его фамильяра зельем, намудрили-наколдовали. Но тут тоже не до конца все детали ясны. Он ведь не простой мужик, он сильный маг. Неужели не почуял, что его ведут, как простого смертного? Неужели не понял? А если понял, но хотел, чтобы так и было?

Но в любом случае он сделал то, чего никогда не делал ни один дракон: он подчинился мне. Переступил через себя. Первый раз в жизни! Может быть, он хотел проиграть? Неявно хотел, неосознанно, сам себе не признаваясь. Ведь бывают же такие случаи, когда простому человеку удастся переломить судьбу. Примеры? Да чертова Золушка! Наверное, потому что Судьбе тоже нужно, чтобы иногда ее кто-то подчинил себе. Один-единственный! Кому можно вложить в раскрытую доверчиво ладонь свою шипастую, клыкастую и огнем полыхающую душу.

— Не забирай Горала! — прошептала я. — Возьми меня! — я протянула Ангелу Смерти окровавленную руку. — Меня возьми. Не его! — и вдруг среди боли и пламени, что бушевали в животе, я ощутила странное движение в груди, от которого боль полностью затихла.

Я перевела взгляд вниз. Этого не может быть! Я, наверное, уже умерла, и это мое последнее видение перед тем, как скользнуть в черную бездну небытия. Из моего сердца, из самой его глубины шли золотые сверкающие нити.

Ангел Смерти вздрогнул и осторожно положил меня на пол. А рядом со мной упал Горал. И вдруг его грудь раскрылась на две половинки. Буквально распахнулась, как окно от порыва весеннего ветра, и я увидела его сердце. Алое с золотом сердце дракона. А из него выпала золотая сияющая прялка. Она стремительно выросла. Зажужжало, раскручиваясь, веретено.

– Ну же! – крикнул Горал. – Бери! Лишь оставь ей жизнь!

– Поздно, – прошелестел Ангел Смерти и опустился на колени. – Я забираю жизни смертных, но не могу забрать жизнь Судьбы. Я подчиняюсь великой богине Макоше!

А нити из моего сердца наматывались на веретено прялки, и поднимались вверх золотым коконом-облаком.

– Игра окончена! – закричала растрепанная Доля, подбегая к нам. – У нас есть Прялка Судьбы и золотые нити! На колени перед новым Божеством Фатумором! Слава Матери Макоше! И лекаря-эскулапа приведите! Живо, рохли бестолковые! У нас Судьба родилась, и она вся в крови.

– Слава новой Макоше!

– Слава Фатуму!

– Да хранит новый Фатумор Ковер Судьбы!

Все, кто был в зале, преклонили колени. А я сквозь золотую завесу нитей, идущих из моего сердца, смотрела на Горала, который тихо шептал из последних сил, морщась от боли:

– Не отпускаю тебя никогда!

Я вдруг оказалась в каком-то странном месте. Под ногами плыли облака. А вокруг стелился белый туман, который прорезали золотые нити, словно тоненькие струи мелкого дождя. Я оглядела себя: ни ран, ни царапин. По телу струилось полупрозрачное, словно тюлевое, белое платье. Туман колыхнулся и из него выступил Горал. Он был в белой одежде, такое же полупрозрачной, как мое платье. Длинная широкая рубаха облегла его мускулистое тело. Он протянул ко мне руку. На ладони лежало сердце. Горал подошел ко мне и прошептал:

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе*

*

Используется стихотворение Бориса Пастернака "Сон"

– Зачем ты нас убил, Горал? – прошептала я, прижимаясь к его крепкой груди, и почувствовала, как он дрожит.

– Я сделал нас бессмертными, – он зарылся лицом в мои волосы. – Чтобы изменить свою судьбу, нужно сначала умереть, а потом родиться заново.

– Где мы, Горал?

– Между жизнь и смертью. Там, где всегда есть время подумать и поговорить.

– Ты был невыносим! Почти, как я, и даже хуже, – я потёрлась носом о его подбородок.

– Я уступил тебе, моя девочка. Кто-то из нас должен был уступить, – Горал опустился на одно колено, обнял меня двумя руками, крепко прижался щекой к моему животу.

Я закрыла глаза. Так бы и стояла вечность, ощущая, как любимый мужчина склонился к моим ногам. Но вдруг меня кольнула ревность. Нет, мы еще не всё выяснили.

– Ты допустил Шамтару к отбору! Ты сговорился с ней, с этой мерзкой крокодилицей! – я попыталась оттолкнуть Горала, но он еще сильнее прижался ко мне и ответил:

– Я хотел, чтобы ты принадлежала мне без остатка. Моя! Понимаешь? – он вскочил на ноги и прижал горячие губы к моему рту. – Только моя! Для этого я обманул Шамтару. Другого выхода не было. Она бы переписала твою судьбу прямо на отборе, в нарушение всех правил. Потому что к Церберу в ад правила, если они разделяют тебя и меня. Но Макошей она бы все равно не стала. Ты – моя богиня.

– Лгун! – я отшатнулась. – Покорная Макоша? Разве так бывает? Если бы ты переписал мою судьбу, то я бы подчинялась тебе! Как бы я тогда стала Макошей?

– Зато ты бы никогда не встретила Азара. И тебе не с кем было бы меня сравнивать. И я тогда был бы единственным и самым желанным твоим мужчиной! – он положил руку мне на затылок, под волосы, запрокинул мою голову и поцеловал.

– Собственник! – я просто стукнула его изо всех сил кулачками по спине, крепко сжимая губы.

– Еще какой! – легко согласился он, продолжая меня целовать.

– Диктатор! Рептилоид огнеплюйный и вообще властный гад! – я еще раз ударила его по спине.

– Полностью согласен! Бей! Ну, еще раз!

– Получай! – град ударов по его спине.

– Еще! Еще давай! Ударь справа. Ты там еще не била! – он обнял меня двумя руками и поднял, продолжая целовать.

И вдруг я вспомнила самое главное и прошептала, задыхаясь:

– Ты повернулся спиной к Азару. Ты ведь не мог не знать, что он тебя убьет, – мои кулаки разжались сами собой.

– Мне было всё равно.

– Но как, Горал?

– В первый раз в жизни я испугался не за себя, а за тебя. Если тебя не станет, то на кого я буду тратить весь запас огня?

– Дурак! – прошептала я, раскрывая, наконец, губы. – Мог бы давно просто сказать, что чувствуешь, и всё.

– Абсолютный дурак! – ондохнул теплом, крепко целуя меня. – Я не умею говорить о люб... о чувствах. Я умею только умирать за свою девочку!

– Макоша! Фатум! Возвращайтесь! – из тумана выступил эскулап. – Я всё вылечил. Вас все ждут. Идите к ним.

– Изыди! – Горал повернулся к нему и щелкнул пальцами.

Откуда-то налетел целый ворох золотых нитей, обвился коконом вокруг эскулапа и потащил его в туман. Эскулап нелепо взмахнул руками, пытаясь удержаться на ногах, и скрылся за молочно-белой завесой.

Горал снова приник губами к моему рту.

– Опять властно господствуешь? – прошептала я.

– Он мне мешал тебя любить!

– Макоша, Фатумор! Мы вас ждем! – раздался из-за тумана хор голосов.

– Ни минуты для личного счастья! – досадливо поморщился Горал. – Ладно, пойдем, – он с неохотой оторвался от моих губ и взял меня за руку.

– Подожди-ка! – я вырвала свою руку из его ладони. – Я еще не всё услышала, что хотела. Самого главного ты мне так и не сказал!

– Разве? – он удивленно приподнял одну бровь.

– Да. Я хочу услышать, что ты меня любишь.

– Я за тебя жизнь отдал! Чего еще ты хочешь, моя богиня?

– Хочу, чтобы ты сказал: "Алиса, я тебя люблю".

– Я не умею говорить о любви. И это и не нужно.

– Еще как нужно! – я топнула ногой. – Каждой женщине нужно, даже, если она Богиня Судьбы и за нее умирали. Это просто другое. Ты не понимаешь! Мужчинам вообще такого не понять.

– Хорошо, – покорно сказал Горал и вздохнул. – Я тебя лю... лю... л...

– Ну же, Горал! Это так просто!

– Я пытаюсь, не отвлекай меня! Я... тебя... – он шумно втянул в себя воздух и выдохнул: – люблю!

– Аллилуйя! – закричала я.

– Подожди-ка, а ты сама? Ты должна сказать мне тоже самое.

– Вот еще! – шутливо нахмурилась я. – Я тебя еще не до конца простила. Потом подумаю о твоём поведении, и, может быть, услышишь, может быть...

Горал бросился на меня, повалил на облако, крепко поцеловал и прошептал:

– Сейчас скажи! Иначе испепелю все эти чертовы облака! Для начала. А потом весь Ковер Судьбы! Я же теперь Главный Фатум, мне это легко.

– Ну ладно. Это только ради спасения мира. Мой мармеладный огнеплой, мой невыносимый ректозавр, Спилберг с парком юрского периода тебя задери! Я... тебя... люблю!

Сколько веревочке не виться, а конец всё равно придет. Хотя даже я, Доля, не думала и не гадала, как все обернется и какими узелками завяжется. Всё это затевалось для того, чтобы заставить холодное сердце Алисы полюбить и заставить его пряхсть Нити Судьбы. Потому что она дочь самого Фатума. А прежнее Божество знало заранее, что его убьют. И даже ведало, когда придет этот лютый час. Поэтому Главный Фатум, отец Алисы, заранее всё спланировал так, чтобы Алиса стала Судьбой. Но чтобы стать Судьбой, нужно полностью измениться. И наша девочка с этим справилась.

Да и мы все изменились вместе с ней. Поначалу-то как было? Думали мы, что молодец наш Азар ее приворожит аленьким цветочком, а потом она сама влюбится в него. И тогда Азар станет Фатумом, а Алиса Макошей. А Горал не устоит перед приворотным зельем Пака, склонится перед Алисой, да выпустит Прялку Судьбы из сердца, в котором ее схоронил. И будет он тихо и покорно, под чарами зелья, смотреть на счастье Алисы и Азара со стороны.

Но у Судьбы всегда всё нырком да кувырком: она знатная потешница. А потому и сама никогда не знает, что да почему. И вот как всё с ног на голову перевернулась, что Горал-то с сердцем каменным и

влюбился в нашу девочку, да так, что буйну головушку едва за нее не сложил. И она, голубушка, оттого к нему и потянулась. Тут, правда, тоже не всё так гладко и ладно, потому что сразу и не разберешь: то ли Пак чего напутал с зельем, то ли сами Горал и Алиса без его помощи друг в друга влюбились.

Другое важно: Азар – жених наш названный сплеховал да струсил. Он, Азар, конечно, захочет отомстить. И снова попытается занять трон Судьбы. Но я, Доля, и мои друзья будем начеку. Нам главное, чтобы Макоша была влюблена в Фатума. Потому как, несмотря на то, что Божество – оно и мужчина, и женщина, но мы-то знаем, что весь Ковер Судьбы принадлежит женщинам. И Судьба, хоть и есть в ней мужское начало, все равно больше женщина, чем мужчина. Она просто позволяет Фатуму рулить. Но задает направление пути. Как шея, что поворачивает голову в нужную сторону.

Потому что Судьба хоть и злая тетка, но с ней можно сладить, если ее полюбить. Жестокую, кривую, кособокую, но свою родную. И если любишь, то и сам становишься судьбой. И Ковер Миров теперь будет выглядеть совсем по-другому. Ведь Судьба неотделима от любви. Судьба – это и есть любовь во всех ее проявлениях. Мы – судьба тех, кого любим. Потому что мы для них строим мир. И они наша судьба. А любовь может быть любой. Главное: чтобы она была.

19 Глава. Эпилог, ушатай меня, Китай!

Феечки шумной стайкой летали вокруг меня, на "живую" нитку сшивая свадебное платье из живых цветов бело-жемчужного цвета. Живых, то есть в прямом смысле, не только свежесрезанных, но и говорящих. Цветы давали феечкам ценные указания, куда лучше тянуть линию рукава или какой подол должен быть у пышной юбки в пол. Феечки каменели лицами, нервно моргали и тряслись мелкой дрожью от бешенства, но спорить в моем присутствии не решались. Разве что иногда с садистским наслаждением мяли лепестки самых болтливых цветочков.

Платье, кстати, я выбирала сама из сотен рисунков Флоры Яфейфии. И материал – если эту вякающую флору так можно назвать – и фасон. И удивительное дело, как быстро я в глазах феечек из ужасного создания с кошмарным вкусом превратилась в икону стиля всех миров Ковра Судьбы. Феечки рассыпались в комплиментах, жужжа в оба уха, что лучше меня на свете нет. Мне очень хотелось их послать по факсу, как минимум, но приходилось сдерживаться. Я же теперь даже и не ледя, я – Богиня Судьбы! Одно плохо: девчонкам из клуба не расскажешь. Они подумают, что я перебрала то ли алкоголя, то ли чего похуже.

Подгон платья происходил в спальне Горала. Академия гудела, как растревоженный улей. Повара не спали всю ночь, Доля лично стояла у них над душой, наблюдая за приготовлением свадебного торта. Камцан сбил две пары башмаков, носясь по коридорам. Даже мытарь участвовал в приготовлениях, собственноручно проверяя винные погреба.

Горал, весь в белом, сидел в кресле и покорно наблюдал за процессом подгона платья. Наконец, его и без того небольшое от природы терпение лопнуло, и он, вскочив на ноги, подошел ко мне:

– Хватит! – приказал он феечкам. – Все идеально. Вон отсюда! Живо!

Я молча, но выразительно посмотрела на него, приподняв одну бровь.

– То есть, я хотел сказать: пожалуйста, оставьте нас одних, – тихо и вежливо попросил мой жених, моментально успокоившись.

Феечки, рассыпаясь в извинениях и комплиментах, вылетели из спальни. Горал подхватил меня на руки и взмыл к потолку.

– Ты нас помнешь! – заверещали цветы.

– Я вас испепелю, если вы не замолчите! – пообещал Горал.

Он щелкнул пальцами и мы оказались на Драконьей Скале.

– Готова ли ты поклясться мне в верности на всю жизнь и броситься вместе со мной со скалы?

– Да, – ответила я, расправляя белые драконьи крылья, которые бились на ветру.

– Уверена? Только не разбейся, моя девочка! – прошептал Горал.

– Подожди, Горал. Мне нужно еще кое-что сделать.

Я щелкнула пальцами, вокруг меня закрутился кокон золотых нитей. А когда он распался, я вышла во дворе нашего детдома. Дети, плача, бежали за машиной. За старым "Жигуленком-копейкой", в котором завхоз увозил к ветеринару нашего Шарика. Быстрее и дольше всех бежала за машиной маленькая я. Машина, тарахтя, уже скрылась за углом, а девочка Алиса плюхнулась в грязь, и заплакала, в отчаянии сжимая маленькие кулачки.

Я хорошо помнила всё, что случилось дальше. Алиса будет плакать всю ночь. И постепенно отчаяние и тоска по маленькому комочку шерсти, который так доверчиво прижимался к животу под одеялом, сменятся злостью. Колкая, бешеная злость будет жечь меня изнутри. Как Шарик мог меня оставить? Как мой щенок мог от меня уйти? В ту ночь маленькая я закуталась в жёсткое детдомовское одеяло и поняла самую важную вещь в своей короткой жизни: ни на кого нельзя полагаться. Никогда! Ни к кому нельзя привязываться. Все предадут. Все сделают больно. Только один-единственный человек на свете будет любить меня всегда: я сама. Думать нужно о себе. Заботиться только о себе. О теле, чтобы ему было удобно, вкусно и тепло. О сердце, чтобы оно не болело. А сам себе ведь сердце не разобьешь!

Я подошла к себе самой, рыдающей в грязи, щелкнула пальцами, и из-за поворота показалась машина завхоза. Вот "Жигуленок" въехал во двор детдома, хлопнула дверца, и из нее со счастливым визгом

вылетел живой, здоровый и даже в меру упитанный Шарик. Он бросился к маленькой Алисе и принялся вылизывать ее лицо.

– Шарик, мой Шарик, ты вернулся, – плакала от счастья маленькая я, крепко прижимая собаку к себе.

Я подошла к ней, присела на корточки и прошептала в ухо девочки:

– Видишь? На свете случаются чудеса! Не закрывай свое сердце. Не становись холодной, как собачий нос. Не ищи рыбцов с Рублевки, ищи любовь. Ты не одна. У тебя есть я. И я, твоя судьба, тебя люблю, а значит, и другие полюбят.

Я прикоснулась к разбитым коленкам Алисы, излечивая их, и прошептала:

Когда я вырасту и стану великаном,
Я все разбитые коленки излечу.

Я взмыла в небо и оказалась снова на Драконьей Скале. Под ногами плыли облака. А под ними сверкал и переливался красками Ковер Судьбы. Теперь всё будет по-другому. Я излечу все коленки, все сердца. Теперь ни одна девчонка не будет плакать. Ведь Судьба – это всего лишь девочка с разбитыми, но залеченными коленками.

– Эй, девчонки, – закричала я, расправляя белые драконьи крылья.
– Ничего не бойтесь! У вас теперь есть я. Ваша добрая и щедрая Судьба, ушатай меня, Китай!

Конец